

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИКИ

*Материалы
всероссийской научно-практической конференции*

(Улан-Удэ, 14 мая 2026 г.)

Научный редактор
С. В. Доржиева
канд. юр. наук, доц., зав. кафедрой ГПиП ИПЭ

Ответственный редактор
Р. А. Балдаева
канд. биол. наук, доц.

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова
2026

УДК 340 (082)
ББК 67.021я431
А 437

Утверждено
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
Протокол № 4 от 11 июня 2026 г.

Редакционная коллегия

Р. А. Балдаева, канд. биол. наук, доц., **Е. А. Мурзина**, канд. юр. наук, доц.,
Ж. Т. Ламбаев, канд. юр. наук, доц., **М. М. Налетова**, ст. преп.

Рецензенты

О. В. Хышиктуев, *канд. юр. наук, доц., заслуженный юрист РФ*
Е. В. Цыденова, канд. юр. наук, судья Верховного суда РБ

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

А 437 **Актуальные вопросы цивилистики:** материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 14 мая 2026 г.) / научный редактор С. В. Доржиева, ответственный редактор Р. А. Балдаева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2026. — 320 с. ISBN 978-5-9793-2150-9

В сборнике представлены материалы всероссийской научно-практической конференции, проведенной кафедрой гражданского права и процесса Института права и экономики Бурятского государственного университета. Настоящий сборник содержит работы по актуальным проблемам гражданского права, трудового, семейного и других частно-правовых отраслей права, а также гражданского судопроизводства.

Предназначено для научных и педагогических работников, аспирантов, студентов юридических вузов, практических работников, а также всех, кого интересуют актуальные вопросы цивилистики.

Actual questions of civil law: Actual issues of civil law: materials of the annual All-Russian scientific and practical conference (Ulan-Ude, May 14, 2026) / scientific ed. by S. V. Dorzhieva, resp. ed. R. A. Baldaeva. — Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University Publishing Department, 2026. — 320 c. ISBN 978-5-9793-2150-9

The collection presents the materials of the interregional scientific and practical conference held by the Department of Civil Law and Process of the Faculty of Law of the Buryat State University. This collection contains works on topical issues of civil law, labor, family and other private law branches of law, as well as civil proceedings.

The collection is intended for researchers and teachers, graduate students, students of law schools and faculties, practitioners, as well as anyone interested in current issues of civil law.

УДК 340 (082)
ББК 67.021я431

ISBN 978-5-9793-2150-9

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вашему вниманию материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы цивилистики», которая состоялась 14 мая 2026 г. в Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова и объединила ученых из шести регионов нашей страны.

Исследования традиционно были посвящены различным отраслям частного права и гражданского судопроизводства, включая такие темы, как «Актуальные проблемы осуществления семейных прав нетрудоспособными членами семьи», «Правовое регулирование хранения и передачи генетических материалов», «Досудебное урегулирование земельных споров путем применения медиации», «Судьба земельного участка при возврате буддийского культового здания: правовая неопределенность и пути решения» «Правовое регулирование постмортальной репродукции по законодательству России и зарубежных стран», «Анализ особенностей современного уровня правового регулирования аффилированности в делах о банкротстве», «Правовое регулирование деятельности цифровых торговых платформ в России: анализ последних изменений законодательства» и многие другие.

Всего в работе конференции приняло более 70 участников из ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева» (г. Москва), ЦФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева» (г. Воронеж), Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева» (г. Краснодар), ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (г. Чита), ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (г. Улан-Удэ).

Благодарим всех участников конференции за проявленный интерес, сотрудничество, научную и практическую значимость докладов и статей, объединенных в этот сборник, которые вносят большой вклад в развитие частного права, а также гражданского судопроизводства.

Доржиева С. В.

*канд. юр. наук, доц., зав. кафедрой
гражданского права и процесса
Института права и экономики
Бурятского госуниверситета
им. Д. Банзарова,
судья в почетной отставке,
заслуженный юрист РБ*

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 34.037

ОРГАНИЗАЦИЯ РОЗЫСКА ДОЛЖНИКОВ, ИХ ИМУЩЕСТВА И РОЗЫСКА ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Абашеева Елизавета Захаровна

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

abasheevaelizavetax18270@gmail.com

Научный руководитель

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru

Исполнительное производство в Российской Федерации представляет собой сложный механизм реализации судебных актов и иных исполнительных документов, в котором ключевую роль играет розыск должников, их имущества и несовершеннолетних детей. Статья посвящена анализу организационных и процессуальных аспектов розыскной деятельности в рамках исполнительного производства, проблемам взаимодействия Федеральной службы судебных приставов с правоохранительными органами и иными государственными структурами. Исследуется правовая база, регулирующая исполнительный розыск, рассматриваются особенности розыска физических лиц, организаций, имущества и детей. Особое внимание уделяется вопросам эффективности применяемых механизмов, анализируются статистические данные о результативности розыскных мероприятий. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования исполнительного розыска и усиления межведомственного взаимодействия для повышения результативности принудительного исполнения.

Ключевые слова: исполнительное производство, розыск должников, розыск имущества, розыск детей, Федеральная служба судебных приставов, судебный пристав-исполнитель, исполнительно-розыскные действия.

Современная система исполнительного производства в Российской Федерации базируется на комплексе нормативных актов, центральное место среди которых занимает Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4, с 89–92]. Именно этот документ определяет основные параметры розыскной деятельности в рамках принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов. Ст. 65 указанного закона детально регламентирует процедуру исполнительного розыска, который понимается как совокупность исполнительно-розыскных действий, направленных на установление местонахождения должника, имущества должника или местонахождения ребёнка.

Нормативная база не ограничивается только положениями Федерального закона «Об исполнительном производстве». Организация и производство исполнительного розыска регулируются также Федеральным законом от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах», который определяет правовой статус должностных лиц, осуществляющих розыскные мероприятия. Существенное значение имеют Методические рекомендации по организации и производству исполнительного розыска в Федеральной службе судебных приставов, утверждённые ФССП России 17 апреля 2014 г. [2, с. 23–28] Данный документ конкретизирует процедурные аспекты розыскной работы, устанавливает алгоритмы действий судебных приставов-исполнителей на различных этапах розыска.

Впрочем, приходится констатировать, что действующее законодательство содержит ряд пробелов [2, с. 25–26]. Нормативное регулирование исполнительного розыска организаций-должников значительно отличается от регулирования розыска граждан-должников. Если розыск граждан и детей осуществляется с обязательным участием органов внутренних дел, то розыск организаций и имущества должника судебные приставы-исполнители проводят самостоятельно, не обладая при этом достаточными полномочиями для проведения оперативно-розыскных мероприятий [5, с. 238–240]. Указанное обстоятельство существенно снижает эффективность розыскной деятельности в целом.

Законодатель предусматривает дифференцированный подход к основаниям объявления розыска. По исполнительным документам о защите интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, о взыскании алиментов, возмещении вреда здоровью или в связи со смертью кормильца су-

дебный пристав-исполнитель обязан объявить розыск по своей инициативе или по заявлению взыскателя. По другим категориям исполнительных документов розыск объявляется только по заявлению взыскателя и при соблюдении определённых условий, в частности, когда сумма требований превышает 10 000 рублей.

Организация исполнительного розыска в системе ФССП России представляет собой двухэтапный процесс, включающий подготовительную стадию и непосредственное производство розыскных действий [3, с. 115–117]. На первом этапе судебный пристав-исполнитель, в производстве которого находится исполнительное дело, анализирует материалы производства, устанавливает наличие оснований для объявления розыска, выносит постановление о розыске, которое подлежит утверждению старшим судебным приставом или его заместителем. Данное постановление является процессуальным документом, определяющим круг исполнительно-розыскных действий и мер принудительного исполнения, которые могут применяться в отношении разыскиваемого лица или имущества.

На втором этапе постановление о розыске вместе с необходимыми документами направляется судебному приставу-исполнителю, осуществляющему розыск. В территориальных органах ФССП России данная функция возлагается на специально назначенных судебных приставов-исполнителей приказом руководителя соответствующего подразделения. Согласно статистическим данным ФССП России за 2014 г., судебными приставами, осуществляющими розыск, было разыскано 89,6 тыс. должников-граждан, что на треть больше показателей 2013 г. [3, с. 118] Однако эти цифры отражают лишь официально зафиксированные результаты и не учитывают те случаи, когда розыск не привёл к положительному результату либо исполнительное производство было прекращено по иным основаниям.

Взаимодействие судебных приставов-исполнителей с другими государственными органами и организациями составляет важнейший элемент механизма исполнительного розыска. В рамках розыскных мероприятий судебные приставы направляют запросы в налоговые органы, органы регистрации прав на недвижимое имущество, регистрирующие органы ГИБДД, кредитные организации, Пенсионный фонд Российской Федерации и иные структуры, располагающие информацией о должнике и его имуществе. Практика показывает, что эффективность розыска во многом зависит от оперативности предоставления запрашиваемой информации — здесь,

прямо скажем, всё неоднозначно [2, с. 26–27]. Существенные проблемы возникают при взаимодействии с Федеральной миграционной службой и органами внутренних дел [2, с. 24–25]. После передачи паспортно-визовых подразделений из системы МВД России в ФМС России розыск должников-граждан оказался в своеобразном правовом вакууме. Инструкцией об организации и тактике розыскной работы органов внутренних дел, утверждённой приказом МВД России от 05.05.1993 № 213дсп, розыск указанной категории лиц отнесён к компетенции паспортно-визовой службы, которая к настоящему времени функционирует в структуре ФМС России. В то же время ФМС России не обладает полномочиями по осуществлению розыскных мероприятий согласно Положению о Федеральной миграционной службе, утверждённому Указом Президента РФ от 19.07.2004 № 928.

Розыск должников-граждан представляет собой наиболее массовую категорию розыскных дел в практике судебных приставов-исполнителей. По обязательным основаниям, предусмотренным ч. 3 ст. 65 Федерального закона «Об исполнительном производстве», розыск объявляется по исполнительным документам о взыскании алиментов, возмещении вреда, причинённого здоровью или в связи со смертью кормильца, возмещении ущерба, причинённого преступлением. В этих случаях судебный пристав-исполнитель обязан вынести постановление о розыске независимо от наличия заявления взыскателя.

Розыск должника-гражданина осуществляется органами внутренних дел на основании постановления судебного пристава-исполнителя. Впрочем, это справедливо не для всех случаев. В различных субъектах Российской Федерации сложилась неоднородная практика определения подразделений ОВД, ответственных за розыск должников. По данным МВД России, в 63 субъектах Российской Федерации эти функции осуществляют участковые уполномоченные милиции, в 12 — сотрудники уголовного розыска, в 4 — сотрудники территориальных органов ФМС России и в 3 — судебные приставы ФССП России [2, с. 27]. Такая разрозненность не способствует повышению эффективности розыскной работы.

Особую категорию составляет розыск детей в рамках исполнительного производства. Законодательство предусматривает объявление розыска ребёнка по исполнительным документам, содержащим требования об отобрании либо о передаче ребёнка, об опреде-

лении порядка общения с ребёнком, о возвращении незаконно перемещённого в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребёнка на основании международного договора. Постановление о розыске ребёнка либо об отказе в объявлении такого розыска выносится судебным приставом-исполнителем в течение суток с момента поступления заявления взыскателя или со дня возникновения оснований для объявления розыска. Столь сжатые сроки обусловлены необходимостью оперативного реагирования на ситуации, связанные с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних.

Розыск детей осуществляется как на досудебной стадии, так и в рамках исполнения уже вступившего в законную силу судебного акта. Федеральным законом от 05.05.2014 № 126-ФЗ введён новый вид исполнительного документа — запрос центрального органа, назначенного в Российской Федерации (Министерства образования и науки РФ), в целях обеспечения исполнения обязательств по международному договору о розыске ребёнка, незаконно перемещённого в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации. Данное нововведение связано с присоединением России к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и направлено на создание эффективного механизма розыска детей.

Розыск имущества должника представляет собой комплекс исполнительно-розыскных действий, направленных на обнаружение и идентификацию материальных активов, принадлежащих должнику и подлежащих обращению взыскания для удовлетворения требований взыскателя. В отличие от розыска должников-граждан, который осуществляется органами внутренних дел, розыск имущества должника производится судебными приставами-исполнителями самостоятельно. Это создаёт определённые трудности, поскольку судебные приставы не обладают полномочиями на проведение оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [5, с. 239–241].

При розыске имущества судебные приставы-исполнители направляют запросы в регистрирующие органы для получения сведений о недвижимом имуществе, зарегистрированных транспортных средствах, ценных бумагах, долях в уставном капитале юридических лиц. Запросы направляются в Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии, подразделения

ГИБДД МВД России, регистраторов на рынке ценных бумаг, налоговые органы. Значительную роль играет взаимодействие с кредитными организациями для установления банковских счетов и вкладов должника. Впрочем, практика демонстрирует иное: банки не всегда оперативно реагируют на запросы судебных приставов, ссылаясь на банковскую тайну, хотя законодательство прямо обязывает их предоставлять такую информацию по запросам судебных приставов-исполнителей [5, с. 241–242].

Проблемы возникают при розыске имущества должника, находящегося в фактическом владении третьих лиц. Должники нередко прибегают к различным схемам сокрытия имущества — оформлению его на родственников, использованию подставных лиц, заключению фиктивных сделок. Судебные приставы-исполнители не наделены правом оспаривания сделок должника по отчуждению имущества. Такое право принадлежит взыскателю, который может в судебном порядке оспорить сделки должника как недействительные. Подобная процедура требует дополнительного времени и затрат, что негативно сказывается на сроках исполнения и интересах взыскателя.

Розыск имущества организаций-должников имеет свою специфику. Юридические лица могут обладать разнообразными активами: недвижимостью, транспортными средствами, оборудованием, товарными запасами, дебиторской задолженностью, правами требования, исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности. Установление полного перечня имущества организации-должника требует тщательного анализа бухгалтерской отчетности, данных налоговых деклараций, сведений о заключённых договорах. На практике руководители организаций-должников нередко отказываются предоставлять судебным приставам-исполнителям документацию о составе имущества организации, препятствуют доступу к складским помещениям и производственным объектам. В таких ситуациях судебные приставы вправе привлекать для содействия сотрудников органов внутренних дел.

Анализ результатов деятельности территориальных органов ФССП России по исполнению исполнительных производств, связанных с розыском, свидетельствует о том, что существующая система исполнительного розыска не обеспечивает должного уровня эффективности. По различным оценкам, доля исполнительных производств, оконченных фактическим исполнением после проведения

розыскных мероприятий, составляет не более 30–35% от общего количества возбуждённых розыскных дел [2, с. 27–28]. Основными причинами низкой результативности являются:

- недостаточное нормативно-правовое регулирование процедур розыска,
- ограниченность полномочий судебных приставов-исполнителей,
- высокая загруженность подразделений судебных приставов,
- недостаточное материально-техническое и информационное обеспечение розыскной деятельности [3, с. 117].

Повышение эффективности исполнительного розыска требует комплексного подхода. Первоочередной мерой должно стать совершенствование законодательства в части расширения полномочий судебных приставов-исполнителей по проведению оперативно-розыскных мероприятий либо законодательное закрепление обязанности органов внутренних дел осуществлять розыск не только должников-граждан и детей, но и имущества должников. Необходимо урегулировать вопросы взаимодействия ФССП России с ФМС России и органами внутренних дел путём принятия совместных нормативных актов, чётко определяющих порядок и сроки предоставления информации по запросам судебных приставов.

Создание единой информационной базы данных о должниках, их имуществе и обязательствах могло бы существенно повысить результативность розыскной работы. В настоящее время судебные приставы вынуждены направлять множественные запросы в различные органы и организации, что требует значительных временных затрат. Формирование централизованной информационной системы с предоставлением судебным приставам прямого доступа к сведениям о регистрации граждан, об имуществе, о банковских счетах позволило бы оперативно получать необходимую информацию и принимать своевременные меры по обращению взыскания на имущество должника [1, с. 144–146].

Нельзя обойти вниманием и вопрос кадрового обеспечения розыскной деятельности. Судебные приставы-исполнители, осуществляющие розыск, должны обладать специальными знаниями и навыками в области информационного поиска, анализа документов, взаимодействия с различными структурами. Целесообразно организовать систему специализированной подготовки и повышения квалификации судебных приставов по вопросам исполнительного розыска, изучения передового опыта и эффективных методик розыска-

ной работы. Материально-техническое оснащение подразделений судебных приставов современными средствами связи, вычислительной техникой, специальным программным обеспечением также будет способствовать повышению результативности розыскных мероприятий.

Исполнительный розыск является неотъемлемым элементом системы принудительного исполнения в Российской Федерации, обеспечивающим реализацию судебных актов и актов иных органов в ситуациях, когда должник уклоняется от исполнения обязательств, скрывается от судебных приставов или не имеет доступного для обращения взыскания имущества. Действующее законодательство создаёт правовую основу для проведения розыскных мероприятий, однако существующие нормы требуют дальнейшего совершенствования и конкретизации.

Основные проблемы организации исполнительного розыска связаны с:

- недостаточной согласованностью действий различных государственных органов,
- ограниченностью полномочий судебных приставов-исполнителей,
- отсутствием единой информационной базы данных о должниках и их имуществе.

Преодоление указанных проблем возможно путём комплексного реформирования законодательства об исполнительном производстве, развития межведомственного взаимодействия, создания современной информационной инфраструктуры и повышения профессионального уровня судебных приставов.

Дальнейшее развитие института исполнительного розыска должно осуществляться с учётом международного опыта и современных тенденций развития информационных технологий. Внедрение цифровых платформ для обмена информацией между государственными органами, использование искусственного интеллекта для анализа данных о должниках, применение современных технических средств розыска — всё это может существенно повысить эффективность принудительного исполнения и обеспечить защиту прав и законных интересов взыскателей.

Литература

1. Букаев А. Я. Механизм применения ограничения права на выезд за пределы Российской Федерации судебными приставами-исполнителями // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3. С. 142–146.
2. Ермолин К. Э., Скосарев В. В. О некоторых проблемах розыска должников в рамках исполнительного производства // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 4. С. 23–28.
3. Михин А. В. Преимущества исполнительного розыска должника-гражданина в рамках исполнительного производства // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 115–119.
4. Рябцовская Н. М. Органы принудительного исполнения судебных актов // Известия Байкальского государственного университета. 2002. № 3. С. 89–92.
5. Шадже М. Г. Проблемы, связанные с розыском имущества должника организации, наложением ареста на имущество и его оценкой // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. № 3. С. 238–242.

ORGANIZATION OF THE SEARCH FOR DEBTORS, THEIR PROPERTY, AND THE SEARCH FOR CHILDREN IN THE MODERN ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abasheeva Elizaveta Zakharovna

2nd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
abasheevaelizavetax18270@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna

Senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
marina.naletova.68@yandex.ru

Enforcement proceedings in the Russian Federation represent a complex mechanism for the implementation of judicial acts and other enforcement

documents, in which the search for debtors, their property and minor children plays a key role. The article is devoted to the analysis of organizational and procedural aspects of search activities within the framework of enforcement proceedings, problems of interaction of the Federal Bailiff Service with law enforcement agencies and other state structures. The legal framework regulating executive search is investigated, the features of the search for individuals, organizations, property and children are considered. Particular attention is paid to the effectiveness of the mechanisms used, and statistical data on the effectiveness of search activities are analyzed. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve the legal regulation of executive search and strengthen interdepartmental cooperation to increase the effectiveness of forced execution.

Keywords: enforcement proceedings, debtor search, property search, child search, Federal Bailiff Service, bailiff-executor, executive-search actions.

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ
С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ:
ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ПРАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)**

© Бабуева Сэнжит Мункоевна

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

sbabuevam@gmail.com

© Морозова Валерия Павловна

студентка 2-го курса

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

,morozovavaleria977@gmail.com

Научный руководитель

Налётова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы законодательства Российской Федерации в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО), выявленные в ходе реализации «мусорной» реформы. На примере деятельности регионального оператора в Республике Бурятия анализируются системные недостатки правового регулирования, включая неопределенность понятийного аппарата, коллизии договорных конструкций и отсутствие норм о раздельном сборе отходов. Особое внимание уделено дискуссионной категории «право собственности на отходы» в контексте разграничения вещных прав и экологических обязанностей. На основе анализа законодательства, доктринальных источников и правоприменительной практики формулируются предложения по совершенствованию Федерального закона «Об отходах производства и потребления».

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы, региональный оператор, право собственности на отходы, мусороперегрузочная станция, раздельный сбор отходов, расширенная ответственность производителя.

К 2050 г., по имеющимся прогнозам, общемировой объем образования отходов вырастет на 80%. Россия уже сейчас занимает одно из ведущих мест по массе образуемых твердых коммунальных отходов (ТКО) — свыше 50 млн тонн ежегодно, что относит ее к числу крупнейших «мусорных» стран мира. Масштаб всей проблемы потребовал системного пересмотра модели обращения с отходами, что было выражено в запуске с 2019 г. так называемой «мусорной» реформы, основы которой заложены Федеральным законом от 29.12.2014 № 458-ФЗ¹. Центральным звеном новой системы стал институт региональных операторов.

Однако первоначальная практика реформы выявила ряд существенных пробелов и противоречий в действующем законодательстве. Цель настоящей статьи — на основе анализа федерального законодательства, доктринальных источников и регионального опыта Республики Бурятия выявить ключевые правовые проблемы в сфере обращения с ТКО и предложить пути их решения.

Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»² долгое время оставался основным, но малоэффективным регулятором. Его концептуальный недостаток заключался в том, что он фактически легитимировал полигонное захоронение как доминирующий способ обращения с ТКО: до реформы около 90% отходов направлялось на полигоны без какой-либо сортировки и обработки. Принятие Федерального закона от 29.12.2014 № 458-ФЗ кардинально изменило ситуацию — захоронение стало признано наименее приоритетным способом, был введен механизм расширенной ответственности производителя, а в каждом субъекте РФ создан институт регионального оператора.

В Республике Бурятия с 01.01.2019 г. статус регионального оператора получило ООО «Экоальянс». Анализ его деятельности позволяет нам выделить несколько проблем, типичных для всей отрас-

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления”, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 29.12.2014 № 458-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 № 89-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ли, — это сложности договорных отношений, неопределенность ряда правовых понятий и отсутствие эффективных механизмов раздельного сбора. Предлагаем рассмотреть каждую из них подробнее.

Первая группа проблем связана с договорными отношениями. Согласно ст. 24.7 Федерального закона № 89-ФЗ, собственники ТКО обязаны заключать договор с региональным оператором. Казалось бы, норма сформулирована предельно ясно, однако на практике возникает устойчивая коллизия при разграничении обязанностей арендодателя и арендатора помещения. Действующее законодательство не дает прямого ответа на вопрос, кто именно — собственник недвижимости или арендатор, фактически образующий отходы, — должен выступать стороной договора. Анализ складывающейся судебной практики показывает, что обязанность, как правило, возлагается на фактического образователя отходов, но это каждый раз требует специального урегулирования в договоре аренды. Отсутствие же такого урегулирования создает зону правовой неопределенности и закономерно провоцирует споры, перегружая судебную систему.

Не менее остро стоит проблема размытости понятийного аппарата, и здесь показателен пример мусороперегрузочных станций. Территориальная схема обращения с отходами Республики Бурятия предусматривает их функционирование, однако легальное определение данного понятия в Федеральном законе № 89-ФЗ и подзаконных актах отсутствует, как отсутствуют и специальные требования к эксплуатации таких объектов. Этот правовой вакуум приводит к тому, что на практике систематически нарушаются сроки накопления отходов (свыше 11 месяцев), а само накопление де-факто превращается в хранение, превращая станции в несанкционированные свалки. Представляется необходимым дополнить ст. 1 Федерального закона № 89-ФЗ легальным определением «мусороперегрузочная станция» и установить на подзаконном уровне регламент ее эксплуатации.

Однако наибольшие теоретические и практические сложности вызывает конструкция «права собственности на отходы», используемая в ст. 4 Федерального закона № 89-ФЗ, актах уполномоченных органов и правоприменительной практике [1, с. 23]. П. 2 ст. 226 ГК РФ¹ допускает обращение в собственность брошенных вещей, в том

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

числе отходов, лицом, владеющим недвижимостью, где они находятся. Равным образом на отходы могут распространяться нормы о бесхозных вещах (ст. 225 ГК РФ), находке (ст. 227 ГК РФ) или переработке (ст. 220 ГК РФ). Вместе с тем все перечисленные модели приобретения права собственности являются первичными способами и никак не связаны с предыдущим правом собственности на вещь, из которой образовались отходы, что само по себе уже порождает противоречие.

В доктрине — в частности, в работах Л. В. Андреевой, М. В. Пономарева, И. А. Игнатьевой — справедливо отмечается двойственность складывающейся ситуации: отношение субъекта к объекту как к «вещи» и как к «отходу» влечет различные правовые последствия. Если объект воспринимается как отход, то это порождает целый комплекс публично-правовых обязанностей — по утилизации, размещению, внесению платы за негативное воздействие на окружающую среду. Напротив, правовой режим «вещи» таких обязанностей не предусматривает [2, с. 88; 3, с. 90].

Указанная коллизия отчетливо проявилась и в судебной практике. В одном из рассмотренных дел суд, определяя лицо, обязанное уплатить экологический сбор, квалифицировал договор поставки отходов как договор купли-продажи (гл. 30 ГК РФ) с переходом права собственности к покупателю, основываясь исключительно на товарных накладных по форме ТОРГ-12 и буквальных условиях договора [4, с. 85]. Тем самым суд фактически признал, что при передаче отходов как товара к приобретателю переходит не только вещное право, но и все корреспондирующие экологические обязанности. С таким подходом трудно согласиться безоговорочно, поскольку, как следует из ст. 236 ГК РФ, прекращение права собственности не означает автоматического прекращения всех обязанностей прежнего собственника. Аналогичным образом исполнение договора далеко не всегда совпадает с моментом прекращения обязательств, возникших в силу закона. Из этого можно сделать вывод, что сама конструкция «права собственности на отходы» является во многом искусственной: вещное право может возникать только на вещи, обладающие полезными свойствами, а не на отходы, подлежащие удалению. Как подчеркивает И. А. Игнатьева, для устранения подобной двусмысленности необходимо дальнейшее совершенствование легального определения отходов производства и потребления, закрепленного в ст. 1 Федерального закона № 89-ФЗ.

Наконец, все перечисленные проблемы усугубляются отсутствием нормативной базы для раздельного сбора отходов на региональном уровне. В Республике Бурятия до настоящего времени не принято решение о переходе на раздельный сбор ТКО. Как следствие, раздельный сбор и транспортирование сортированных фракций не включены в тариф регионального оператора, а необходимая перерабатывающая инфраструктура попросту отсутствует. Такая ситуация входит в прямое противоречие с федеральной иерархией обращения с отходами, где утилизация и обработка приоритетны перед захоронением. Для выхода из сложившегося положения представляется необходимым на уровне субъекта РФ утвердить дорожную карту поэтапного внедрения раздельного сбора, синхронизировав ее с корректировкой тарифных решений и развитием инфраструктуры.

Проведенный анализ выявил, что действующее законодательство об отходах отличается фрагментарностью понятийного аппарата, и наиболее остро это проявляется в категории «право собственности на отходы». Данная конструкция порождает недопустимое смешение вещно-правовых обязанностей, поэтому представляется необходимым уточнить легальное определение отходов производства и потребления в ст. 1 Федерального закона № 89-ФЗ, сделав акцент на целевом признаке — удаление или полезное использование после обработки. Параллельно следует устранить правовую неопределенность в отношении мусороперегрузочных станций, дополнив ту же статью закона соответствующим определением и делегировав Правительству РФ полномочия по установлению требований к их эксплуатации.

Не менее значимы и практические коллизии договорных отношений. Для их разрешения целесообразно на уровне федерального закона или Постановления РФ закрепить императивное правило, согласно которому обязанность по заключению договора с региональным оператором возлагается на арендатора как фактического образователя отходов, если иное прямо не предусмотрено договором аренды. Наконец, внедрение раздельного сбора отходов в субъектах Федерации требует взаимоувязанных изменений территориальных схем, тарифного регулирования и инвестиционных программ региональных операторов, что должно получить отражение в региональных нормативных правовых актах. Совокупность предложенных мер позволит снизить правовую неопределенность и повысить эффективность реализации «мусорной» реформы.

Литература

1. Бабина Ю. В. Право собственности на отходы и договорные отношения в области обращения с отходами // Справочник эколога. 2015. № 9.

2. Пономарев М. В. Право собственности на отходы: правовые проблемы реализации и перехода // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 53–64.

3. Игнатьева И. А. Особенности правовой регламентации производственного контроля в области обращения с отходами производства и потребления // Государство и право. 2019. № 7. С. 86–97.

4. Пономарев М. В. Правовые проблемы судебного разрешения споров по вопросам обращения с отходами // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 3. С. 83–90.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SOLID MUNICIPAL WASTE MANAGEMENT: ALL-RUSSIAN TENDENCIES AND REGIONAL PRACTICE (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Babueva Senzhit Munkoevna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

sbabuevam@gmail.com,

Morozova Valeria Pavlovna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

morozovavaleria977@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

marina.naletova.68@yandex.ru

The article examines the topical issues of the legislation of the Russian Federation in the sphere of municipal solid waste (MSW) management, identified during the implementation of the «waste» reform. Using the activities of the regional operator in the Republic of Buryatia as a case study, the systemic

shortcomings of legal regulation are analyzed, including the uncertainty of the conceptual framework, conflicts in contractual structures, and the absence of regulations on separate waste collection. Special attention is paid to the debatable category of «waste ownership» in the context of distinguishing between property rights and environmental obligations. Based on the analysis of legislation, doctrinal sources, and law enforcement practice, proposals are formulated to improve the Federal Law «On Production and Consumption Waste».

Keywords: municipal solid waste, regional operator, waste ownership, waste transfer station, separate waste collection, extended producer responsibility.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАХОВАНИЯ РИСКОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСАГО В РФ

© **Башарова Анастасия Сергеевна**

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

basarovaanastasia912@icloud.com

Научный руководитель

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@mail.ru

Страхование ответственности ОСАГО в России сталкивается с комплексом правовых противоречий, затрудняющих его функционирование. Анализ судебной практики и нормативных актов выявляет несогласованность положений ГК РФ с отраслевым законодательством, неопределённость критериев страхового случая и проблемы определения размера возмещения. Практика применения договоров страхования ответственности демонстрирует рост споров между страховщиками и выгодоприобретателями. Исследование базируется на материалах арбитражных судов за 2023–2025 гг. и статистике Банка России. Предложены пути совершенствования законодательного регулирования и договорной практики.

Ключевые слова: страхование ответственности, гражданско-правовые проблемы, страховой случай, регресс, страховое возмещение, законодательное регулирование, судебная практика.

Страхование ответственности в России сталкивается с комплексом правовых противоречий, затрудняющих его функционирование. Анализ судебной практики и нормативных актов выявляет несогласованность положений ГК РФ с отраслевым законодательством, неопределённость критериев страхового случая и проблемы определения размера возмещения. Практика применения договоров страхования ответственности демонстрирует рост споров между страховщиками и выгодоприобретателями. Исследование базируется на материалах судов за 2023–2025 гг. и статистике Банка России.

Нормативные коллизии в регулировании страхования ответственности

Российское законодательство о страховании ответственности строится на двух основаниях — главе 48 ГК РФ и специальных законах. Проблема в том, что эти акты нередко противоречат друг другу.

По данным Банка России, в 2024 г. объём премий по страхованию ответственности составил 187,4 млрд рублей, что на 14,2% больше показателя предыдущего года. При этом количество судебных споров, связанных с выплатами по договорам страхования ответственности, выросло на 23% — с 11,8 тыс. до 14,5 тыс. дел. Анализируя правоприменительную практику за 2023–2024 гг., можно отметить, что примерно треть споров обусловлена именно несогласованностью норм гражданского и специального законодательства.

Ст. 931 ГК РФ устанавливает общие положения о страховании риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда. Однако специальные законы — об ОСАГО, об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта, об ответственности перевозчика — вводят собственные критерии страхового случая, порядок определения размера ущерба и процедуры урегулирования требований. Эти критерии не всегда совпадают с положениями ГК РФ.

Возьмём пример. Ст. 1064 ГК РФ исходит из принципа полного возмещения вреда. Но многие специальные законы устанавливают предельные размеры выплат, которые значительно ниже реального ущерба. В системе ОСАГО лимит по возмещению вреда имуществу — 400 тыс. рублей, тогда как средняя стоимость ремонта повреждённого автомобиля в 2025 г., по оценкам РСА, достигает 520 тыс. рублей. Потерпевший формально получает страховое возмещение, но фактически несёт убытки. Возникает вопрос: можно ли считать, что обязательство страховщика исполнено надлежащим образом, если выплаченная сумма покрывает лишь 77% ущерба?

Здесь, впрочем, возникает принципиальный вопрос о природе самого страхования ответственности. Защищает ли оно интересы потерпевшего или страхует риски причинителя вреда? Формулировка ст. 931 ГК РФ допускает обе интерпретации, что порождает правовую неопределённость.

Проблемы определения страхового случая и размера возмещения центральное понятие любого договора страхования — страхо-

вой случай. В страховании ответственности его дефиниция вызывает особенно много споров.

Согласно ст. 9 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации», страховой случай — это совершившееся событие, предусмотренное договором страхования, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату. Применительно к страхованию ответственности возникает вопрос: что именно считать «совершившимся событием» — сам факт причинения вреда, предъявление потерпевшим требования о возмещении или вступление в силу судебного решения?

Судебная практика колеблется. Постановление пленума ВС РФ № 20 от 27 июня 2013 г. указывает, что при страховании деликтной ответственности страховым случаем является факт наступления ответственности страхователя, подтверждённой решением суда или признанием страхователя.

Определение размера страхового возмещения — ещё одна болезненная точка. Ст. 929 ГК РФ предусматривает возможность установления в договоре лимита ответственности страховщика (страховой суммы). Однако методика определения этого лимита законодательно не регламентирована.

Существенная проблема — определение размера вреда при повреждении имущества. Законодательство не содержит единых критериев оценки ущерба. Постановление пленума ВС РФ № 25 от 23 июня 2015 г. указывает, что размер возмещения должен определяться исходя из рыночной стоимости утраченного имущества либо стоимости восстановительного ремонта. Однако на практике возникают расхождения между оценкой страховщика и оценкой потерпевшего [4].

Типичная ситуация: при ДТП повреждён автомобиль возрастом семь лет. Страховщик применяет износ и предлагает компенсацию 180 тыс. рублей. Независимая экспертиза, заказанная потерпевшим, оценивает ущерб в 340 тыс. рублей без учёта износа. Разница почти двукратная. Суды занимают противоречивые позиции: одни признают обоснованным применение износа, другие исходят из принципа полного возмещения [2].

Страхование ответственности всегда предполагает треугольник интересов: страхователь, страховщик и потерпевший (выгодоприобретатель). Российское законодательство недостаточно учитывает эту специфику, что порождает системные конфликты.

Начнём с очевидного. Интерес страхователя — минимизировать собственные расходы на возмещение вреда. Интерес страховщика — минимизировать выплаты. Интерес потерпевшего — получить максимально полную компенсацию. Эти интересы объективно несовместимы.

При добровольном страховании ответственности страхователь и страховщик могут согласовать условия договора, устраивающие обе стороны. Но потерпевший в этих переговорах не участвует. Его интересы формально защищены нормами деликтного права, однако фактически он оказывается заложником условий чужого договора.

Другой аспект конфликта — это право страховщика на оценку обоснованности требований потерпевшего. Ст. 961 ГК РФ обязывает страхователя незамедлительно уведомлять страховщика о наступлении страхового случая. Страховщик получает возможность участвовать в урегулировании претензии, проводить собственную экспертизу, оспаривать требования потерпевшего. Но если страхователь признал требование потерпевшего и возместил ущерб без согласования со страховщиком, последний может отказать в выплате.

Отдельная тема — конфликт интересов при множественности потерпевших. Если в результате одного события причинён вред нескольким лицам, а страховая сумма недостаточна для полного возмещения всем, возникает вопрос о распределении выплат.

Законодательство не содержит чётких критериев очередности. Ст. 947 ГК РФ лишь указывает, что при недостаточности страховой суммы требования потерпевших удовлетворяются пропорционально.

Системные проблемы страхования ответственности требуют комплексного законодательного реагирования. Точечные изменения нормативных актов, которые вносятся ежегодно, не устраняют базовых противоречий, а порой усугубляют их [3].

Первоочередная задача — унификация понятийного аппарата. Необходимо законодательно закрепить единое определение страхового случая применительно к различным видам страхования ответственности. Целесообразно исходить из модели, когда страховым случаем признаётся факт причинения вреда, независимо от момента предъявления требования. Это обеспечит реальную защиту застрахованных лиц и устранил неопределённость для потерпевших.

Одновременно требуется установить обязательный минимальный срок расширенной ответственности страховщика для договоров страхования профессиональной ответственности. Мировая практи-

ка, — в частности, опыт Германии и Франции, — исходит из трёх-летнего периода, в течение которого застрахованное лицо может заявить о требованиях, связанных с событиями периода страхования. Российское законодательство такого института не предусматривает, что создаёт правовые пробелы.

Вторая задача — разграничение обязательного и добровольного страхования ответственности. Сейчас границы размыты. Следует законодательно установить, что обязательному страхованию подлежат только те виды деятельности, которые связаны с повышенной опасностью для неопределённого круга лиц и где индивидуальная оценка риска затруднена — эксплуатация транспортных средств, опасных производственных объектов, обращение с отходами. Все остальные виды профессиональной и гражданской ответственности должны оставаться в сфере добровольного страхования.

При этом условия обязательного страхования должны быть максимально унифицированы и установлены законом, а не подзаконными актами. Современная практика, когда порядок выплат определяется правилами страхования, утверждаемыми Банком России или профессиональными объединениями страховщиков, создаёт избыточную дискрецию регуляторов и лоббистские риски.

Третье направление — введение обязательных минимальных стандартов страхового покрытия для определённых видов деятельности. Сейчас размер страховой суммы определяется произвольно или исходя из финансовых возможностей страхователя, а не из реального масштаба потенциальных убытков. Необходимо установить в законе методику расчёта минимальной страховой суммы с учётом специфики деятельности и вероятного размера вреда.

Страхование рисков ответственности в Российской Федерации переживает стадию незавершённого формирования правовых основ. Базовые институты закреплены в законодательстве, но их содержательное наполнение остаётся противоречивым и фрагментарным.

Анализ гражданско-правовых проблем выявляет несколько критических точек: нормативные коллизии между общими и специальными нормами, неопределённость критериев страхового случая, конфликты интересов участников правоотношения, отсутствие механизмов обеспечения баланса частных и публичных интересов. Эти проблемы не являются следствием недостатков отдельных норм — они системны и обусловлены особенностями эволюции российского страхового законодательства, формировавшегося

фрагментарно, под влиянием конъюнктурных факторов и лоббистских интересов.

Дальнейшие исследования могли бы сосредоточиться на сравнительно-правовом анализе зарубежного опыта регулирования страхования ответственности, разработке методик оценки минимального страхового покрытия для различных видов деятельности, изучении экономической эффективности обязательного страхования профессиональной ответственности. Особый интерес представляет исследование влияния цифровизации страхового рынка на правоотношения в сфере страхования ответственности — появление страховых продуктов на основе смарт-контрактов, автоматизации урегулирования убытков, использования больших данных для оценки рисков открывает новые возможности и создаёт новые правовые вызовы.

Литература

1. Дерман А. А. Проблемы гражданско-правового регулирования обязательного страхования ответственности автовладельцев // Вестник науки. 2024. № 5(74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-obyazatelno-strahovaniya-otvetstvennosti-avtovladeltsev>
2. Шелестюков В. В., Рыбашкова А. Р. Возмещение вреда по ОСАГО: правовые коллизии // Аграрное и земельное право. 2020. № 9(189). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-vreda-po-osago-pravovye-kollizii>
3. Титенко Ю. А., Дорофеев И. А. Институт страхования гражданской ответственности // Аграрное и земельное право. 2024. № 5(233). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-strahovaniya-grazhdanskoy-otvetstvennosti>
4. Яворская К. В. Существенные условия договора обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1(44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvennyye-usloviya-dogovora-obyazatelno-strahovaniya-otvetstvennosti-vladeltsev-transportnyh-sredstv-osago>

CIVIL LAW PROBLEMS OF LIABILITY INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Basharova Anastasia Sergeevna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

basarovaanastasia912@icloud.com

Naletova Marina Mikhailovna

senior Lecturer,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude,

marina.naletova.68@yandex.ru

Liability insurance in Russia faces a complex of legal contradictions that impede its functioning. Analysis of judicial practice and regulatory acts reveals inconsistencies between the provisions of the Civil Code with sectoral legislation, uncertainty in the criteria for an insured event, and problems in determining the amount of compensation. The practice of applying liability insurance contracts demonstrates an increase in disputes between insurers and beneficiaries. The study is based on materials from arbitration courts for 2023–2025 and statistics from the Bank of Russia. Ways to improve legislative regulation and contractual practice are proposed.

Keywords: liability insurance, civil law problems, insured event, recourse, insurance compensation, legislative regulation, judicial practice.

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ
АВТОРСКОГО ПРАВА ПО ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ РФ
И ЗАКОНУ КНР «ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ»**

© Борхонова Анна Евгеньевна

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

artana023@gmail.com

Научный руководитель

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru

В связи с активным сотрудничеством России и КНР данная статья ставит своей целью провести сравнительно-правовой анализ правового регулирования авторского права по Гражданскому кодексу РФ и Закону КНР «Об авторском праве». Особое внимание уделено объектам, субъектам авторского права, имущественным и личным неимущественным правам автора, а также мерам гражданско-правовой ответственности за нарушения прав автора произведения. Также в данной работе анализируются особенности и преимущества правового регулирования авторского права в России и КНР. Методами, использованными в данной работе, являются анализ, сравнительно-правовой метод. Сделан вывод о том, что регулирование авторского права в обеих странах достаточно схоже, однако данная отрасль права каждой из стран имеет свои отличительные черты.

Ключевые слова: авторское право, Гражданский кодекс РФ, Закон КНР «Об авторском праве», законодательство Китая, гражданское право, охрана авторского права.

На сегодняшний день авторское право приобрело важное значение, поскольку результаты творческой и иной интеллектуальной деятельности развивают экономику и культуру различных государств. Многие страны разработали нормативно-правовые акты по регулированию отношений в сфере авторского права, в том числе Российская Федерация и Китайская Народная Республика. В связи с

активным сотрудничеством РФ и КНР в данной сфере, целью настоящей статьи является проведение сравнительно-правового анализа некоторых аспектов авторского права по Гражданскому кодексу РФ (далее — ГК РФ)¹ и Закону КНР «Об авторском праве» от 07.09.1990 в редакции от 26.02.2010 (принят на 15-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва) (далее — Закон КНР)².

В Российской Федерации авторское право регулируется главой семидесятой части четвёртой Гражданского кодекса РФ. В Китайской Народной Республике данная отрасль регламентируется в специальном Законе КНР «Об авторском праве».

В Законе КНР об авторском праве, как и в ГК РФ, список объектов авторского права является неисчерпывающим. В ГК РФ он перечисляется в ст. 1259, к ним относятся: литературные, художественные, музыкальные, графические, архитектурные, театральные, географические произведения и т.д. В Законе КНР также имеется открытый перечень объектов (ст. 3): произведения литературы, изобразительного искусства, естественных наук, конструкторские работы и т.д. Они могут быть выражены в письменной, устной форме, объемно-пространственной форме, в форме изображения и т.д.

Произведения авторского права в КНР, также как и в РФ, делятся на первоначальные и производные. Первоначальные — исходные, созданные автором изначально. Производными же ГК РФ называет произведения, представляющие собой переработку другого произведения (ч. 2 ст. 1259 ГК РФ). Закон КНР также рассматривает производные произведения результатом адаптации, перевода изначального произведения. Права в переработанном произведении принадлежат тому лицу, который переработал основное произведение (например, переводчику, аранжировщику), при условии, что это не нарушает права первоначального автора (ст. 12 Закона КНР).

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 01.03.2026).

² Закон КНР «Об авторском праве» от 07.09.1990 в редакции от 26.02.2010 (принят на 15-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва). URL: <https://asia-business.ru/law/law3/copyright/#6> (дата обращения: 01.03.2026).

Перечень документов, которые не являются объектами авторского права в РФ и КНР практически совпадают. В российском законодательстве к ним отнесены документы государственных органов, государственные символы и знаки, фольклор, сообщения о событиях и фактах, имеющие информационный характер и так далее (п. 6 ст. 1259 ГК РФ), в Китае — законы, приказы, решения государственных органов, и их утверждённые переводы, информация о фактах или событиях, календари, цифровые таблицы, формулы общего пользования (ст. 5 Закона КНР).

Субъектом авторского права по ГК РФ выступает автор произведения. Им может быть только физическое лицо, которое своим творческим трудом создало произведение (ст. 1257 ГК РФ). В КНР же автором считается как физическое, так и юридическое лицо (ст. 11 Закона КНР). Юридическое лицо признается автором только при наличии следующих условий: произведение создаётся под руководством юридического лица; оно выражает творческий замысел юридического лица; юридическое лицо признает свою ответственность за произведение [4, с. 527].

В КНР, также как и в РФ, автор произведения обладает личными неимущественными правами, в том числе, исключительными правами на произведение, правом авторства, правом автора на неприкосновенность своего произведения, правом публикации, изменения, распространения, аренды, исполнения, перевода, производства и так далее (ст. 10 Закона КНР). Отличительной чертой авторского права КНР является то, что смежные права (т.е. права на результаты творческой деятельности, в результате которых создается фонограмма к песне, подготавливается сообщение по телевидению или радио, воплощается книжное произведение в театральных постановках, организуются базы данных (совокупность материалов, обработанных электронно-вычислительной машиной), а также в результате которых литературные, научные работы и произведения изобразительного искусства становятся общественным достоянием) не отделяются от авторских прав, и не являются отдельным видом интеллектуального права, как в РФ.

Личные права автора и в Китае, и в России бессрочны. По закону Китая не имеют срока действия: право на неприкосновенность произведения, право на его изменение и право на авторство (ст. 22). Аналогичное правило действует в России в отношении права автора на имя и права на неприкосновенность (ст. 1267 ГК РФ).

Однако разнятся сроки действия исключительных прав. В Китайской народной республике они охраняются всю жизнь автора и 50 лет после его смерти. Срок действия исключительных прав истекает 31 декабря на пятидесятом году после его смерти (ст. 23 Закона КНР). Исключительные права автора охраняются на протяжении всей жизни автора и последующих 70 лет, начиная с 1 января следующего за годом смерти автора (п. 1 ст. 1281 ГК РФ).

В КНР, также как и в РФ, существуют случаи свободного пользования произведения автора, то есть не требующие заключения с автором специального соглашения (ст. 24 Закона КНР): например, использование произведения в учебных целях, цитирование отрывка с целью выражения своей точки зрения, перевод произведения в целях учебного процесса, воспроизведение произведения библиотекой, музеем или иным культурным учреждением с целью показа копии произведения и так далее.

В ГК РФ также существуют случаи свободного пользования произведений без согласия автора. Например, в учебных, научных, культурных целях, в целях правоприменения, в местах, которые постоянно находятся открытыми для свободного посещения, библиотеками и так далее (ст. 1273–1279 ГК РФ).

В России для возникновения и защиты авторских прав не требуется специальной регистрации (п. 4 ст. 1259 ГК РФ). У нас в государстве автор для того, чтобы оповестить о наличии у него исключительного права на созданное им произведение, вправе использовать знак охраны авторского права (латинская буква «С» в окружности).

По китайскому законодательству объекты охраны авторского права также не подлежат обязательной регистрации. Авторы Китая используют очень интересную форму фиксации авторского права — депонирование произведений в Национальной администрации по авторскому праву. Процедура депонирования не сложная: в онлайн-режиме автором заполняется специальная форма, в ней указываются авторы, владельцы смежных прав, правообладатели, их персональные данные, место и время создания объекта, наименование и описание объекта. Вместе с формой прикрепляется эталонная копия произведения (текстовый файл, фотография, изображение, музыкальный файл) и направляется в удостоверяющий центр. В результате депонирования объект идентифицируется, ему присваивается уникальный идентификационный номер UIN / IPI. Эти формальные

доказательства существенно повышают шансы авторства на успех в случае спора об авторстве.

В нашей стране за нарушение авторских прав предусмотрена гражданско-правовая ответственность. За аналогичные нарушения может наступить ответственность и в Китае. Она включает в себя такие меры, как: прекращение нарушений, устранение последствий деяния, принесение извинений, выплата компенсации за нанесённый ущерб.

Примером может служить необычное дело между крупной компанией Tencent и онлайн-платформой Shanghai Yingxun Technology Company о финансовом отчете, сгенерированном искусственным интеллектом¹. Платформа Yingxun Technology Company опубликовала на своем сайте без разрешения финансовый отчет, разработанный компанией Tencent. В 2020 г. Суд Шэньчжэня (Shenzhen, Китай) признал результат работы компании Tencent, созданный на основе ИИ, объектом авторского права, поскольку данный финансовый отчет отвечал критериям, характерным для данного документа, содержал актуальную информацию о фондовом рынке, обладал своей оригинальностью и уникальностью. В итоге, суд обязал Shanghai Yingxun Technology Company выплатить 1500 юаней Tencent в качестве компенсации за экономический ущерб.

В РФ способы гражданско-правовой защиты за неправомерные посяательства на произведения авторов очень сходны с китайскими. К ним относятся такие, как: пресечение неправомерных действий, связанных с нарушением авторского права, компенсация морального вреда, возмещение убытков и так далее (ст. 1251–1252 ГК РФ). В качестве примера можно привести дело № А40-200471/2023 о неправомерном использовании видеоролика, отредактированного технологией генеративного Deep-fake. Суд пришел к выводу о том, что такой ролик является объектом авторского права, и, соответственно, охраняется данным правом, а потому взыскал с ответчика 500 000 рублей².

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что перечень объектов в РФ более обширный и конкретизированный, и он классифи-

¹ Court rules AI-written article has copyright. URL: <https://www.ecns.cn/news/2020-01-09/detail-ifuqrm6562963.shtml> (дата обращения: 16.04.2026).

² Постановление от 7 апреля 2024 г. по делу № А40-200471/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FPdEj2cpgSdC/> (дата обращения: 16.04.2026).

цируется по видам произведений (например, произведения графики, дизайна, графические романы и т.д.), в КНР — менее детализированный, обобщенный: произведения не разделяются по конкретным видам (например, работы в области музыки, фотографии, письменные работы и т.д.). Однако присутствуют и схожие черты, например, совпадают перечни объектов авторского права, как в РФ, так и в КНР, одновременно с этим они не являются исчерпывающими; произведения как в РФ, так и в КНР делятся на первоначальные и производные; также схож список тех результатов интеллектуальной деятельности, которые не являются объектами авторского права. Отличительной чертой законодательства об авторском праве в КНР от законодательства об авторском праве РФ является то, что субъектами данных правоотношений в КНР могут быть не только физические, но и юридические лица. В КНР, также как и в РФ, автор произведения наделен личными неимущественными правами, а также исключительными правами; действуют пределы осуществления авторских прав, а также существуют определённые сходные способы защиты произведений от преступных посягательств.

Законодательство об авторском праве обеих стран имеет свои особенности. Например, в Китае преимуществами можно назвать: более сильную адаптацию норм права в цифровой среде, преобладание административных мер защиты над судебными, внедрение современных технологий для защиты работ авторов. В России преимуществами правового регулирования авторского права могут являться: разграничение смежных и авторских прав, более продолжительный срок охраны исключительных прав автора произведения и др. Каждая из стран может позаимствовать опыт друг друга: например, Китай может более детально отрегулировать имущественные и личные неимущественные права авторов произведений, Россия — перенять технологические разработки в области выявления правонарушений прав авторов в сети Интернет. В целом, законодательное регулирование авторского права в Российской Федерации и в Китайской Народной Республике очень схоже.

Россия и Китай имеет сравнительно небольшую историю становления авторского права, поэтому в правовом регулировании интеллектуальной собственности обеих стран еще много недостатков. Для их устранения необходимо использовать лучшую нормотворческую практику, выработанную национальными правовыми порядками разных стран, для совершенствования действующего законодательства.

Литература

1. Гражданское право: учебник: в 4 томах / ответственный редактор Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2023. Т. 2. С. 260–313.

2. Карло Диего Д'Андреа. Право интеллектуальной собственности в Китае: практическое руководство. 2019. С. 35–57. URL: <https://nris.ru/blog/avtorskoe-pravo-v-kitae/>

3. Право интеллектуальной собственности: учебник / Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов и др.; под общей редакцией Новоселовой. Москва: Статут, 2017. Т. 2. Авторское право. С. 10–36.

4. Юркова А. С., Зайцева Т. А. Особенности регулирования авторского права в КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы XI Международной научно-практической конференции (Благовещенск, 11–12 мая 2021 г.) / ответственный редактор А. В. Друзяка. Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2021. Вып. 11. С. 525–529. EDN FHFSJV.

RIGHT REGULATION UNDER THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CHINESE COPYRIGHT LAW

Borkhonova Anna Evgenievna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

artana023@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna

Senior Lecturer,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

marina.naletova.68@yandex.ru

Due to the active cooperation between Russia and China, this article aims to conduct a comparative legal analysis of the legal regulation of copyright under the Civil Code of the Russian Federation and the Law of the People's Republic of China on Copyright. Special attention is given to the objects, subjects of copyright, the property and personal non-property rights of the author, as well as the measures of civil liability for violations of the author's rights. This article also analyzes the features and advantages of the legal regulation of copyright in Russia and China. The methods used in this work are analysis and the

comparative legal method. It is concluded that the regulation of copyright in both countries is quite similar, but each country's copyright law has its own distinctive features.

Keywords: copyright, Civil Code of the Russian Federation, Law of the People's Republic of China on Copyright, Chinese legislation, civil law, copyright protection.

УДК: 304.3

ОТДАТЬ КРОВЬ И ОСТАТЬСЯ ЗАЩИЩЕННЫМ: РЕАЛЬНОСТИ ДОНОРСТВА

© Володина Полина Евгеньевна

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

Polishka0821@gmail.com

© Ведерникова Татьяна Михайловна

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

tany.vedernikova479@gmail.com

Научный руководитель

Налётова Марина Михайловна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru

Данная статья анализирует гражданско-правовые аспекты донорства крови в России, рассматривая развитие этого института и выявляя ключевые проблемы: устаревшие медицинские противопоказания, отсутствие обязательного ПЦР-тестирования, низкую эффективность федерального реестра доноров и недостаточные правовые гарантии для доноров в случае вреда здоровью. Предлагаются законодательные изменения, в том числе введение обязательного страхования доноров по принципу ответственности без вины. Материал предназначен для специалистов в области медицинского и гражданского права, а также для практикующих юристов.

Ключевые слова: донорство крови, гражданско-правовое регулирование, договор услуг, деликтные обязательства, страхование доноров, ПЦР-исследование, защита прав донора, инфекционный скрининг, федеральный регистр доноров, трансфузионная безопасность.

Кровь и её компоненты являются стратегически важным ресурсом для системы здравоохранения любой страны. В России годовая

потребность в крови превышает 2 миллиона литров. В соответствии со ст. 41 Конституции РФ¹ каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Наличие и безопасность крови критически важны для успеха экстренных операций, лечения онкологических и гематологических заболеваний, управления сложными акушерскими ситуациями и реагирования на массовые чрезвычайные происшествия.

В российской медицине начало трансфузиологии датируется 20 апреля 1832 г., когда петербургский акушер Андрей Вольф перелил кровь мужу роженицы, спасая её после обильной кровопотери. Успех этого вмешательства определил развитие области. На ранних этапах ключевыми задачами были определение групп крови, внедрение асептических процедур и разработка методов заготовки и хранения крови.

С развитием науки и технологий традиционные правовые и организационные меры стали недостаточны. Хотя Федеральный закон от 20.07.2012 № 125 «О донорстве крови и её компонентов»² установил нормативные основы, существующий порядок всё ещё имеет уязвимости, в основном связанные с правовой структурой, а не с медицинской практикой. Эти недостатки повышают риск негативных последствий для доноров и реципиентов, а также препятствуют развитию безвозмездного донорства.

Цель статьи — цивилистический анализ института донорства крови, выявление основных недостатков действующих норм и предложение конкретных корректировок.

В контексте гражданского права отношения между донором и медицинской организацией можно квалифицировать как оказание услуг по ст. 779 Гражданского кодекса РФ [3, с. 45–47]. Донор передает биоматериал, а медицинская организация обязана безопасно провести процедуру, организовать обследование и предотвратить вред.

Если донору или реципиенту был причинен ущерб из-за нарушения правил заготовки, хранения или переливания крови, приме-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и её компонентов» (далее – Закон о донорстве). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

няется деликтный режим согласно ст. 1064 Гражданского кодекса РФ. Однако отсутствие четкой нормативной базы усложняет доказательство вины и расчет возмещения. Ст. 1085 ГК РФ охватывает общие аспекты возмещения вреда здоровью, но критерии оценки профессиональной вины медработника в данной сфере недостаточно определены в законе.

Причинение ущерба здоровью донора влечет за собой возникновение внедоговорного обязательства по ст. 1064 ГК РФ¹. Донор имеет право требовать возмещения утраченного дохода, расходов на медицинскую помощь и компенсации морального вреда согласно ст. 1085 и 1101 ГК РФ. Как отмечает О. Е. Петрова, правовая неопределённость в этой сфере напрямую увеличивает медицинские риски [6, с. 92]. Обязательное страхование не предусмотрено, хотя это возможно по ст. 934 ГК РФ; суды обычно не рассматривают донорство как деятельность с повышенной опасностью по ст. 1079 ГК РФ.

Проблемы нормативного регулирования. Устаревший список медицинских противопоказаний является уязвимым элементом. Приказ Минздрава России № 1134н² устанавливает основания для исключения из донорства, не учитывая современные диагностические методы. Некоторые ограничения сформулированы слишком обобщенно, не принимая во внимание время, прошедшее после заболевания, и реальный уровень риска. Например, лица, перенесшие вирусный гепатит, отстраняются бессрочно, несмотря на отрицательные результаты ПЦР и серологического тестирования. Эксперты оценивают, что такой подход исключает из донорского резерва до 15–20% потенциальных доноров [1, с. 360].

Серьезный недостаток правового регулирования заключается в отсутствии обязательного использования молекулярно-генетической диагностики при исследовании донорского биоматериала. Методы амплификации обнаруживают нуклеиновые кислоты ВИЧ и возбудителей гепатитов В и С на ранних стадиях заражения, в то время как серологическое тестирование, зависящее от иммунного ответа,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301

² Приказ Минздрава России от 28.10.2020 № 1134н «Об утверждении порядка медицинского обследования донора крови и её компонентов». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выявляет инфекцию позже. При преимущественном использовании иммуноферментного анализа материал может оставаться эпидемиологически небезопасным. В случае заражения реципиента из-за такого «диагностического окна» привлечение к ответственности усложняется из-за отсутствия нормативного требования о проведении ПЦР. Это приводит к правовой неопределенности, при которой причиненный вред не получает однозначной юридической оценки в контексте нарушения.

Состояние общероссийского регистра доноров также важно. Хотя Федеральный закон № 125-ФЗ предусматривает единую информационную систему, она функционирует не полностью и межрегиональное взаимодействие осуществляется частично. Медицинские организации подключены к системе неравномерно, и данные часто передаются неполными. Отсутствует процедура быстрой проверки личности донора при его обращении в другом регионе РФ, что позволяет донорам нарушать интервалы между донациями и скрывать противопоказания. Это увеличивает риск железодефицитных состояний и анемии у доноров и снижает качество крови у реципиентов.

Слабая правовая защита доноров при ухудшении здоровья после сдачи крови является проблемой [2, с. 44]. Споры возникают, когда донорство вызывает обострение скрытого хронического заболевания. Согласно ст. 22 Федерального закона № 125-ФЗ, компенсация зависит от доказательства вины медицинской организации. Однако допуск к донорству основывается на анкетах и базовых клинико-лабораторных тестах, без глубокого обследования, которое могло бы выявить скрытые заболевания. В результате, при проявлении латентной болезни, суды часто не видят неправомерных действий со стороны медперсонала: осмотр проведён, согласие получено, а связь между донорством и вредом трудно установить. Поэтому иски доноров о компенсации ущерба редко поддерживаются судами [4, с. 78].

Совершенствование нормативной базы требует системного пересмотра ряда положений. Приоритетной мерой является корректировка Приказа Минздрава России № 1134н: жесткие запреты следует заменить на дифференцированные сроки временного отстранения с последующим допуском при отрицательном ПЦР-тесте и нормальных биохимических показателях печени. Это может увеличить донорский потенциал на 15–25% и создать правовую базу для оценки необоснованного отказа в донации.

Следующий шаг — внедрение обязательного ПЦР-скрининга в дополнение к иммуноферментному анализу. Сокращение «серонегативного окна» до 7–10 дней снижает риск посттрансфузионного заражения на 80–90%. Это требование должно быть отражено в стандартизированных условиях договоров на оказание медицинских услуг.

Для эффективной работы общероссийского регистра доноров необходимо внедрить идентификацию по СНИЛС и оперативную проверку данных как обязательные компоненты системы. Это позволит предотвратить повторные донорства без соблюдения необходимых интервалов, обеспечить полную отслеживаемость информации и четко определить правовой статус донора в рамках договорных отношений.

Обязательное личное страхование доноров, основанное на ст. 934 Гражданского кодекса РФ, требует закон [5, с. 90]. Страховая выплата производится при наступлении страхового случая, вне зависимости от вины медицинской организации. Заключение договора страхования в интересах донора допускается согласно ст. 931 Гражданского кодекса РФ. Таким образом, в данной области используется компенсационный механизм, предусмотренный главами 48 и 59 того же кодекса.

В сфере донорства крови нечеткие нормативы увеличивают медицинские риски. Существующие правила, основанные на устаревших подходах, не соответствуют современным медицинским технологиям. Основные проблемы заключаются в: устаревшем списке противопоказаний, отсутствии обязательного ПЦР-скрининга, недостаточной эффективности единого регистра и слабой правовой защите доноров.

Ключевые меры включают обновление списка медицинских отводов, обязательное ПЦР-тестирование, создание единой информационной базы доноров и внедрение обязательного страхования доноров без привязки к вине. Эти инициативы требуют гражданско-правового регулирования. Эффективная защита доноров возможна только через комплексное обновление правовых инструментов. В данной сфере законодательные изменения — не вспомогательный элемент, а критически важный шаг для защиты жизни и здоровья людей.

Литература

1. Бурых Н. А., Игнатьев А. В. Правовые основы донорства крови и её компонентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2022. Т. 26, № 3. С. 355–368.
2. Иванцова Н. В. Проблемы правовой защиты доноров при причинении вреда здоровью // Медицинское право. 2023. № 2.
3. Карелина М. И. Донорство крови и медицинская помощь: гражданско-правовые аспекты. Москва: Проспект, 2023. 230 с.
4. Крылов А. Б. Проблемы договорного регулирования донорства крови и её компонентов // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 74–81.
5. Морозов С. Ю. Обязательное страхование в сфере донорства: зарубежный опыт и перспективы внедрения в РФ // Юридический вестник. 2024. № 1. С. 88–93.
6. Петрова О. Е. Медицинские риски и гражданско-правовая ответственность при оказании услуг донорства крови // Закон. 2024. № 2. С. 88–95.

GIVING BLOOD AND STAYING PROTECTED: THE REALITIES OF BLOOD DONATION

Volodina Polina Evgenyevna
2nd year student,
Russian Federation, Ulan-Ude
Polishka0821@gmail.com

Vedernikova Tatyana Mikhailovna
2nd year student,
Dorzhii Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
tany.vedernikova479@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna
Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure,
Dorzhii Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
marina.naletova.68@yandex.ru

The paper examines civil law aspects of the blood donation system in Russia, highlighting its evolution and identifying four key regulatory gaps: outdated medical contraindications, lack of mandatory PCR testing, the inefficacy of the federal donor registry, and weak legal protections for donors' health. The authors suggest legislative reforms, such as mandatory no-fault liability insurance for donors. This study is aimed at researchers in medical and civil law, as well as legal professionals.

Keywords: blood donation, civil law, contract of paid services, tort liability, donor insurance, PCR diagnostics, legal protection of donors, infection screening, unified donor register, transfusion risks.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДИРЕКТОРА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРЕДЕЛЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО РИСКА И СТАНДАРТ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

© Герасименко Мария Николаевна

студентка 2-го курса,

Российский государственный университет правосудия

имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Краснодар

mari.gerasimenko.01@list.ru

Научный руководитель

Калашникова Марина Григорьевна

старший преподаватель,

Российский государственный университет правосудия

имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Краснодар

kalashnikowa.mg@yandex.ru

Статья посвящена исследованию ответственности директора в корпоративном праве через призму пределов предпринимательского риска и стандарта добросовестности. Рассматриваются проблемы разрыва между собственностью и контролем, а также информационной асимметрии в корпоративных спорах о взыскании убытков. Особое внимание уделено распределению бремени доказывания и судебным стандартам оценки поведения директора. Делается вывод о необходимости развития единообразных критериев добросовестности и уточнения границ допустимого предпринимательского риска.

Ключевые слова: директор, корпоративное право, добросовестность, предпринимательский риск, корпоративные возможности, ответственность, убытки, контроль, фидуциарные обязанности.

Проблема ответственности директора в корпоративном праве находится на пересечении необходимости обеспечения свободы предпринимательских решений и защиты интересов общества. В этой связи особую значимость приобретает анализ стандартов добросовестности и пределов предпринимательского риска. В настоящее время вопросы ответственности директора получили существенное развитие в судебной практике. Особое значение имеет Об-

зор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением ст. 53.1 ГК РФ, утвержденный Президиумом Верховного суда Российской Федерации 30.07.2025 (далее — Обзор) [1]. В нем сформулированы подходы к оценке конфликта интересов, добросовестности руководителя и пределам предпринимательского риска.

Анализ судебной практики показал наличие в корпорациях проблемы так называемого разрыва между собственностью и контролем, когда управление обществом сосредоточено в руках директора, а участники корпорации лишены возможности надлежащим образом контролировать действия менеджмента. Реализация конкретных возможностей может приводить к конфликтам личных интересов директора и компании, что в свою очередь, может повлечь снижение общей экономической эффективности [2, с. 175]. В результате возникает ситуация, при которой директор, обладая значительным объемом полномочий, создает риски причинения убытков обществу в отсутствие у участников корпорации инструментов оперативного реагирования на неправомерные действия единоличного исполнительного органа.

Высшим Арбитражным судом РФ (далее — ВАС РФ) 30.07.2013 было принято постановление пленума № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [3], положившее начало кардинальному изменению развития судебной практики по разрешению споров о возмещении убытков, причиненных единоличным исполнительным органом корпорации. ВАС РФ разъяснил, что директор обязан действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно, а в случае нарушения этой обязанности должен возместить убытки, причиненные корпорации таким нарушением. При этом наступившие для юридического лица негативные последствия, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности или неразумности действий (бездействия) директора, так как возможность возникновения таких последствий сопутствует рисковому характеру предпринимательской деятельности.

Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) включена ст. 53.1, установившая условия привлечения к ответственности единоличного исполнительного органа, действовавшего неразумно и недобросовестно и в нарушение интересов юридического лица.

Верховным судом РФ (далее — ВС РФ) последовательно формируются правовые позиции, касающиеся оснований, условий и порядка привлечения к ответственности единоличного исполнительного органа корпорации в случае совершения им неразумных и недобросовестных действий в нарушение интересов хозяйственного общества. При этом ВС РФ ориентирует суды на отказ от формального подхода, поскольку привлечение директора к ответственности требует всесторонней оценки совокупности обстоятельств каждого конкретного дела. Разъяснения содержат оценочные понятия (пределы обычного делового (нормального хозяйственного) риска, экономически обоснованный план, существенно убыточная сделка, стандартная управленческая практика, разумность предпринимаемых усилий по управлению деятельностью общества) и предоставляют судьям простор для толкования, благодаря обилию оценочных понятий, главное из которых, безусловно, «справедливость» [4].

Менеджмент имеет фактическую возможность распоряжаться корпоративными ресурсами; неправомерное присвоение директором коммерческих возможностей, в которых заинтересована компания, представляет собой одну из форм недобросовестного поведения. Соответствующий подход нашел отражение в пункте 5 Обзора [1]. В нем указано, что использование руководителем активов общества, например имущества, объектов интеллектуальной собственности, в собственных интересах является основанием для возложения на него обязанности по возмещению убытков, в том числе упущенной выгоды. Использование директором корпоративных возможностей в личных целях без раскрытия информации о характере и целях такого использования, может рассматриваться как нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно.

Недобросовестное поведение директора хозяйственного общества может выражаться в сокрытии от участников корпорации информации, имеющей существенное значение для принятия решений об одобрении крупных сделок или сделок с заинтересованностью (о содержании сделки и рисках ее совершения), предоставлении недостоверной информации о сделке.

Неразумное поведение имеет место в случае, если директор не проявил должной осмотрительности при выборе контрагента по сделке (например, не выяснил, является ли контрагент платежеспособным); не принял надлежаще и достаточные меры по взысканию задолженности с контрагента.

Вместе с тем само по себе наступление неблагоприятных последствий для общества еще не означает, что директор действовал недобросовестно или неразумно. Данные последствия могут быть вменены привлекаемому к ответственности лицу только в том случае, если оно неправомерно создало условия для их наступления [5]. При рассмотрении споров суды оценивают, в каких именно условиях принималось решение, какая информация имелаась у руководителя на тот момент и выходили ли его действия за пределы обычного предпринимательского риска.

В рамках дела № А40-281400/2024 (постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.03.2026 № Ф05-639/2026) [6] суды, рассматривая спор о взыскании с директора убытков, выразившиеся, по мнению истцов, в занижении стоимости работ по договорам подряда, по сравнению со стоимостью, которая должна была быть получена обществом, пришли к выводу о том, что директор действовал разумно и добросовестно, предпринял все зависящие от него меры для надлежащего исполнения заключенных договоров и получения обществом прибыли в наибольшем размере; его действия не выходили за рамки обычаев делового оборота и предпринимательского риска. Данная позиция согласуется с пунктом 9 Обзора [1].

При рассмотрении споров о взыскании с директора убытков, возникших в связи с заключением договоров, по мнению истцов, на заведомо невыгодных для общества условиях, суды с учетом позиции, изложенной в п. 10 Обзора [1], выясняют обстоятельства, в которых заключены сделки, принимая во внимание финансовое состояние общества, наличие у него ранее возникших долгов, возможность применения санкций. В отсутствие доказательств наличия иных разумных альтернатив своевременного погашения имеющейся задолженности действия директора по заключению сделок, в результате которых были погашены ранее возникшие долги, оцениваются как необходимые для общества и отвечающие его интересам, направленные на предотвращение еще большего ущерба (привлечения к ответственности, инициирования банкротства) (постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.10.2025 по делу № А12-28182/2024) [7].

Делая вывод по вышеизложенному, можно отметить, что при оценке действий директора значение имеет не только результат принятого решения, но и обстоятельства его принятия, степень осмотрительности и соблюдение интересов общества.

Рассматриваемые подходы дополнительно подтверждают, что директор в силу своего положения может быть ограничен в своей свободе действий для целей защиты интересов общества.

Споры о привлечении директора к ответственности за убытки, возникшие из-за его недобросовестных или неразумных действий, осложняются тем, что у истца (корпорация или ее участники), как правило, отсутствуют достаточные и достоверные сведения и документы в отношении совершаемых руководителем общества действий (бездействия), при этом директор располагает всей полнотой информации о своих действиях. Одним из способов решения этой проблемы является перераспределение бремени доказывания добросовестности и разумности действий на ответчика.

В силу п. 1 ст. 53 ГК РФ директор несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей он действовал недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску.

Дополнительные подходы к распределению бремени доказывания получили в п. 11, 12 Обзора. Истец должен доказать, что директор действовал вопреки интересам общества, поскольку добросовестность и разумность действий директора презюмируется. Истец также должен доказать обстоятельства, указывающие на наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) руководителя и наступлением неблагоприятных последствий в деятельности юридического лица [1]. В целях обеспечения единообразия судебной практики предлагается использовать алгоритмизированный подход к оценке поведения директора.

Этап 1. Проверка соответствия действий директора пределам обычного предпринимательского риска. Суд проверяет совершались ли действия в рамках обычной хозяйственной деятельности общества (были ли аналогичные действия в предыдущие периоды, какие действия совершаются разумным и добросовестным руководителем в аналогичных ситуациях), приняты ли надлежащие и достаточные меры в целях соблюдения интересов общества (получение полной и достоверной информации по предполагаемой к совершению сделке в отношении контрагента и предмета сделки).

Этап 2. Оценка объективного интереса общества. Суд исследует поведение директора с точки зрения соответствия видам деятельно-

сти общества, получения обществом экономической потенциальной выгоды, наличия у общества ресурсов и реальной способности к реализации проектов руководителя.

Этап 3. Проверка раскрытия информации и поведения директора. Ключевой этап, определяющий квалификацию поведения: раскрывал ли директор информацию, имеющую существенное значение для принятия участниками корпорации решений о стратегических направлениях деятельности общества и совершении сделок, требующих одобрения; инициировал ли рассмотрение вопроса компетентным органом; воздержался ли от самостоятельного использования ресурсов корпорации до получения одобрения ее участников.

Этап 4. Перераспределение бремени доказывания. При доказанности несоответствия действий директора принципам разумности и добросовестности, наличия его личной заинтересованности, отсутствия раскрытия информации или предоставления недостоверной информации, наличия у общества убытков, находящихся в причинно-следственной связи действиями директора, бремя опровержения названного обстоятельства и доказывания совершения действий в пределах обычного предпринимательского риска переходит на директора.

Этап 5. Итоговая квалификация. При соблюдении всех процедур → предпринимательский риск; при нарушении процедур и наличии личной выгоды → недобросовестность.

Предложенная схема представляет собой алгоритм юридической квалификации поведения директора, позволяющий суду определить правовую природу его действий как допустимого предпринимательского риска либо как недобросовестного поведения, влекущего обязанность возмещения убытков. Ее применение направлено на снижение уровня судебной дискреции и формирование единообразного подхода к оценке действий директора в условиях информационной асимметрии.

Критерий	Допустимый предпринимательский риск	Недобросовестное поведение директора
Цель действий	Достижение экономического результата в интересах общества	Извлечение личной выгоды или выгоды аффилированных лиц
Основание принятия	Достаточный объем информации, разумная де-	Соккрытие существенной информации или предо-

решения	ловая оценка	ставление недостоверной информации
Корпоративная возможность	Отсутствует связь с деятельностью общества либо отсутствует интерес общества	Возможность связана с обществом и используется директором в личных интересах
Конфликт интересов	Урегулирован и раскрыт	Скрыт или проигнорирован
Правовой результат	Ответственность, как правило, не наступает	Возникают основания для взыскания убытков

Если предложенная схема определяет последовательность анализа поведения директора, то таблица конкретизирует содержание каждого из оцениваемых элементов, формируя систему критериев, на основании которых суд делает вывод о наличии либо отсутствии недобросовестности.

Научная новизна исследования заключается в формировании комплексного подхода к оценке поведения директора с учетом критериев разумности и добросовестности и пределов предпринимательского риска.

В рамках проведенного анализа уточняется, что эксплуатация директором корпоративных возможностей не в интересах хозяйственного общества должна рассматриваться как самостоятельный элемент нарушения фидуциарных обязанностей директора. При этом необходимо учитывать, что реализация конкретных возможностей может приводить к конфликтам личных интересов директора и компании [1, с. 175–176], однако не любой такой конфликт автоматически свидетельствует о недобросовестности поведения.

Проведенное исследование демонстрирует, что проблема эксплуатации руководителем корпоративных возможностей является одной из ключевых в современном корпоративном праве и напрямую связана с вопросами добросовестности директора и пределами предпринимательского риска. В этих условиях особую значимость приобретает формирование подхода к регулированию корпоративных возможностей. Разграничение предпринимательского риска и недобросовестного поведения директора должно осуществляться не только через оценку экономического результата его действий.

Литература

1. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержден Президиумом Верховного суда РФ 30.07.2025.
2. Корпоративное право: проблемы и решения: сборник работ / составитель и ответственный редактор И. С. Чупрунов. Москва, 2020. 640 с.
3. Постановление пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».
4. Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 158.
5. Определение Верховного суда Российской Федерации от 29.01.2024 № 305-ЭС22-7760(2). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797659&utm_source=chatgpt.com#fpzl9JVY3L6C6F43 (дата обращения: 09.05.2026).
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.03.2026 по делу № А40-281400/2024 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/34474ef9-4500-4921-a5bc-dde1363682b2/cb922b52-0b07-4f8f-946c-8f030ef7a007/A40-281400-2024_20260323_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 09.05.2026).
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.10.2025 по делу № А12-28182/2024 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/60910611-6d9b-4a84-a93b-2e18973b13d1/2c6b9efa-2366-402f-9918-98546a1027dc/A12-28182-2024_20251027_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 09.05.2026).

DIRECTOR LIABILITY: LIMITS OF BUSINESS RISK
AND THE STANDARD OF GOOD FAITH

Gerasimenko Maria Nikolaevna

2st year master's student,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Krasnodar

mari.gerasimenko.01@list.ru

Kalashnikova Marina Grigoryevna

Senior Lecturer,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Krasnodar

kalashnikowa.mg@yandex.ru

The article examines directors' liability in corporate law through the limits of business risk and the standard of good faith. It addresses the separation of ownership and control and the issue of information asymmetry in corporate damages litigation. Special attention is paid to the burden of proof and judicial standards for assessing directors' conduct. The paper concludes on the necessity of developing unified good faith standards and clarifying the boundaries of acceptable business risk.

Keywords: director, corporate law, good faith, business risk, corporate opportunity, liability, damages, control, fiduciary duties.

**ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЦИФРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ
И ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ:
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ**

© Герасименко Мария Николаевна

студентка 2-го курса,

Российский государственный университет правосудия

имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Краснодар

Mari.gerasimenko.01@list.ru

Научный руководитель

Кичко Александр Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права,

Российский государственный университет правосудия

имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Краснодар

akichcko@yandex.ru

Статья посвящена комплексному анализу гражданско-правовых способов защиты цифровых изображений в сети Интернет в их неразрывной связи с охраной персональных данных. Рассматривается правовая природа цифрового изображения как объекта, находящегося на пересечении режимов личных неимущественных прав, интеллектуальной собственности и законодательства о персональных данных. Выявляются ключевые проблемы и коллизии современного регулирования, включая необходимость получения двойного согласия, сложности квалификации дипфейков и синтезированных изображений, а также специфику доказывания нарушений в цифровой среде. На основе анализа судебной практики 2022–2024 гг., норм Гражданского кодекса РФ, Федерального закона «О персональных данных» и европейских регламентов (GDPR, Digital Services Act) доказывается необходимость формирования единого концептуального подхода. В качестве решения автор предлагает доктринальную конструкцию «цифрового образа личности» как комплексного объекта охраны и модель унифицированного электронного согласия («цифрового волеизъявления»), а также конкретизацию обязанностей интернет-платформ. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: право на изображение, цифровой образ, персональные данные, искусственный интеллект, дипфейк, гражданско-правовая защита, согласие, интернет-платформа, моральный вред, цифровая идентичность, Гражданский кодекс.

Актуальность темы исследования обусловлена стремительной цифровизацией общественных отношений и повсеместным распространением визуального контента в сети Интернет. В период распространения цифровых технологий изменяются многие сферы жизни общества. В новых условиях право, как социальный регулятор, играет весомую роль в обеспечении социального прогресса [7, с. 37]. Сложившаяся ситуация выявила проблему правовой неопределенности, возникающей на стыке нескольких автономных правовых режимов. Цифровое изображение лица человека может одновременно подпадать под действие норм о защите личных неимущественных прав (право на изображение), законодательства об интеллектуальной собственности (если изображение является объектом авторского права) и строгого режима защиты персональных данных. Эта тройственная природа порождает коллизии в правоприменении, затрудняет выбор надлежащего способа защиты и создает риски как для субъектов прав, так и для добросовестных распространителей информации. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость глубокого научного осмысления феномена.

В научной литературе все чаще высказывается позиция о целесообразности квалификации персональных данных как нематериального блага, выступающего объектом личного неимущественного права гражданина на их защиту в рамках гражданского права. Иными словами, фактически речь идет о расширении содержания гражданской правосубъектности [6, с. 80]. Так, В. Д. Рузанова в своей работе отмечает, что на концептуальном уровне признание персональных данных гражданско-правовой категорией позволит обеспечивать их защиту как нематериального блага вне зависимости от наступления негативных последствий для субъекта, а также от наличия связи с неприкосновенностью частной жизни, личной или семейной тайной. Иными словами, правовая охрана будет предоставляться уже за сам факт нарушения [6, с. 80]. Такой подход формирует более высокий уровень гарантий прав граждан в данной сфере информационных отношений. А. А. Богустов отмечал, что к праву гражданина на изображение применяются общие положения о нема-

териальных благах. Анализ действующего законодательства (в частности, п. 1 ст. 150 ГК РФ) позволяет сделать вывод о том, что данное право, как и иные нематериальные блага, принадлежит гражданину на неотчуждаемой и непередаваемой основе. Кроме того, в соответствии со ст. 152.1 ГК РФ использование изображения гражданина допускается исключительно с его согласия [8, с. 28]. Таким образом, содержание права гражданина на изображение и права на цифровой образ совпадает как по субъектному составу, так и по условиям и порядку его использования. В научный оборот активно вводятся такие понятия, как «цифровая личность» и «цифровая идентичность», что свидетельствует о поиске новых доктринальных подходов. При этом, как справедливо отмечается в современных исследованиях, единая концепция, которая бы интегрировала охрану изображения как личного блага, его возможный творческий компонент и данные о личности, в российском праве пока не сформирована. Этот теоретический пробел напрямую влияет на правоприменительную практику, порождая разночтения и усложняя защиту прав граждан.

Целью настоящего исследования является определение гражданско-правовой природы цифрового изображения в сети Интернет и разработка на этой основе целостной системы эффективных способов его защиты. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, проанализировать цифровое изображение как объект гражданских прав, выявив его специфические черты и двойственную природу; во-вторых, исследовать соотношение и коллизии между правовым режимом изображения по ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и режимом персональных данных, установленным Федеральным законом № 152-ФЗ [1; 2]; в-третьих, систематизировать гражданско-правовые способы защиты при использовании изображений, включая особенности доказывания в цифровой среде; в-четвертых, оценить роль и ответственность интернет-платформ и рассмотреть возможные пути гармонизации отечественного законодательства с международными стандартами, в частности с регламентом Европейского союза 2016/679 [3].

Научная новизна исследования заключается в предложении авторской концепции «цифрового образа личности» как комплексного объекта гражданско-правовой охраны. Этот подход позволяет преодолеть искусственное разграничение между правом на изображе-

ние и защитой персональных данных, рассматривая визуальную репрезентацию человека в сети как единое нематериальное благо, тесно связанное с его идентичностью. На основе данного концептуального подхода планируется разработать модель унифицированного согласия («цифрового волеизъявления») на обработку и использование изображения, что могло бы стать практическим инструментом для устранения существующих правовых коллизий и повышения эффективности защиты прав граждан в цифровом пространстве.

Современное правовое регулирование цифровых изображений в Российской Федерации представляет собой сложную мозаику из норм, принадлежащих к разным институтам гражданского права, что создает значительные трудности как в теории, так и на практике. Ядро охраны образует ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющая специальное личное неимущественное право гражданина на собственное изображение [1]. В соответствии с данной нормой обнародование и дальнейшее использование изображения допускается только с согласия лица. Исключения, предусмотренные ст. 152.1 ГК РФ, в цифровой среде нередко толкуются расширительно.

Более того, цифровое изображение, особенно фотография или видеозапись, обладающие творческим характером, одновременно является и объектом авторского права. Согласно ст. 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации автор фотографического произведения вправе защищать свои интеллектуальные права, в том числе требовать пресечения действий, нарушающих его право, и компенсации [1]. Это приводит к классической коллизии интересов: с одной стороны — право лица на охрану его изображения, с другой — право автора на использование созданного им произведения. Судебная практика пытается разрешать эти споры, отдавая приоритет праву на изображение, если его использование осуществляется без согласия лица, даже если авторство фотографии принадлежит другому лицу [4]. Однако такая позиция не снимает всех вопросов, особенно в ситуациях, когда согласие на съемку было получено, но его условия (например, рамки дальнейшего использования) были нарушены. В этом случае оба субъекта — и изображенное лицо, и автор — могут иметь самостоятельные требования, что усложняет процедуру защиты.

Несмотря на теоретическую необходимость получения двух самостоятельных согласий, судебная практика 2023–2024 гг. демон-

стрирует, что их разграничение часто игнорируется, что приводит к массовым нарушениям. Например, в деле № 2-5598/2023 (Центральный районный суд г. Тольятти, решение от 07.11.2023) суд рассмотрел спор о защите персональных данных и компенсации морального вреда, связанный с публикацией фотографических изображений и комментариев в социальной сети ВКонтакте.

Истец указала, что ответчик без ее согласия осуществила фотосъемку в рамках публичного мероприятия и впоследствии разместила изображения в открытом доступе в интернет-сообществе, сопроводив публикацию комментариями, содержащими оскорбительные и порочащие сведения. Судом было установлено, что доступ к размещённой информации имел неопределённый круг лиц, а доказательств получения отдельного, конкретного и информированного согласия на обработку и распространение персональных данных, включая изображение, представлено не было.

Суд квалифицировал действия ответчика как нарушение ст. 150–152.1 ГК РФ и положений Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», подчеркнув, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина допускается исключительно при наличии его согласия, за исключением прямо предусмотренных законом случаев. Хорошо, давайте переработаем текст, чтобы он звучал менее как публичное выступление и более как объяснение или рассказ, сохраняя при этом естественность и понятность.

Можно представить такую ситуацию: вы оказались на каком-то мероприятии, которое проходило на улице, на виду у всех. Вначале кажется, что тут такого? Но вот в чем проблема: если вашу фотографию потом берут и используют отдельно, как самостоятельный объект (например, в рекламе или как отдельный пост), то факта, что вы были на публичном событии, уже недостаточно. Нужно ваше отдельное согласие. Также суд в этом деле очень четко расставил точки над «i». Суд разъяснил: если кто-то распространяет информацию о вас, то именно он, ответчик, должен доказать, что у него были на это законные основания. А вам, истцу, достаточно показать и доказать, что эта информация вообще была опубликована и что она навредила вашей репутации. В итоге, поскольку никакого согласия на публикацию фотографий не было получено, суд принял решение: изображения и комментарии из социальной сети должны быть удалены. И не только это — с ответчика взыскали 50 тыс. рублей в ка-

честве компенсации за моральный вред. Этот пример из судебной практики, своего рода урок для всех, кто работает с онлайн-платформами, и для обычных пользователей тоже. Даже если вы просто выложили фото с какого-то массового мероприятия, и у вас не было никакого злого умысла, но при этом вы использовали чье-то изображение без отдельного разрешения, это уже может считаться нарушением закона. Получается, что сейчас личные права человека стоят на первом месте. Это значит, что всем нам нужно быть гораздо внимательнее к тому, как мы работаем с фотографиями и видео, и всегда получать нужное согласие [9].

Отдельный и чрезвычайно актуальный пласт проблем связан с квалификацией изображения как персональных данных. Федеральный закон № 152-ФЗ определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу [2]. Бесспорно, фотография или видео, позволяющие идентифицировать человека, подпадают под это определение. Фотография или видео, позволяющие идентифицировать лицо, являются персональными данными. Таким образом, для правомерной публикации фотографии гражданина в сети Интернет теоретически требуется два различных по своей правовой природе согласия: одно — на использование изображения как личного блага (ст. 152.1 ГК РФ), другое — на обработку персональных данных (ст. 9 152-ФЗ) [2]. Пользователь, нажимая «разрешить» при загрузке приложения, часто не осознает, на обработку каких данных и в каком объеме он соглашается, а отдельного ясного запроса именно на использование его изображения, как правило, не происходит.

Особая острота проблемам правовой охраны цифровых изображений придает развитие технологий искусственного интеллекта. В частности, стремительно расширяется использование генеративного искусственного интеллекта [10, с. 33], на базе которого создаются дипфейки (англ. **deepfake**) — изображения, видеозаписи или аудиоматериалы, содержащие визуализацию лиц либо событий, не существующих в действительности, либо искажающих реальные обстоятельства. Дипфейк — изображения создаются с помощью нейросетей (Generative Adversarial Network). Одна часть программы придумывает, как сделать картинку или видео максимально похожим на настоящее, а другая часть пытается уличить ее в подделке. В результате создается визуально убедительный цифровой продукт.

Чем мощнее компьютеры и программы, тем лучше получаются дипфейки, и тем сложнее их отличить от настоящего цифрового продукта. Важно отметить, что дипфейк не всегда представляет собой имитацию конкретного реального лица или объекта — он может быть и полностью сгенерированный [16, с. 23]. В России пока нет специальных законов, которые бы четко регулировали дипфейки, поэтому сложно понять, кто виноват и как защититься. В частности, в деле № А40-200471/2023 [14] суд признал, что авторы имеют право защищать свои работы от незаконного использования дипфейк-видео и требовать возмещения ущерба. Суды готовы применять законы для защиты от дипфейков, например, требовать прекратить их распространение и выплатить компенсацию. Это помогает защитить как создателей контента, так и людей, которых изображают в дипфейках.

В отличие от традиционных фотографий, дипфейк не является «изображением, полученным в результате съёмки» в прямом смысле ст. 152.1 ГК РФ. Тем не менее, остаются фундаментальные вопросы: 1) Является ли дипфейк персональными данными, если он создан на основе массива публично доступных фотографий, но напрямую не «относится» к лицу в смысле ФЗ-152? 2) Кто является надлежащим ответчиком — создатель контента, платформа-распространитель или разработчик алгоритма? 3) Как технически доказывать факт создания и распространения дипфейка, если исходные тренировочные данные отсутствуют в публичном доступе? Отсутствие специальных норм создаёт серьёзный пробел, который уже активно эксплуатируется для нанесения репутационного и морального вреда [11].

Хотя Гражданский кодекс РФ предусматривает стандартные способы защиты прав на цифровое изображение, их применение в интернете имеет свои особенности. Главные из них — требование удалить изображение, возмещение морального вреда и убытков. Основная сложность заключается в сборе доказательств, поскольку цифровой контент легко уничтожить или изменить. Поэтому крайне важно оперативно и правильно фиксировать факты нарушения, например, делая скриншоты или получая нотариальный протокол осмотра сайта. Судебная практика последних лет показывает, что количество исков о защите изображений растёт, а суммы компенсаций увеличиваются, что говорит о большей внимательности судов к этой проблеме [4; 5]. Тем не менее процесс остается трудным и до-

рогим для пострадавших, особенно если нарушитель анонимен или находится за границей. Пример таких сложностей — дело № А23-7527/2019, где суд рассматривал спор о незаконном использовании фотографии на сайте телерадиокомпании [5]. Спор касался размещения фотографического произведения на сайте телерадиокомпании без согласия правообладателя и требования о взыскании компенсации по ст. 1301 ГК РФ.

Суд подтвердил, что размещение изображения в сети Интернет квалифицируется как доведение произведения до всеобщего сведения и относится к способам использования результата интеллектуальной деятельности, а также, что для защиты прав на цифровое изображение необходимо доказать авторство и представить надлежащие электронные доказательства.

Таким образом, данное дело демонстрирует, что формальная фиксация нарушения (в том числе посредством нотариального осмотра сайта) не освобождает истца от обязанности представить оригинальный цифровой файл и обеспечить его исследование в судебном заседании.

Сегодня интернет-платформы стали настоящими информационными центрами, и их роль как посредников только растет. В России, согласно ст. 1253.1 Гражданского кодекса и ст. 10 закона «Об информации», владельцы сайтов могут избежать ответственности за контент, который выложили пользователи. Главное условие: они не знали и не могли знать о незаконности материала, а как только им сообщили — сразу же приняли меры по его удалению [1]. Этот подход, известный как «notice and take down», призван решать проблемы досудебно. Проблема в том, что у Российского законодательства нет четких правил, сколько времени платформам дается на реакцию, и как именно нужно уведомлять. Для сравнения, в Европе с этим гораздо строже. Их Digital Services Act (DSA) обязывает крупные платформы иметь понятные механизмы для жалоб, привлекать независимых экспертов для спорного контента и активно бороться с теми, кто постоянно нарушает правила. Европейский подход, кстати, еще и делает упор на профилактику и закладывает защиту данных «по умолчанию» (privacy by design) [3]. Если сравнить, то российское законодательство явно отстает. В отличие от европейского DSA, где на явный незаконный контент реагируют за 24–48 часов, у нас понятие «разумного срока» в законе размыто. Это открывает двери для затягивания рассмотрения жалоб. Хотя

российские суды и смотрят на то, насколько оперативно и добросовестно платформа действовала (вспомним дело с deepfake-видео от ООО «Рефейс Технолоджис»), без четких законодательных ориентиров сложно говорить о полной справедливости [15]. Чтобы соответствовать международным требованиям и сделать защиту более эффективной, предлагается: 1) установить максимальный срок рассмотрения жалоб на незаконное использование изображений — 72 часа с момента их получения; 2) Создать электронную форму уведомления, утверждённую Роскомнадзором, чтобы пользователям было проще подавать жалобы, а платформам — их обрабатывать; 3) Чётко прописать, что платформы несут ответственность, если не предпримут никаких действий после получения правильно оформленной жалобы, и не смогут оправдываться тем, что нарушение было «неочевидным» [3; 12]. Если подходить к выводам, могу отметить главное о современном состоянии и перспективах гражданско-правовой охраны цифровых изображений в сети Интернет. Когда подходит к изучению законов и то, как их применяют в судах, становится ясно: есть системная проблема с регулированием использования изображений людей. Все эти вопросы — право на изображение, авторское право, персональные данные — как будто не пересекаются. Из-за этого возникает правовая неразбериха, сложно понять, что законно, а что нет, и как защитить свои интересы в этом цифровом мире. Ведь сегодня наше цифровое изображение, особенно лицо, — это уже не просто картинка. Это часть нашей цифровой личности, и к этому нужно подходить с особой осторожностью.

Особенно остро эта проблема ощущается, когда приходится получать два согласия на использование изображения и обработку персональных данных. А еще, что делать с дипфейками и другим контентом, созданным искусственным интеллектом? Закон пока не дает четкого ответа. Конечно, есть способы защитить себя, например, через суд, требуя прекратить нарушение или возместить моральный вред. Но в цифровом мире собрать нужные доказательства — это целая проблема. Ответственность интернет-платформ за то, что они распространяют, в России прописана гораздо менее четко, чем в Европе. Из-за этого часто не получается решить проблему до суда.

В качестве ключевого направления совершенствования правового регулирования предлагается концептуальный переход от разрозненной охраны к формированию единого объекта защиты — «цифрового образа личности». Под этим понятием следует понимать со-

вокупность визуальной информации (статичной или динамической), позволяющей идентифицировать гражданина, и связанных с ней метаданных, которая охраняется как личное нематериальное благо, неразрывно связанное с достоинством, частной жизнью и персональными данными субъекта. Закрепление данного понятия на доктринальном, а в перспективе и на законодательном уровне позволит преодолеть искусственное разграничение между ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральным законом «О персональных данных».

В качестве одного из возможных, но требующих осторожности, направлений совершенствования можно рассмотреть пилотную модель структурированного электронного согласия. Её внедрение целесообразно не как универсальный инструмент, а в первую очередь для конкретных, риск-ориентированных сегментов: коммерческого использования изображений в рекламе и маркетинге; обработки биометрических данных для аутентификации; деятельности профессиональных фотостоков.

Такое согласие, условно именуемое «цифровым волеизъявлением», должно отвечать жёстким критериям:

1) быть конкретным и информированным — ясно определять цели, способы, сроки и объём использования образа, с обязательным предоставлением субъекту доступной пояснительной записки;

2) документированным и аутентифицируемым — оформляться с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи или иного надёжного средства, обеспечивающего однозначную идентификацию волеизъявления;

3) модульным и гибким — позволять субъекту выбирать отдельные разрешённые операции (например, согласие на хранение, но не на распространение).

Главная идея — совместить в одном юридически значимом электронном акте разрешение на использование изображения (ст. 152.1 ГК РФ) и на обработку соответствующих персональных данных (ст. 9 ФЗ-152), устранив дублирование процедур. Однако внедрение подобной модели требует предварительного тестирования в рамках «регуляторных песочниц», экспертной проработки и согласования с соответствующими органами, для того, чтобы избежать риски нарушения добровольного характера [13].

Таким образом, гармонизация отечественного законодательства в данной сфере должна идти по пути системной интеграции суще-

ствующих норм, заимствования лучших практик из международного опыта, в первую очередь европейского (GDPR, Digital Services Act), и опережающего правового регулирования в области новых технологий. Предложенные меры — конструирование «цифрового образа личности» как комплексного объекта права, внедрение унифицированного цифрового согласия и конкретизация ответственности платформ — способны сформировать более эффективный, понятный и справедливый механизм защиты одного из самых уязвимых благ человека в цифровую эпоху. Реализация этих предложений может лечь в основу поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации и подзаконные акты Роскомнадзора, направленных на создание сбалансированного правового режима, обеспечивающего как защиту частной жизни граждан, так и развитие цифровых коммуникаций.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52(1 ч.). Ст. 5496.

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

3. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1–88.

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 10.04.2023 № 18-КГ22-47-К7 // Неопубликованное решение. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Решение Арбитражного суда Калужской области от 27.08.2020 по делу № А23-7527/2019 (в качестве примера по коммерческому использованию изображения) // Sudact.ru. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/o9F883ZOL0W8/> (дата обращения: 28.02.2026).

6. Рузанова В. Д. Персональные данные как гражданско-правовая категория // Правовое государство: теория и практика. 2022. Т. 18, № 3(69). С. 77–82. URL: <https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/655> (дата обращения: 10.05.2026).

7. Казакевич Е. И. Защита прав и свобод человека при обработке персональных данных в период цифровой трансформации // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 4. С. 37–45. URL: <https://lawresearch.usla.ru/index.php/lawresearch/article/download/174/127> (дата обращения: 10.05.2026)

8. Богустов А. А. Цифровой образ (цифровая копия личности) в системе объектов гражданских прав: опыт модельного законодательства // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 4. С. 25–31. URL: <https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/27109> (дата обращения: 10.05.2026).

9. Решение Центрального районного суда города Тольятти от 07.11.2023 по делу № 2-5598/2023 (спор о защите персональных данных и компенсации морального вреда) // Sudact.ru. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oVKBKgB10oYJ/> (дата обращения: 28.02.2026).

10. Архиреев Н. В. Тенденции правового регулирования создания и применения искусственного интеллекта в Российской Федерации // Российская юстиция. 2025. № 1. С 32–40.

11. Обзор судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о защите персональных данных и охране изображения гражданина (утв. Президиумом Верховного суда РФ 15.12.2023) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2024. № 1.

12. Directive (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. 2022. L 277.

13. Концепция развития законодательства о защите персональных данных на период до 2030 г. (проект) / Рабочая группа при Роскомнадзоре. Москва, 2023. 65 с.

14. Арбитражный суд города Москвы. Дело № А40-200471/2023 (решение Арбитражного суда Москвы от 30.11.2023 о признании deepfake-видео объектом авторского права и взыскании компенсации за незаконное использование) // Sudact.ru. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FPdEj2cpgSdC/> (дата обращения: 28.02.2026).

15. ООО «РефейсТехнолоджис». Дело о защите авторских прав на deepfake-видео (№ А40-200471/2023) // RapSinews.ru. 2024. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240820/310180922.html (дата обращения: 28.02.2026).

16. Архиреев Н. В. Правовое регулирование создания и использования дипфейков // Публично-правовые (государственно-правовые)

науки. 2025. № 2. С. 22–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sozdaniya-i-ispolzovaniya-dipfeykov> (дата обращения: 12.05.2026).

LEGAL PROTECTION OF DIGITAL IMAGES AND PERSONAL DATA ONLINE: CIVIL LAW METHODS OF PROTECTION

Maria Nikolaevna Gerasimenko

Second-year student,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Ulan-Ude

Mari.gerasimenko.01@list.ru

Kichko Alexander Ivanovich

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Ulan-Ude

akichcko@yandex.ru

This article provides a comprehensive analysis of civil law methods for protecting digital images online in their inextricable connection with personal data protection. This article examines the legal nature of the digital image as an object at the intersection of personal non-property rights, intellectual property, and personal data legislation. Key issues and conflicts in modern regulation are identified, including the need for dual consent, the complexities of qualifying deepfakes and synthesized images, and the specifics of proving violations in the digital environment. Based on an analysis of judicial practice from 2022–2024, the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the Federal Law «On Personal Data» and European regulations (GDPR, Digital Services Act), the need for a unified conceptual approach is demonstrated. As a solution, the author proposes a doctrinal framework for the «digital image of an individual» as a comprehensive object of protection and a model of unified electronic consent («digital expression of will»), as well as a specification of the responsibilities of internet platforms. The results of this study can be used to improve legislation and law enforcement practices.

Keywords: image right, digital image, personal data, artificial intelligence, deepfake, civil protection, consent, internet platform, moral damages, digital identity, civil code.

**ГОЛОСОВАЯ БИОМЕТРИЯ КАК СРЕДСТВО
АУТЕНТИФИКАЦИИ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СДЕЛКАХ:
ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ДОСТОВЕРНОСТИ**

© Доможилова Диана Сергеевна

студентка 3-го курса,
Центральный филиал, Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
digreenkka@gmail.com

© Рыкунова Юлия Юрьевна

студентка 3-го курса,
Центральный филиал, Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
rukynovajul.17@gmail.com

Научный руководитель

Костикова Галина Викентьевна

кандидат юридических наук, доцент,
Центральный филиал, Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
natachir@mail.ru

В статье исследуется использование голосовой биометрии при совершении гражданско-правовых сделок с учетом ГК РФ, Федеральных законов № 572-ФЗ и № 63-ФЗ, а также требований к Единой биометрической системе. Доказано, что голосовая биометрия не является электронной подписью и не образует самостоятельного способа соблюдения письменной формы сделки. Она выполняет функцию идентификации или аутентификации лица и приобретает юридическое значение только вместе с техническими средствами, позволяющими воспроизвести содержание сделки на материальном носителе в неизменном виде. Сделан вывод о допустимости применения не только ЕБС, но и иных согласованных систем при наличии надежной процедуры фиксации волеизъявления, защищенности и доказуемости. Отдельно обозначены риски deepfake и значение антиспуфинга.

Ключевые слова: голосовая биометрия, аутентификация, идентификация, письменная форма сделки, электронная подпись, Единая биометрическая система, deepfake, антиспуфинг, цифровое волеизъявление, биометрические персональные данные, дистанционные сделки.

Цифровизация гражданского оборота изменила способы подтверждения воли сторон. Если ранее правовая надежность сделки связывалась прежде всего с бумажным документом и собственноручной подписью, то сегодня закон допускает использование электронных и иных технических средств. Абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ прямо указывает, что письменная форма считается соблюденной, если такие средства позволяют воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки и достоверно определить лицо, выразившее волю [2]. Следовательно, предмет анализа заключается в определении условий, при которых голосовая технология способна обеспечить юридически проверяемую связь между текстом сделки, волеизъявлением и конкретным субъектом.

Прежде всего требуется определить сущность понятия «голосовая биометрия». В юридическом смысле оно не сводится только к Единой биометрической системе (ЕБС). ЕБС представляет собой специальный публично регулируемый контур удаленной идентификации и аутентификации по изображению лица и записи голоса [8; 15]. Вместе с тем ст. 160 ГК РФ сформулирована технологически нейтрально и не ограничивает допустимые средства только государственными платформами [2]. Поэтому в частноправовом обороте теоретически могут использоваться и иные системы, включая банковские мобильные приложения, если закон, нормативные акты Банка России или соглашение сторон допускают такой способ и если он обеспечивает требуемую доказуемость. Однако вне ЕБС такая система не получает автоматического публично-правового доверия и должна подтверждать свою надежность через договорный режим, журналы операций, правила идентификации и последующую судебную проверку.

Показатели масштабного использования биометрии сами по себе не снимают вопрос о юридическом режиме конкретной сделки. По данным Единой биометрической системы, в 2025 г. в России было совершено 195,6 млн оплат по биометрии, а Банк России указывает на упрощение сбора биометрии через приложение «Госуслуги Биометрия» и расширение каналов ее регистрации [5; 11]. Оплата

же повседневной покупки и заключение сделки, для которой закон требует письменной формы либо специальной процедуры, находясь в разных правовых режимах. Консультационный доклад Банка России дополнительно показывает, что на финансовом рынке инфраструктура удаленной биометрической идентификации и инфраструктура электронного подписания документов выполняют разные функции: идентификация с применением изображения лица и записи голоса осуществляется через ЕБС, а подписание электронных документов обеспечивается отдельным сервисом «Госключ» [8].

Е. Е. Фролова и А. М. Берман справедливо отмечают, что в цифровой среде юридическая значимость постепенно смещается от материального носителя к проверяемости процедуры акцепта [16, с. 61–67]. Д. С. Запорожцев рассматривает биометрические данные как инструмент удаленной идентификации, эффективность которого определяется техническими возможностями, порядком обработки данных и возможностью устойчиво связать цифровой результат с конкретным субъектом [6, с. 986–990]. И. Е. Михеева применительно к банковской сфере подчеркивает зависимость правового эффекта биометрии от защищенности инфраструктуры и соблюдения специальных регуляторных требований [7, с. 27–33].

Главный вопрос состоит в разграничении голосовой биометрии и электронной подписи. Федеральный закон № 63-ФЗ определяет электронную подпись как «информацию в электронной форме, которая присоединена к подписываемой информации или иным образом связана с ней и используется для определения лица, подписавшего электронный документ». Простая электронная подпись подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом посредством кодов, паролей или иных средств [14].

Простая ЭП может использоваться только в случаях, установленных законом или соглашением сторон (ч. 2 ст. 6 ФЗ № 63-ФЗ), голосовая биометрия в этом перечне не названа. Следовательно, она не является самостоятельным видом электронной подписи и не приравнивается к ней автоматически. Ее правовой режим иной — это способ идентификации или аутентификации, который в конструкции ст. 160 ГК РФ может выполнять функцию достоверного определения лица, выразившего волю, но не заменяет собой электронный документ и не устраняет требования о воспроизводимости его содержания [2; 14].

Отсюда вытекает и различие между устной и письменной формой сделки. Для сделок, которые могут совершаться устно, голос остается самым естественным способом выражения воли, а биометрическая технология может выступать лишь дополнительным средством удаленной аутентификации клиента. Иная ситуация складывается там, где закон или соглашение сторон требуют письменной формы. В таком случае необходимо последовательно проверить условия, вытекающие из абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ:

- содержание сделки должно быть зафиксировано так, чтобы его можно было воспроизвести на материальном носителе;
- фиксация должна сохраняться в неизменном виде;
- примененный способ должен позволять достоверно определить лицо, выразившее волю [2].

Голосовая биометрия способна участвовать главным образом в выполнении третьего условия, тогда как первые два обеспечиваются электронным документом, аудиопотоком, журналами системы, метками времени и средствами контроля целостности.

Поэтому простая аудиозапись телефонной фразы «согласен» либо «подтверждаю» обычно не образует достаточного эквивалента письменной формы. Такая запись может подтверждать сам факт разговора, но без привязки к тексту сделки, времени, конкретному устройству, правилам аутентификации и неизменности файла она не доказывает соблюдение требований.

Судебная практика демонстрирует данный подход. Так, Центральный районный суд г. Барнаула отказался считать телефонное согласие, зафиксированное в последующий после заключения сделки период, достаточным основанием для включения страховой программы в уже подписанный карточный договор, поскольку первоначальное письменное волеизъявление клиента такого согласия не содержало [13].

Седьмой арбитражный апелляционный суд, оценивая аудиозапись переговоров как доказательство заключения договора поставки, указал, что по записи невозможно идентифицировать участников беседы и подтвердить сам факт заключения договора [9]. Следовательно, сама по себе аудиозапись чаще выступает ненадлежащим либо недостаточным доказательством волеизъявления, тогда как юридическое значение она приобретает главным образом в совокупности с электронным документом, регламентом идентификации и журналами операций.

Вместе с тем практика дистанционного банковского кредитования показывает другую конструкцию. Когда договор существует в виде электронного документа в личном кабинете или мобильном приложении, а клиент входит в систему под своими идентификаторами и подтверждает акцепт одноразовым кодом, суды квалифицируют такую модель как использование простой электронной подписи при соблюдении письменной формы [12]. В подобных делах голосовой канал, если он вообще используется, выполняет лишь вспомогательную функцию: оператор может озвучить условия, уточнить намерение клиента или зафиксировать коммуникацию, но решающее значение имеет связь электронного документа, правил дистанционного банковского обслуживания, протокола операций и кода подтверждения. Так, в банковских приложениях без ЕБС голосовая биометрия может быть элементом процедуры аутентификации, но сама по себе обычно не образует ни подпись, ни самостоятельное доказательство заключения письменной сделки.

Другая оценка возможна тогда, когда голос используется внутри специального легального биометрического контура. Федеральный закон № 572-ФЗ закрепляет режим идентификации и аутентификации с использованием биометрических персональных данных, а консультационный доклад Банка России прямо указывает, что удаленная идентификация с применением изображения лица и записи голоса осуществляется при помощи ЕБС [8; 15]. Преимущество такого подхода состоит в формализованных требованиях к сбору, хранению и использованию биометрии. Тем не менее даже здесь нельзя смешивать идентификацию и подписание документа. ЕБС подтверждает личность пользователя и открывает доступ к дистанционному получению услуг, а юридически значимое подписание электронного документа требует отдельного механизма, основанного на законодательстве об электронной подписи либо на иной допустимой конструкции ст. 160 ГК РФ [8; 14].

Главный вызов для голосовой аутентификации создают deepfake-технологии. По данным Signicat, в финансовом секторе 42,5% выявленных мошеннических попыток уже связаны с ИИ, а количество deepfake-схем за последние три года резко возросло [17]. Поэтому правовая допустимость использования голоса неразрывно связана с антиспуфингом. Если система сравнивает только тембр или спектральный рисунок голоса, не проверяя признаки «живого» предъявления, устойчивость такой аутентификации для

юридических действий будет недостаточной. Для высокорисковых операций голос не должен использоваться единственным фактором подтверждения.

Рациональной выглядит многофакторная модель, в которой биометрия сочетается с контролем устройства, одноразовым кодом, защищенной сессией и журналированием действий пользователя [1; 7, с. 31–33]. По состоянию на апрель 2026 г. опубликованные судебные акты, в которых deepfake-имитация голоса прямо оценивалась бы как основание для признания гражданско-правовой сделки заключенной или незаключенной, не сформировали устойчивой линии правоприменения. Поэтому риск deepfake в рассматриваемой сфере пока выступает превентивным критерием надежности биометрической процедуры, а не как уже устоявшаяся судебная категория.

Приказ Минцифры России № 453 устанавливает обязательные параметры записи голоса для целей биометрической обработки: отношение сигнал/шум не менее 15 дБ, глубину квантования не менее 16 бит, частоту дискретизации не менее 16 кГц, формат RIFF (WAV), отсутствие шумоподавления и присутствие в записи голоса только одного человека [10]. Дополнительную опору создают ГОСТ Р 58624.3-2019, предусматривающий испытания средств обнаружения атак на биометрическое предъявление, и ГОСТ Р 58668.11-2019, унифицирующий формат представления голосовых данных [3; 4]. В гражданско-правовом споре это означает, что сторона, ссылающаяся на голосовую биометрию, должна представить итоговый вывод системы об успешной аутентификации и проверяемый набор сопутствующих данных (исходный файл, метку времени, сведения об устройстве, результат антиспуфинга, журналы действий и материалы), позволяющие сопоставить голосовую процедуру с конкретным текстом сделки.

Таким образом, голосовая биометрия не является электронной подписью и не образует самостоятельный способ соблюдения письменной формы сделки [14]. В устных сделках она может использоваться как дополнительный слой удаленной аутентификации, но вопрос о соблюдении письменной формы там, как правило, не возникает. В письменных сделках ее правовая пригодность определяется по критериям абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ.

Следовательно, ЕБС не является единственно возможной технологической средой, но именно она создает наиболее формализованный режим удаленной биометрической идентификации. Частные

системы и банковские приложения вне ЕБС также могут использоваться, но только при условии, что они не подменяют собой подпись, а встроены в юридически и технически доказуемую процедуру выражения воли. Для частных систем (вне ЕБС) требуется соглашение сторон, определяющее доказательственную силу голосовой аутентификации (по аналогии с ч. 2 ст. 6 ФЗ № 63-ФЗ). При этом сама аудиозапись голоса без такой процедуры обычно не подтверждает соблюдение письменной формы, а лишь фиксирует факт коммуникации между сторонами.

Литература

1. Виноградов В. А., Кузнецова Д. В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 2. С. 215–240.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. ГОСТ Р 58624.3-2019 (ИСО/МЭК 30107-3:2017). Информационные технологии. Биометрия. Обнаружение атаки на биометрическое предъявление. Ч. 3. Испытания и протоколы испытаний. Москва: Стандартинформ, 2019.
4. ГОСТ Р 58668.11-2019 (ИСО/МЭК 19794-13:2018). Информационные технологии. Биометрия. Форматы обмена биометрическими данными. Ч. 13. Данные голоса. Москва: Стандартинформ, 2020.
5. Единая биометрическая система. Россияне в 2025 г. совершили 195,6 млн оплат по биометрии. 2026. URL: https://ebs.ru/news/?ELEMENT_ID=5353272 (дата обращения: 06.04.2026).
6. Запорожцев Д. С. Биометрические данные как средство удаленной идентификации человека // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2025. Т. 29, № 4. С. 981–994.
7. Михеева И. Е. Отдельные правовые аспекты биометрической идентификации в банковской сфере // LexGenetica. 2025. Т. 4, № 1. С. 24–38.
8. Национальная цифровая инфраструктура доверия на финансовом рынке: консультационный доклад Банка России. Москва, 2025. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/182908/Consultation_Paper_24092025.pdf (дата обращения: 06.04.2026).

9. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2025 по делу № А45-27875/2024. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bPdUpMOcOsбH/> (дата обращения: 15.04.2026).

10. Приказ Минцифры России от 12.05.2023 № 453 // Официальный интернет-портал правовой информации. 31.05.2023.

11. Результаты работы Банка России 2025: развитие технологий и поддержка инноваций. 2026. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/results_work/2025/razvitie-tekhnologiy-i-podderzhka-innovaciy/ (дата обращения: 06.04.2026).

12. Решение Дубровского районного суда Брянской области от 27.03.2025 по делу № 2-157/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CuaLGAijrqT/> (дата обращения: 15.04.2026).

13. Решение Центрального районного суда г. Барнаула (Алтайский край) от 07.02.2025 по делу № 2-156/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VY8hQblarRxC/> (дата обращения: 15.04.2026).

14. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

15. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. 1). Ст. 88.

16. Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 3. С. 57–83.

17. Signicat. Fraud attempts with deepfakes have increased by 2137% over the last three years. 2025. URL: <https://www.signicat.com/press-releases/fraud-attempts-with-deepfakes-have-increased-by-2137-over-the-last-three-year> (accessed: 06.04.2026).

VOICE BIOMETRICS AS A MEANS OF AUTHENTICATION IN CIVIL LAW TRANSACTIONS: LEGAL GUARANTEES OF RELIABILITY

Domozhilova Diana Sergeevna

3rd-year students, Faculty of Law,

Central Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Voronezh

digreenkka@gmail.com

Rykunova Yulia Yuryevna

3rd-year students, Faculty of Law,
Central Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice
Russian Federation, Voronezh
rukynovajul.17@gmail.com

Kostikova Galina Vikentyevna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Central Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice
Russian Federation, Voronezh
natachir@mail.ru

The article examines the use of voice biometrics in civil law transactions in the context of the Civil Code of the Russian Federation, Federal Laws No. 572-FZ and No. 63-FZ, and requirements for the Unified Biometric System. The study proves that voice biometrics is not an electronic signature and does not independently ensure compliance with the written form of a transaction. It performs the function of identifying or authenticating a person and obtains legal significance only together with technical means that reproduce the content of the transaction on a tangible medium in an unchanged form. The conclusion is made that not only the Unified Biometric System, but also other agreed systems may be used if they provide a reliable procedure for fixing will, security and evidentiary value.

Keywords: voice biometrics, authentication, identification, written form of transaction, electronic signature, Unified Biometric System, deepfake, anti-spoofing, digital expression of will, biometric personal data, remote transactions.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТУРОПЕРАТОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Доржиев Очир Алдарович

магистрант 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

dorzhievo4ir@yandex.ru

Научный руководитель

Балдаева Римма Александровна

кандидат биологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

brimma72@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам гражданско-правовой ответственности туроператора. Анализируются выработанные практикой различные модели ответственности туроператора в Российской Федерации. В статье представлены меры по дальнейшему развитию законодательства о туристской деятельности, среди которых четкое разграничение ответственности туроператоров и турагентов, создание публичного реестра туристических агентств. Автор отмечает, что к числу значимых мер следует отнести стандартизацию договоров, повышение прозрачности информации о туроператоре, а также уточнение порядка возврата денежных средств при форс-мажорных обстоятельствах.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, туризм, туристические услуги, туристская деятельность, туроператор, турагент, турист, договор о реализации туристского продукта, защита туристов, притензионный порядок, компенсация расходов.

Туроператор является основным организующим субъектом в системе создания и последующей реализации туристского продукта. Его правовое значение определяется не тем, что он лично оказывает все услуги, входящие в состав тура, а тем, что именно он формирует их совокупность, выбирает исполнителей и обеспечивает целостность предлагаемого потребителю продукта. В указанном процессе туроператор привлекает перевозчиков, средства размещения, экс-

курсионные организации, гидов и иных поставщиков услуг, учитывающая состояние рынка, потребительский спрос и экономическую целесообразность.

Специфика правового положения туроператора проявляется также в возможности самостоятельной продажи сформированного туристского продукта. Данное право расширяет пределы его предпринимательской самостоятельности, однако одновременно создает предпосылки для конкуренции с турагентами, которые привлекаются самим туроператором для продвижения и реализации туров. В связи с этим особое значение приобретает разграничение функций туроператора и турагента, а также определение пределов их ответственности перед туристом.

Формирование туристского продукта может осуществляться по различным моделям. Первая модель предполагает реализацию заранее сформированного пакетного тура, включающего определенный набор услуг. Вторая связана с созданием индивидуального туристского продукта на основании заявки заказчика, после чего туроператор оценивает возможность его организации и исполнения. При этом турагент, как правило, не оказывает туристские услуги непосредственно и не вступает в самостоятельные правоотношения с перевозчиками, гостиницами, экскурсионными организациями и иными фактическими исполнителями. Его участие преимущественно выражается в информировании клиента, приеме заявки, оформлении документов и посредничестве при заключении договора [5, с. 97].

Действующее правовое регулирование предоставляет туроператору значительную свободу при конструировании договорных отношений с турагентом. На практике это нередко приводит к включению в агентские договоры условий о расширенной ответственности турагента за действия, связанные с исполнением, изменением или прекращением заявки. Особенно спорными являются положения, по которым ответственность турагента наступает даже в случае аннулирования тура по инициативе потребителя. Такой подход не в полной мере согласуется с природой потребительских правоотношений, поскольку законодательство предоставляет потребителю право отказаться от договора в любое время, а реализация данного права не должна автоматически рассматриваться как неправомерное поведение турагента.

В системе гражданско-правовой ответственности определяющее значение имеет обязанность туроператора отвечать перед туристом

за неисполнение либо ненадлежащее исполнение договора о реализации туристского продукта. Такая ответственность сохраняется независимо от того, кто фактически должен был оказать отдельные услуги, входящие в состав тура. Выбор перевозчиков, гостиниц, экскурсионных организаций и иных третьих лиц относится к сфере профессионального риска туроператора, поскольку именно он формирует туристский продукт и предлагает его потребителю как единый комплекс услуг.

Данная модель ответственности направлена на усиление защиты туриста как потребителя. Приобретая туристский продукт, он не обязан самостоятельно устанавливать, какой именно исполнитель нарушил обязательство и в какой части была допущена неисправность исполнения. Ответственным субъектом для туриста выступает туроператор, организовавший соответствующий комплекс услуг. В случае нарушения договора на туроператора может быть возложена обязанность возвратить денежные средства пропорционально стоимости неоказанных услуг, а также компенсировать моральный вред.

Особую сложность в туристских правоотношениях представляет расторжение договора и возврат денежных средств при наступлении чрезвычайных обстоятельств. Пандемии, закрытие государственных границ, вооруженные конфликты и иные события, препятствующие исполнению договора, обостряют противоречие между интересами туристов и экономическими возможностями туроператоров. Потребитель, как правило, заинтересован в возврате всей уплаченной суммы, тогда как туроператор к моменту расторжения договора может уже перечислить денежные средства иностранным партнерам, перевозчикам, гостиницам или иным исполнителям.

Законодательство допускает возврат средств за вычетом фактически понесенных расходов туроператора. Однако именно подтверждение таких расходов часто становится предметом споров. Туроператор должен доказать не только сам факт осуществления затрат, но и их связь с конкретным договором, необходимость и невозможность возврата соответствующих сумм от контрагентов. При отсутствии достаточных доказательств удержание части денежных средств может быть признано необоснованным.

Наиболее уязвимое положение в подобных ситуациях занимают турагенты. Именно они чаще всего непосредственно взаимодействуют с туристами, принимают претензии, дают разъяснения и

становятся первым адресатом недовольства потребителей. Вместе с тем турагент, как правило, не располагает полномочиями самостоятельно принимать решения о возврате денежных средств, поскольку полученная от клиента сумма уже перечислена туроператору либо распределена между участниками исполнения туристского продукта. В результате возникает дисбаланс между фактической коммуникационной нагрузкой турагента и объемом его юридических возможностей по урегулированию конфликта.

При реализации зарубежных туристских продуктов существенное значение имеет определение момента, с которого платеж считается совершенным. Данный вопрос приобретает особую практическую значимость в связи с тем, что стоимость таких туров, как правило, зависит от курса иностранной валюты. Если заказчик перечисляет денежные средства непосредственно на расчетный счет туроператора, юридически значимым может признаваться не только момент фактического поступления средств, но и сам факт совершения потребителем действий по оплате. В условиях роста валютного курса это способно повлечь для туроператора дополнительные финансовые издержки, которые не могут автоматически перекладываться на турагента.

Иной механизм применяется при оплате туристского продукта через турагента. В агентских договорах нередко предусматривается, что платеж считается произведенным только после поступления денежных средств на расчетный счет туроператора. Такая договорная конструкция позволяет туроператору фиксировать оплату позднее того момента, когда потребитель фактически передал денежные средства турагенту. При этом между оплатой со стороны заказчика и перечислением средств туроператору может возникнуть временной разрыв. Его появление обусловлено тем, что турагент обычно получает возможность перечислить деньги только после выставления счета туроператором, который, в свою очередь, формируется после подтверждения возможности организации соответствующего туристского продукта.

Подобный порядок расчетов создает для турагента дополнительные финансовые риски. Турагент не участвует в формировании туристского продукта, не определяет его итоговую стоимость, не ведет расчеты с иностранными партнерами и не влияет на валютную составляющую цены. Несмотря на это, условия агентских договоров могут фактически возлагать на него негативные послед-

ствия изменения валютного курса либо задержек, вызванных внутренними процедурами туроператора. В результате возникает дисбаланс между реальным объемом полномочий турагента и теми имущественными рисками, которые на него перекладываются договором.

Особое значение в данной связи имеет распределение ответственности между участниками туристского рынка. Туроператор располагает наиболее полной информацией о составе тура, порядке его формирования, механизме ценообразования, условиях бронирования и выборе фактических исполнителей услуг. Именно он определяет перевозчиков, гостиницы, принимающие организации и иных контрагентов, участвующих в исполнении туристского продукта. Поэтому освобождение туроператора от гражданско-правовой ответственности перед туристом за действия привлеченных им лиц не соответствует природе его правового положения [6, с. 117].

Иной подход мог бы привести к ослаблению контроля туроператора за своими контрагентами и ухудшению положения туриста как потребителя. В таком случае на туриста фактически возлагалась бы обязанность самостоятельно урегулировать споры с перевозчиками, гостиницами или иными исполнителями, которых он не выбирал и с которыми зачастую не вступал в прямые договорные отношения. Следовательно, ответственность туроператора за действия третьих лиц должна рассматриваться как необходимое условие защиты прав потребителя и обеспечения целостности туристского продукта.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о пределах ответственности туроператора за действия турагента. Если туроператор полностью освобождается от последствий неполной оплаты, непредоставления информации о потребительских свойствах тура, сообщения недостоверных сведений либо несовершения турагентом действий по бронированию, это снижает заинтересованность туроператора в контроле за агентской сетью. В подобных условиях увеличивается вероятность недобросовестного поведения отдельных посредников, а негативные последствия таких действий могут быть переложены на туриста.

Практика заключения договоров о реализации туристских услуг показывает, что отдельные туристские организации включают в типовые формы условия, ограничивающие права потребителей. Такие положения не всегда очевидны для заказчика, поскольку воспринимаются им как стандартные договорные формулировки. Между тем

особого внимания требуют условия об одностороннем увеличении стоимости туристского продукта, замене отдельных услуг, изменении существенных характеристик поездки и иных корректировках, которые допустимы только при наличии согласия потребителя.

Проведенный анализ договоров о реализации туристского продукта, используемых тремя крупными российскими туроператорами, позволяет сделать вывод об их преимущественном соответствии обязательным требованиям действующего законодательства. Вместе с тем наличие в договоре большинства предусмотренных законом условий само по себе не гарантирует надлежащей защиты прав туриста. Отдельные формулировки, включаемые в типовые договоры, фактически могут ограничивать объем потребительских гарантий и перераспределять риски в пользу исполнителя.

Наиболее сбалансированным по содержанию представляется договор туроператора ANEX Tour. Несмотря на отсутствие отдельного раздела, регулирующего порядок разрешения споров, в нем отражена значительная часть обязательных положений и выявлено меньшее количество условий, способных ухудшить положение туриста. Это позволяет оценить данный договор как относительно более соответствующий требованиям законодательства по сравнению с иными проанализированными договорными моделями.

Одновременно во всех рассмотренных договорах обнаружен общий недостаток: отсутствует положение об обязанности исполнителя содействовать заказчику в получении страховых услуг, а также передавать необходимые для путешествия документы не позднее чем за 24 часа до его начала. Подобная практика свидетельствует о стремлении туроператоров ограничить собственное участие в обеспечении страховой защиты туриста и переложить на него обязанность по самостоятельному контролю за получением документов. Это, в свою очередь, снижает уровень правовой защищенности потребителя на стадии подготовки к поездке.

Более существенные нарушения были выявлены в отдельных условиях договоров, которые могут противоречить положениям Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Так, договор PEGAS Touristik предусматривает обязанность заказчика компенсировать фактически понесенные туроператором расходы в случае отказа консульства иностранного государства в выдаче визы. Кроме того, на туриста возлагается обязанность самостоятельно получать и изучать информацию о стране

временного пребывания. Спорным также является положение, согласно которому субъективное восприятие туристом качества туристского продукта не признается гарантированным показателем качества оказанных услуг. Такие условия способны сузить объем ответственности туроператора и ухудшить положение потребителя.

В договоре Tutu.ru также содержатся положения, вызывающие правовые сомнения. В частности, туроператор исключает свою ответственность за отмену либо изменение времени рейса, а при возникновении претензий к качеству перевозки предлагает туристу обращаться непосредственно к перевозчику. Наиболее проблемной является формулировка, приравнивающая неявку туриста на рейс по любым причинам к отказу от исполнения договора. Данное условие не учитывает возможные объективные обстоятельства, препятствующие явке, и чрезмерно расширяет основания для наступления неблагоприятных последствий для потребителя.

Несмотря на более высокий уровень соответствия договора ANEX Tour законодательным требованиям, в нем также присутствуют отдельные спорные положения. В частности, на туриста возлагается обязанность самостоятельно и заблаговременно запрашивать у туроператора необходимые документы. Такая конструкция ослабляет гарантии потребителя, поскольку своевременное предоставление документов, необходимых для совершения путешествия, должно рассматриваться как одна из существенных обязанностей исполнителя туристского продукта [3, с. 204].

Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»¹ определяет правовые требования к договору о реализации туристского продукта. Такой договор может заключаться непосредственно между туроператором и заказчиком либо, в предусмотренных случаях, между турагентом и клиентом. Его содержание должно соответствовать не только специальному законодательству о туристской деятельности, но и общим нормам гражданского права, а также положениям законодательства о защите прав потребителей². Это обусловлено

¹ Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

² Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

тем, что турист в данных отношениях выступает экономически и информационно более слабой стороной и нуждается в дополнительных гарантиях при защите своих прав.

Вместе с тем действующий порядок предъявления претензий в туристской сфере содержит определенные противоречия. Абз. 20 ст. 10 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» предусматривает направление претензии туроператору. При буквальном толковании данной нормы создается впечатление, что турист лишен возможности обращаться с требованиями к турагенту, несмотря на то что именно турагент во многих случаях непосредственно взаимодействует с клиентом, предоставляет информацию о туре, принимает документы и участвует в оформлении заявки. На данную проблему обращается внимание и в научной литературе [1, с. 118].

Однако системное толкование положений указанного закона позволяет сделать иной вывод. Ст. 9 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» предусматривает, что договор между туроператором и турагентом должен содержать условия об их взаимодействии при поступлении претензий от туристов. Наличие такого требования свидетельствует о том, что законодатель не исключает турагента из претензионного механизма, а, напротив, предполагает его участие в урегулировании требований потребителя.

Кроме того, ч. 4 ст. 9 рассматриваемого закона закрепляет совместную ответственность туроператора и турагента за достоверность информации о туристском продукте, распространяемой в рекламе. Положения данной статьи также позволяют сделать вывод о возможности предъявления требований к турагенту в тех случаях, когда нарушение связано с предоставлением неполной или недостоверной информации либо с ненадлежащим исполнением обязанностей, относящихся к сфере его участия в реализации туристского продукта. Следовательно, ответственность турагента не может быть полностью исключена из системы защиты прав туриста.

Особое значение имеет требование о включении в договор между туроператором и турагентом условий об их взаимной ответственности. Данное положение направлено на определение пределов обязанностей каждого профессионального участника туристского рынка. С учетом ст. 432 Гражданского кодекса Российской

Федерации¹ (далее — ГК РФ) отсутствие согласования существенных условий договора может повлечь вывод о его незаключенности. Поэтому туроператор и турагент должны заранее закреплять в договоре порядок распределения ответственности, в том числе правила взаимодействия при рассмотрении претензий туристов.

В то же время недостатки договора между туроператором и турагентом не должны ухудшать правовое положение потребителя. Турист не участвует во внутренних отношениях между профессиональными субъектами туристского рынка и не должен нести последствия их ненадлежащего договорного оформления. Для туроператора и турагента отсутствие четкого распределения ответственности может иметь значение при последующем разрешении вопроса о взаимных расчетах и возмещении убытков, но не должно препятствовать потребителю в реализации права на защиту.

В связи с этим представляется обоснованным закрепить за клиентом право предъявлять претензии как туроператору, так и турагенту, с которым он непосредственно заключил договор либо через которого приобрел туристский продукт. Такая модель соответствует фактическому характеру туристских правоотношений, поскольку именно турагент зачастую является первым и основным контактным лицом для клиента на стадии выбора тура, оплаты, оформления документов и последующего сопровождения заявки.

Если же туроператор и турагент не исполнили обязанность по надлежащему разграничению ответственности, негативные последствия такой неопределенности не должны перекладываться на туриста. В подобной ситуации допустимым является возложение ответственности перед потребителем на того участника туристских отношений, которому была предъявлена претензия, с последующим разрешением вопроса о распределении расходов между туроператором и турагентом в порядке регресса или иного внутреннего урегулирования.

Проведенный анализ законодательства, регулирующего претензионно-исковую защиту в сфере туристских услуг, свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования действующей правовой модели. В настоящее время механизм защиты прав тури-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ста не всегда является достаточно эффективным. Наиболее заметно данная проблема проявляется в ситуациях, когда договор фактически заключается при участии турагента, тогда как основная ответственность за исполнение туристского продукта возлагается на туроператора.

Одним из перспективных направлений развития законодательства является формирование единой концепции претензионно-исковой защиты прав туристов. В ее основу целесообразно положить правило, согласно которому клиент, то есть турист либо иной заказчик туристского продукта, вправе предъявлять претензии не только туроператору, но и турагенту, с которым он непосредственно заключил договор. Такой подход позволил бы упростить процедуру защиты нарушенных прав, повысить ее доступность для потребителя и устранить затруднения, возникающие при территориальной удаленности туроператора от туриста. При этом договор между туроператором и турагентом должен содержать четкое распределение их взаимной ответственности, поскольку именно такая регламентация обеспечивает правовую определенность и препятствует перекладыванию неблагоприятных последствий на потребителя [2, с. 87].

Совершенствование гражданско-правового положения участников туристского рынка предполагает реализацию нескольких взаимосвязанных мер. Прежде всего, необходимо закрепить обязанность турагента предоставлять клиенту полную информацию о туроператоре, сформировавшем конкретный туристский продукт. Такая информация должна включать сведения о включении туроператора в соответствующий реестр, номер реестровой записи, данные о финансовом обеспечении и иные сведения, позволяющие потребителю оценить надежность исполнителя. Причем предоставление этих данных должно осуществляться непосредственно при заключении договора, а не ограничиваться их размещением на сайте или в иных общедоступных источниках.

Вторым направлением является разработка единых стандартов договоров о реализации туристского продукта. Унификация договорных форм позволит исключить включение условий, ухудшающих положение туриста по сравнению с гарантиями, установленными законом. Кроме того, единые договорные стандарты способны снизить количество споров, возникающих из-за различного толкования порядка возврата денежных средств, изменения условий

поездки, ответственности сторон и объема информации, подлежащей предоставлению потребителю.

Третьим значимым направлением выступает уточнение порядка возврата денежных средств при наступлении обстоятельств непреодолимой силы. Пандемии, закрытие государственных границ, вооруженные конфликты и иные чрезвычайные события показали необходимость более сбалансированного механизма, который учитывал бы как право туриста на возврат уплаченных средств, так и объективные экономические ограничения профессиональных участников рынка. При этом базовое разграничение ответственности должно сохраняться: туроператор несет основную ответственность за исполнение обязательств, подтверждаемую финансовыми гарантиями, тогда как турагент выполняет посредническую функцию и отвечает только в пределах собственных действий и полномочий [6, с. 118].

Перенос ответственности туроператора на турагентов либо иных третьих лиц может повлечь неблагоприятные последствия для потребителей. Если туроператор освобождается от ответственности за сформированный им туристский продукт, снижается его заинтересованность в контроле за агентской сетью, перевозчиками, гостиницами и другими привлеченными исполнителями. В дальнейшем это способно обусловить необходимость усиления государственного надзора за турагентской деятельностью, что приведет к дополнительной административной и бюджетной нагрузке. Поэтому сохранение ответственности туроператора за туристский продукт следует рассматривать как важное условие защиты прав потребителей и устойчивости туристского рынка.

Вместе с тем требует внимания и вопрос о соразмерности ответственности исполнителей по договорам о реализации туристского продукта. В отдельных случаях объем санкций, применяемых на основании потребительского законодательства, может не соответствовать характеру допущенного нарушения. В качестве возможного решения может рассматриваться корректировка специальных правил о неустойке в туристской сфере, включая снижение ее размера либо установление предельного значения. На практике применение ст. 333 ГК РФ, позволяющей уменьшить неустойку, во многом зависит от усмотрения суда и не обладает достаточной нормативной определенностью. Это создает правовую неопределенность как для потребителей, так и для субъектов туристской деятельности.

Дополнительным направлением гармонизации отношений между туроператорами и турагентами может стать пересмотр самой модели реализации туристского продукта. В частности, в научной литературе предлагается ограничить возможность самостоятельной продажи туров туроператорами и предусмотреть их реализацию исключительно через турагентов, обладающих соответствующим статусом. Такая конструкция позволила бы туроператорам сосредоточиться на формировании туристского продукта, выборе исполнителей и контроле за качеством оказываемых услуг, тогда как турагенты выполняли бы специализированную функцию продвижения и продажи туров [5, с. 100].

Совершенствование правового регулирования туристской деятельности должно быть направлено на устранение неопределенности в статусе профессиональных участников рынка, повышение уровня защиты туристов и формирование более прозрачной системы взаимодействия между туроператорами и турагентами. Действующая модель регулирования не во всех случаях позволяет однозначно определить пределы ответственности каждого субъекта, что осложняет претензионную работу и снижает эффективность защиты прав потребителей.

Первостепенное значение имеет уточнение положений Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в части разграничения ответственности туроператора и турагента. Законодательство должно прямо определять, что туроператор, как субъект, формирующий туристский продукт, несет ответственность за его содержание, качество и исполнение обязательств перед туристом. Турагент, в свою очередь, должен отвечать в пределах своей посреднической функции: за достоверность предоставляемой информации, правильность оформления документов, прием заявки, передачу денежных средств и надлежащее взаимодействие с клиентом. Такое разграничение позволит снизить количество споров о том, к кому именно турист вправе предъявлять требования при нарушении договора.

Важным направлением модернизации является более четкая правовая регламентация деятельности туристских агентств. Возможным способом решения данной задачи может стать восстановление лицензирования турагентской деятельности либо введение специального публичного учета таких субъектов. Наиболее сбалансированным вариантом представляется создание Единого феде-

рального реестра туристических агентств. Наличие такого реестра позволило бы туроператорам упорядочить формирование агентских сетей, а туристам — получать достоверные сведения о правовом статусе, деловой репутации и финансовой устойчивости конкретного турагента.

Единый федеральный реестр туристических агентств мог бы выполнять не только учетную, но и превентивную функцию. Для потребителя он стал бы инструментом предварительной проверки надежности посредника до заключения договора. В реестре целесообразно отражать сведения о наличии нарушений, количестве обоснованных претензий, результатах их рассмотрения, а также подтвержденные данные о качестве обслуживания. Это позволило бы повысить информационную открытость туристского рынка и снизить вероятность обращения граждан к недобросовестным посредникам.

Отдельного внимания требует законодательное оформление отношений между туроператором и турагентом. Поскольку значительная часть туристских продуктов реализуется через агентскую сеть, правовая неопределенность в характере таких отношений напрямую влияет на положение туриста. В связи с этим необходимо закрепить не только основные права и обязанности сторон, но и определить договорную конструкцию, применяемую во взаимодействии туроператора и турагента. Установление конкретного вида договора позволило бы обеспечить единообразное распределение обязанностей, ответственности и рисков между профессиональными участниками рынка.

Вопрос финансовых гарантий в турагентской деятельности также требует взвешенного подхода. Введение обязательных банковских гарантий для всех турагентов не всегда способно обеспечить реальное повышение защищенности туристов. Напротив, такая мера может создать чрезмерную финансовую нагрузку для малых и средних предприятий, что приведет к сокращению числа добросовестных участников рынка без существенного улучшения положения потребителей. Поэтому расширение финансовых требований не должно рассматриваться как универсальный способ решения проблемы.

Более эффективным представляется комплексное уточнение правового статуса турагентов и туроператоров. В Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федера-

ции» необходимо детально закрепить их права, обязанности и пределы ответственности перед туристами и иными заказчиками. При этом регулирование должно исходить из функционального различия данных субъектов: туроператор создает туристский продукт, выбирает исполнителей и отвечает за его надлежащее исполнение, тогда как турагент обеспечивает продвижение, продажу и первичное взаимодействие с клиентом.

Литература

1. Блажина Д. И., Смоленский М. Б. Проблемы гражданско-правового регулирования договора об оказании туристических услуг // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2022. № 1(46). С. 118–123.

2. Кудряшова А. М. Особенности и перспективы претензионного порядка защиты прав заказчиков по договору возмездного оказания туристических услуг // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 8(89). С. 84–88.

3. Мнацканова Л. В., Мустафаев Р. Т. Анализ нарушений в договорах о реализации туристских услуг между туроператором и туристом // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. В поисках альтернативы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск: Изд-во ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2024. С. 199–204.

4. Прокопович Г. А. Основные направления совершенствования законодательства в сфере оказания туристских услуг // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 124–128.

5. Сергиенко С. Ю., Гриб В. Г. Гражданско-правовая ответственность туроператоров и турагентов: перспективы законодательных изменений // Юридические исследования. 2025. № 9. С. 91–106.

6. Тушин Н. И. Гражданско-правовое регулирование деятельности туроператоров и турагентов в Российской Федерации // Молодой исследователь 2026: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2026. С. 117–119.

TOUR OPERATOR LIABILITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Dorzhiiev Ochir Aldarovich

2st year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
dorzhievo4ir@yandex.ru

Baldaeva Rimma Alexandrovna

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Associate,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
brimma72@mail.ru

This article examines current issues of tour operator civil liability. It analyzes various models of tour operator liability developed in the Russian Federation. The article presents measures for the further development of tourism legislation, including a clear delineation of the responsibilities of tour operators and travel agents and the creation of a public register of travel agencies. The author notes that significant measures include standardizing contracts, increasing the transparency of tour operator information, and clarifying the refund procedure in the event of force majeure.

Keywords: civil liability, tourism, tourist services, tourist activities, tour operator, travel agent, tourist, contract for the sale of a tourist product, protection of tourists, claims procedure, compensation of expenses.

НАСЛЕДОВАНИЕ ПО ЗАКОНУ В РФ И СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

© Дроздова Юлия Александровна

студентка 3-го курса,
Забайкальский государственный университет
Российская Федерация, г. Чита
uliad3535@gmail.com

© Бянкина Анна Михайловна

старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет
Российская Федерация, г. Чита
eleon-84@mail.ru

Вопрос о распоряжении имуществом после гибели человека встает перед его семьей, близкими людьми на практике в большинстве случаев. Особенно остро эта тема звучит, если умерший не завещал своего имущества. В разных правовых системах ответ на этот вопрос противоположный. Данная работа посвящена сравнению того, как регулируется наследование по закону (то есть без завещания) в России и в некоторых странах Европейского союза. Интерес к этой теме сегодня не случаен: растет количество международных браков, люди все чаще переезжают жить в другие страны или приобретают имущество за границей. В таких ситуациях наследники сталкиваются с правовыми проблемами.

Первая часть работы посвящена российской модели наследования по закону. В РФ закон систематизировано делит всех эвентуальных наследников на восемь групп. Охватываются права пережившего супруга, такие понятия, как обязательная доля в наследстве и другие. Следующая часть статьи повествует о законодательстве стран Европейского союза, где подходы к наследованию по закону имеют свою уникальность.

Ключевые слова: наследование по закону, наследственные очереди, переживший супруг, обязательная доля, парантелла, Регламент ЕС № 650/2012, трансграничное наследование, международное частное право.

Институт наследования имеет уникальный статус в гражданском законодательстве, выступая ведущим элементом, который связывает экономику и семейные отношения. [2, с. 25]. Согласно ст. 1110

ГК РФ¹, наследование представляет собой универсальное правопреемство: имущество умершего переходит к другим лицам в неизменном виде как единое целое и единовременно. Если отсутствует завещание, то уже реализуются диспозитивные нормы действующего законодательства. Цель подлинного исследования — сравнительный анализ методов к наследованию по закону в РФ, Германии и Франции [1, с. 154; 2, с. 65].

В России наследование по закону применяется, если нет завещания или оно признано недействительным, а также существует вариант — когда наследники по завещанию отказываются от наследства [1, с. 3, 7]. Основопологающим юридическим фактом, влекущим наследственные правоотношения, выступает открытие наследства. Согласно ст. 1114 ГК РФ, днем реализации наследства считается момент смерти гражданина, а при объявлении его умершим — день вступления в законную силу решения суда. С этого момента идёт отсчёт шестимесячного срока, который предоставляется законом для принятия наследства. Российский законодатель выстроил четкую иерархию родства. Чем ближе кровная связь, тем выше значимость. В общей совокупности закон перечисляет 8 очередей. В первой очереди закреплены самые близкие лица: дети (это зачатые при жизни наследодателя и те, которые родились после его смерти), супруг, а также родители. Внуки и их преемники наследуют по праву представления, это означает, что они замещают своего умершего родителя, который мог бы являться наследником. Вторая и последующие очереди поочередно охватывают дальних родственников: полнородных — например которые являются кровными от одних родителей и неполнородных братьев и сестер, происходящие от разных родителей, а также дедушек и бабушек, входящих во вторую очередь; дядей и тетей, входящих в третью очередь и так далее, включая пасынков, падчериц, отчима и мачехи входящие в седьмую очередь. Особое значение имеют нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, т.к. они наследуют на таких же основаниях с наследниками той очереди, которая призывается, а если отсутствуют другие наследники, то нетрудоспособные иждивенцы образуют отдельную восьмую очередь [1, с. 207].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 26.11.2001 № 146-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

Правовой статус мужа или жены, переживших супруга, в наследственных правоотношениях имеет двойственный характер, т.к. одновременно регулируется нормами как семейного, так и наследственного права [1, с. 85]. Эта дихотомия заключается в том, что супруг выступает параллельно совладельцем имущества — вещные права, так и наследником — обязательственные отношения. Для уточнения объема имущества, переходящего к пережившему супругу, необходимо разграничивать следующие понятия: супружескую долю и наследственную массу. Согласно ст. 34 Семейного кодекса РФ¹, имущество, которое было нажито в период брака, является совместной собственностью супругов, их доли признаются равными независимо от того, на кого они были оформлены. В последствии смерти одного из супругов для начала осуществляется выдел супружеской доли, т.е. 50% совместно нажитого имущества переходит пережившему супругу как законному владельцу. Такая половина не входит в состав наследства, поскольку находится в его собственности в силу семейно-правовых отношений. Половина, которая осталась — доля умершего супруга, составляет наследственную массу, и как раз-таки она делится между наследниками по правилам гражданского законодательства. Согласно ст. 1142 ГК РФ, переживший супруг обязательно входит в первую очередь наследников вместе с детьми и родителями наследодателя. Исходя из этого, заключительный статус пережившего супруга складывается из двух элементов — 50% в совместном имуществе и той части наследства, которая пропорциональна количеству наследников первой очереди. Данный механизм обеспечивает стабильность интересов всех близких родственников умершего, обеспечивая супругу приоритетное, но не исключительное положение [2, с. 185].

В настоящем российском законодательстве имеет место тема, касаемая обязательной доли, обеспечивающая права социально подверженных групп наследников. Согласно п. 1 ст. 1149 ГК РФ, переживший супруг, принадлежащий к категории нетрудоспособных лиц (в частности достигший пенсионного возраста), правомочен на обязательную долю. В федеральном законе № 495-ФЗ от

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

25.12.2018¹ актуализированы переходные положения, конкретизирующие понятие нетрудоспособности применительно к лицам предпенсионного возраста. Объем обязательной доли включает не менее 50% той доли, которая соответственно причиталась бы такому супругу при наследовании по закону. Такая система является легальным ограничением свободы завещания, помогая обеспечить минимальную степень имущественной защиты пережившего супруга и при этом несмотря на волю наследодателя [1, с. 288]. Право на обязательную долю, составляющая не меньше 50% доли, которая принадлежала бы им при наследовании по закону, имеют несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, помимо них — его нетрудоспособные супруг, родители, а также нетрудоспособные иждивенцы. Такой правовой механизм ориентирован на реализацию принципа социальной справедливости, а также на защиту экономически уязвимых членов семьи [1, с. 188].

В ФРГ право наследования фиксируется в ст. 14 Основного закона как конституционная гарантия [4, с. 128]. Детальная регламентация содержится в Книге V ГГУ (пп. 1922–2385)². Трансграничные отношения регулируются Постановлением ЕС № 650/2012³, согласно данному нормативно-правовому акту, реализуемым правом является право государства обычного места жительства на момент смерти наследодателя. В связи с этим, германское законодательство действует на всех лиц, постоянно проживающих в ФРГ, необусловленно от их гражданства [4, с. 408]. Ключевая особенность — коллизия с российским правом в отношении недвижимости. В соответствии со ст. 1224 ГК РФ, наследование недвижимости подчиняется

¹ О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»: федер. закон [от 25.12.2018 № 495-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53 (часть 1). Ст. 8421.

² Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch) // Gesetze im Internet: официальный портал федерального законодательства Германии. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 23.02.2026).

³ Regulation (EU) № 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession // EUR Lex: [site]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX:32012R0650> (date of access: 23.02.2026).

праву страны ее нахождения. Германские суды признают другую точку зрения, что создает «расщепление» наследственного статута, т.е. движимое имущество наследуется по германскому праву, а недвижимое в РФ — по российскому, и наоборот. Граждане РФ имеют право выбрать в завещании российское право для того, чтобы урегулировать всё наследство, впрочем, это не меняет подсудности споров германским судам [2, с. 608].

Центральный элемент германского наследования по закону — система парантелл [2, с. 348]. Парантелла — представляет собой совокупность родственников, происходящих от общего предка и его нисходящих. Функционирует принцип приоритета, который означает, что наследники последующей парантеллы призываются если отсутствует один из родственников предыдущей парантеллы. Первая парантелла включает нисходящих наследодателя, например дети, внуки и т.д. В рамках группы действует принцип поглощения: живой ребенок исключает из наследования всех своих потомков. В случае, если ребенок умер до открытия наследства, его доля переходит не к иным детям умершего, а делится поровну между его родными детьми (внуками). Вторая парантелла образуется родителями умершего и их нисходящими. При условии, что оба родителя живы, они непосредственно наследуют в равных долях. Если один из родителей умер, тогда его доля перейдет к его нисходящим (братьям, сестрам наследодателя, затем племянникам). Третья, следующие парантеллы включают дедушек или бабушек, прадедушек или прабабушек. Требования разделения долей аналогичны. Границ количества парантелл нет, что даёт возможность наследовать даже отдалённым родственникам. Если таких родственников нет, тогда имущество переходит в собственность государству [2, с. 388]. Специфическая черта германского права — порядок ответственности наследственного бенефициара. По общему положению (п. 2058 ГГУ)¹, при большом количестве наследников образуется солидарная ответственность. Наследник отвечает не только наследственным, но и личным имуществом. Законодатель предусмотрел механизмы ограничения этой ответственности, позволяющие избежать уплаты долгов из собственных средств: 1) управление наследством или

¹ Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch) // Gesetze im Internet: официальный портал федерального законодательства Германии. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 23.02.2026).

конкурсное производство (пп. 1975–1990 ГГУ): по ходатайству наследника (в течение двух лет) устанавливается попечительство или открывается производство о несостоятельности. Ответственность ограничивается стоимостью наследства; 2) составление инвентарной описи (пп. 1993–2013 ГГУ): официальная опись позволяет разграничить ответственность и избежать неограниченных требований кредиторов; 3) при несогласии погашения долгов (пп. 2014–2015 ГГУ): наследник имеет право отказаться от удовлетворения требований кредиторов в течении первых трёх месяцев после принятия наследства.

Такие правила ограждают наследника от ситуации, когда долги превышают стоимость наследства, позволяя ограничить ответственность рамками унаследованного имущества [2, с. 548]. Французское право, в отличие от германского, не оперирует понятием парантеллы в чистом виде, хотя доктрина выделяет четыре основные категории (разряда) наследников [2, с. 558]. Однако, как и в Германии, здесь присутствует деление наследников на линии родства (нисходящая, восходящая по отцу, восходящая по матери, боковые линии), что сближает французскую модель с системой парантелл¹.

Ключевая особенность французского Гражданского кодекса (ФГК) — это комплексная регламентация правового статуса отдельных категорий лиц. В особенности, ст. 725 ФГК устанавливает, что правопреемником может быть лицо, «существующее в реальности на момент открытия наследства». Определение «существования» рассматривается обширнее, чем нахождение в живых, и тем самым даёт возможность предоставить наследственную правоспособность зачатым, но еще не родившимся детям. Система права представления осуществляется по нисходящей, боковой ступеням без запрета на другие степени, тем самым даруя право наследовать внукам долю своего умершего отца наравне с его живыми братьями [2, с. 601]. Анализ положений ФГК позволяет выделить несколько, а точнее пять ступеней правопреемников. Первую ступень составляют дети и другие нисходящие, во вторую входят родители, братья,

¹ Французский гражданский кодекс (Кодекс Наполеона; Code civil) // Légifrance: официальный портал французского законодательства. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070721/> (дата обращения: 23.02.2026).

сестры и их нисходящие, в третью — восходящие (дедушки, бабушки), четвертую составляет переживший супруг, и пятую — иные боковые родственники вплоть до шестой степени родства (например — троюродные братья, сестры).

Специфичным представляет собой правовой статус пережившего супруга. Его часть модифицируется зависимо от наличия иных групп наследников. При наличии детей супруг может сделать выбор между узурфруктом, т.е. правом пожизненного пользования на все имущество или правом распоряжения на 1/4 его часть. Если есть родители, но отсутствуют дети, то супруг получает в собственность половину наследства умершего супруга. При условии отсутствия детей, и родителей, супруг наследует все имущество полностью [2, с. 648]. Понятие «недостойных наследников» во Франции также имеет свою специфику: к таковым относятся лица, осужденные за убийство наследодателя или не донесшие о таком убийстве (за рядом исключений для близких родственников).

Наличие столь существенных различий в национальных режимах наследования стран-членов ЕС создавало значительные барьеры для свободного передвижения лиц и капиталов внутри Союза [3, с. 18]. Для решения этой проблемы был принят 4 июля 2012 г. Регламент ЕС № 650 Европарламентом и Советом Европейского союза, но регламент вступил в законную силу только 17 августа 2015 г.¹ Данный акт устанавливает унифицированные коллизионные правила, определяя, что право, которое применяется к реализации наследования в целом (включая как движимое, так и недвижимое имущество) — это право страны, где наследодатель имел обычное место жительства на момент смерти. Важнейшим нововведением стал способ: когда наследодатель имеет возможность выбрать право, применимое к его наследству, право страны своего гражданства, несмотря на то, что он там не проживает. Помимо этого регламент установил, что Европейское свидетельство о наследовании — единый документ, дающий право наследникам подтвердить своё пра-

¹ Regulation (EU) № 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession // EUR Lex: [site]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX:32012R0650> (date of access: 23.02.2026).

вовое положение и правомочность на территории всех государств-членов ЕС (за исключением некоторых государств) без дополнительных процедур легализации [3, с. 21].

Проведенный анализ демонстрирует, что, несмотря на общую цель — обеспечение перехода имущества умершего к его близким, — законодательства РФ, Германии и Франции реализуют эту цель через различные правовые механизмы. Россия использует классическую систему очередей с фиксированным кругом наследников. Германия применяет систему парантелл, теоретически допускающую наследование сколь угодно дальними родственниками. Франция занимает промежуточное положение, сочетая черты обеих систем и предоставляя пережившему супругу уникальный инструмент — право на узифрукт [2, с. 608]. Принятие Регламента ЕС № 650 стало важным шагом в унификации коллизионного регулирования, однако оно не отменяет национальных особенностей материального наследственного права [3, с. 28]. Для граждан РФ, владеющих имуществом за рубежом или имеющих иностранных наследников, пренебрежение этих различий может привести к серьезным правовым и финансовым последствиям, что определяет практическую важность правового сравнения и анализа в данной сфере.

Литература

1. Абраменков М. С., Сараев А. Г. Наследственное право: учебник для вузов / ответственный редактор В. А. Белов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 376 с. (Высшее образование).
2. Залесский В. В. Основные институты гражданского права зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. Москва: НОРМА, 2000. 648 с.
3. Право Европейского Союза: учебник для вузов / под редакцией А. Я. Капустина. Москва: Юрайт, 2013. 37 с.
4. Сафонов В. Е., Миряшева Е. В. Конституционное право зарубежных стран. Особенная часть: учебник для бакалавров. Москва: Юрайт, 2022. 422 с.

INHERITANCE BY LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION

Drozдова Yulia Alexanrovna

3rd year student,
Transbaikalsk State University
Russian Federation, Chita
uliad3535@gmail.com

Byankina Anna Mikhailovna

Senior lecturer,
Transbaikalsk State University
Russian Federation, Chita
eleon-84@mail.ru

The question of the disposal of property after the death of a person is faced by his family and close people in practice in most cases. This topic is especially acute if the deceased has not bequeathed his property. In different legal systems, the answer to this question is the opposite. This paper is devoted to comparing how inheritance is regulated by law (i.e. without a will) in Russia and in the countries of the European Union. The interest in this topic today is not accidental: the number of international marriages is growing, people are increasingly moving to live in other countries or acquiring property abroad. In such situations, heirs face legal problems.

The first part of the article is devoted to the Russian model of inheritance by law. In the Russian Federation, the law systematically divides all potential heirs into eight groups. It covers the rights of the surviving spouse, such concepts as the mandatory share in the inheritance, and others. The next part of the article discusses the legislation of the European Union, where the approaches to inheritance by law have their own unique features.

Keywords: inheritance by law, succession lines, surviving spouse, mandatory share, parantella, EU Regulation 650/2012, cross-border inheritance, international private law.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ Внесудебного банкротства ГРАЖДАН

© **Жалсабон Аягма Аладаровна**

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

ayagma.zhalsabon@mail.ru

Научный руководитель

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru.

Процедура внесудебного банкротства граждан, введенная в России с 2020 г., представлялась законодателем как доступный и социально ориентированный механизм освобождения от долгов для наиболее уязвимых слоев населения. Расширение критериев доступа в 2023 г. — увеличение порога задолженности с 50–500 тыс. до 25 тыс. — 1 млн рублей — должно было сделать процедуру еще более доступной. Однако формальные требования, прежде всего необходимость завершения исполнительного производства по причине отсутствия имущества, превращают упрощенный порядок в недостижимую цель для значительной части малоимущих граждан. Противоречие между декларируемой целью — помочь наиболее обездоленным — и механизмом реализации порождает ситуацию, когда граждане с минимальными доходами не могут воспользоваться правом на финансовое восстановление. В статье анализируется противоречивость законодательного регулирования внесудебного банкротства, исследуется правоприменительная практика за 2023–2025 гг. и предлагаются направления совершенствования института несостоятельности физических лиц в интересах социально незащищенных граждан.

Ключевые слова: банкротство граждан, внесудебное банкротство, финансовая несостоятельность, исполнительное производство, доступность правовой помощи, социальная справедливость, малоимущие граждане.

Ключевым условием внесудебного банкротства является завершение исполнительного производства на основании п. 4 ч. 1 ст. 46

Федерального закона «Об исполнительном производстве» — возвращение исполнительного документа взыскателю по причине невозможности установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в банках или иных кредитных организациях¹.

Казалось бы, логичное требование. Однако правоприменительная практика судебных приставов выявляет парадоксальную ситуацию: наличие у гражданина любого, даже минимального стабильного дохода — пенсии, социального пособия, заработной платы — препятствует закрытию исполнительного производства. Пристав обязан продолжать удержания в размере до 50% от ежемесячных поступлений. Формально исполнительное производство не может быть прекращено, пока сохраняется возможность взыскания, пусть и в мизерных объемах [4, с. 95].

Исследование, проведенное в 2024 г. Центром банкротного права, показало: более 60% отказов МФЦ в принятии заявлений о внесудебном банкротстве связаны именно с отсутствием завершеного исполнительного производства. Причина — наличие у граждан мизерного, но регулярного дохода: пенсии в 15–18 тыс. рублей, пособия по инвалидности. Формально пристав не имеет права закрывать производство, пока сохраняется источник взысканий, пусть и символических.

Получается порочный круг. Пенсионер с долгом в 200 тыс. рублей и ежемесячным доходом в 16 тыс. не может обратиться за внесудебным банкротством, поскольку пристав ежемесячно удерживает с пенсии 8 тыс., перечисляя их кредиторам. Теоретически через 25 месяцев долг будет погашен. Практика иная: начисляются пени, штрафы, неустойки, долг растет быстрее, чем погашается. При этом гражданин вынужден существовать на 8 тыс. рублей в месяц — сумму ниже прожиточного минимума. И освободиться от долгового бремени через внесудебное банкротство он не вправе, поскольку формально «имеет доход».

Попытка законодателя исправить ситуацию в 2023 г. оказалась половинчатой. Пенсионерам и получателям социальных пособий

¹Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ: принят Государственной думой 27 сент. 2002 г.; одобрен Советом Федерации 16 окт. 2002 г. (ред. от 29.12.2025). О несостоятельности (банкротстве)

разрешили инициировать внесудебное банкротство через год после возбуждения исполнительного производства, даже если оно не завершено. Но это право действует лишь в отношении доходов, защищенных исполнительским иммунитетом — то есть не подлежащих взысканию. Согласно ст. 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве», сохраняется на счетах ежемесячный доход в размере прожиточного минимума, введенный с 1 февраля 2022 г.¹ Однако пенсия, превышающая этот минимум, по-прежнему подлежит частичному взысканию, а значит, исполнительское производство продолжается, исключая право на внесудебное банкротство.

Внесудебное банкротство оказывается востребованным именно в регионах с высокой долей малоимущих. Парадокс заключается в том, что процедура, призванная помочь наименее защищенным, требует отсутствия имущества и доходов — то есть фактической нищеты. Гражданин должен быть настолько беден, чтобы у приставов не осталось возможности что-либо взыскать. Только тогда исполнительное производство закроют, и только тогда откроется доступ к внесудебному банкротству [8, с. 221].

Получается, что социальная функция процедуры реализуется выборочно — для тех, кто находится на самом дне финансовой пропасти, но при этом не имеет даже минимального регулярного дохода. Работающие бедные, пенсионеры с пенсией чуть выше прожиточного минимума, инвалиды с пособием — все они выпадают из сферы действия упрощенного механизма, оставаясь в долговой яме без возможности легального выхода.

Логично предположить, что граждане, не прошедшие через сито формальных требований внесудебного банкротства, могут обратиться к судебной процедуре. Статистика, впрочем, говорит об обратном.² Причина понятна: судебное банкротство требует значительных финансовых затрат. Вознаграждение финансовому управляющему составляет 25 тыс. рублей единовременно плюс 7% от средств, вырученных от реализации имущества должника. Госпошлина за подачу заявления о банкротстве — 300 рублей, но реаль-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и ст. 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ.

² С начала 2024 г. количество банкротств граждан и компаний выросло на 20% // Коммерсантъ. 2024. 15 окт.

ные расходы на юридическое сопровождение процедуры достигают 50–80 тыс. рублей.

Для гражданина, не имеющего ни имущества, ни сбережений, судебное банкротство становится недостижимым. Где пенсионеру с доходом в 16 тыс. рублей взять 25 тыс. на оплату управляющему? Формально ст. 213.4 Закона о банкротстве предусматривает возможность освобождения от уплаты вознаграждения, если у гражданина нет средств. Но тогда процедура не начнется вовсе — ни один арбитражный управляющий не станет работать бесплатно.

Получается двойная ловушка. Внесудебное банкротство недоступно из-за формальных препятствий — незавершенного исполнительного производства. Судебное банкротство недоступно из-за финансовых барьеров — отсутствия средств на оплату процедуры. Гражданин оказывается в правовом вакууме: долги растут, кредиторы требуют, приставы удерживают последнее, но освободиться от долгового бремени законным путем невозможно.

Процедура внесудебного банкротства, несмотря на декларируемую простоту, содержит ряд процессуальных ловушек, затрудняющих ее использование. Гражданин обязан самостоятельно составить список всех кредиторов и указать размер задолженности перед каждым. Если должник забудет хотя бы одного кредитора или укажет заниженную сумму долга, по итогам процедуры он не освободится от этих обязательств.

Для малоимущего гражданина, не обладающего юридическими познаниями, это серьезный риск. Кредиторы — банки, микрофинансовые организации, коллекторские агентства — могут многократно перепродавать долги, менять реквизиты, предъявлять требования через подставных лиц. Отследить всех кредиторов самостоятельно крайне сложно. Ошибка в списке кредиторов приводит к тому, что после завершения внесудебного банкротства незадекларированный долг остается висеть на гражданине, сводя на нет всю процедуру.

Закон не предусматривает обязательного уведомления кредиторов о возбуждении внесудебного банкротства. Информация размещается в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, и кредиторы обязаны самостоятельно мониторить публикации. Для физического лица — гражданина, предоставившего, к примеру, беспроцентный заем родственнику — такое требование выглядит абсурдным. Он не профессиональный участник рынка, у него нет

инструментов для постоянного отслеживания реестров. В результате кредитор узнает о банкротстве должника постфактум, когда процедура завершена и долги списаны.

Проблема усугубляется отсутствием механизма пересмотра решений МФЦ при выявлении злоупотреблений. В судебной процедуре банкротства финансовый управляющий проверяет достоверность сведений, предоставленных должником, оспаривает подозрительные сделки, выявляет скрытое имущество. Во внесудебной процедуре такой контроль отсутствует. МФЦ — административный орган, не обладающий полномочиями по проверке добросовестности должника. Формальное соответствие документов требованиям закона влечет автоматическое возбуждение процедуры.

Возникает риск злоупотреблений: недобросовестный должник может скрыть часть имущества, не указать отдельных кредиторов, фиктивно оформить завершение исполнительного производства. После завершения шестимесячной процедуры долги спишутся, а выявить нарушения будет затруднительно. Законодательство не содержит норм о возможности отмены завершенного внесудебного банкротства при обнаружении обмана. Для сравнения: в судебном банкротстве предусмотрена процедура пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Опыт зарубежных стран демонстрирует альтернативные подходы к обеспечению доступности процедур несостоятельности для малоимущих граждан. Принципиальное отличие от российской модели: новозеландский должник не обязан доказывать отсутствие дохода. Критерий один — отсутствие ликвидного имущества. Если у гражданина есть зарплата или пенсия, но нет активов, которые можно реализовать, процедура доступна. Государство исходит из презумпции добросовестности должника, а бремя доказывания обратного лежит на кредиторах.

В Германии действует модель *Restschuldbefreiung* — освобождение от остатка долгов. Гражданин-банкрот в течение трех лет перечисляет кредиторам часть своих доходов, превышающих прожиточный минимум. По истечении этого срока, независимо от степени погашения долга, он освобождается от оставшихся обязательств. Процедура платная, но для малоимущих предусмотрена государственная субсидия, покрывающая расходы на управляющего.

Сопоставление зарубежных моделей с российской процедурой внесудебного банкротства обнаруживает фундаментальное разли-

чие в философии регулирования. Новая Зеландия и Германия исходят из идеи реабилитации должника, предоставления ему возможности финансового перезапуска. Россия — из идеи защиты интересов кредиторов и предотвращения злоупотреблений. Результат: механизм, который должен был стать инструментом социальной помощи, превратился в формальный барьер, непреодолимый для большинства нуждающихся [1, с. 98].

Устранение противоречий в правовом регулировании внесудебного банкротства требует комплексного подхода. Первоочередная мера — отказ от требования о завершении исполнительного производства как обязательного условия доступа к процедуре. Вместо этого следует установить критерий неплатежеспособности: если гражданин объективно не может погасить долги в разумный срок, учитывая размер дохода и прожиточный минимум, он должен иметь право на внесудебное банкротство, независимо от статуса исполнительного производства.¹

Конкретный механизм мог бы выглядеть следующим образом. МФЦ запрашивает у ФССП данные о доходах должника за последние 12 месяцев и о размере задолженности. Если среднемесячный доход, за вычетом прожиточного минимума, не позволяет погасить долг в течение трех лет, процедура внесудебного банкротства возбуждается автоматически. Пример: гражданин имеет доход 18 тыс. рублей, прожиточный минимум — 14 тыс. Остаток — 4 тыс. в месяц, 48 тыс. в год, 144 тыс. за три года. Если долг превышает 150 тыс. рублей, гражданин признается объективно неплатежеспособным и получает доступ к банкротству.

Второе направление реформы — введение автоматизированного формирования списка кредиторов. МФЦ должен через систему межведомственного электронного взаимодействия запрашивать информацию у банков, МФО, налоговой службы, судебных приставов. Формируется единый реестр задолженности гражданина, который он только подтверждает, а не составляет самостоятельно. Это исключит риск незадекларированных долгов и снимет с должника непосильное бремя самостоятельного поиска всех кредиторов.²

¹ Основные изменения в законодательстве о банкротстве в 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Граждане РФ в пять раз чаще стали использовать внесудебное банкротство для списания долгов // Интерфакс. 2024. 12 июля.

Третья мера — введение обязательного направления уведомления кредиторам о возбуждении внесудебного банкротства. МФЦ, получив сведения о кредиторах из межведомственных систем, обязан направить каждому заказное письмо с уведомлением о вручении либо электронное сообщение через систему «Госуслуги», если кредитор — физическое лицо. Срок на предъявление возражений — 30 дней с момента получения уведомления. Это обеспечит баланс интересов: должник получит доступ к процедуре, но кредиторы — реальную возможность защитить свои права.

Четвертое направление — введение механизма контроля добросовестности должника и возможности пересмотра завершенной процедуры. Если в течение трех лет после списания долгов выявляется, что гражданин скрыл имущество или доходы, обманул МФЦ, процедура признается недействительной, а долги восстанавливаются. Одновременно предусматривается административная и уголовная ответственность за предоставление заведомо ложных сведений в ходе внесудебного банкротства.

Пятое предложение — расширение оснований для внесудебного банкротства. Помимо граждан с завершенным исполнительным производством, процедура должна быть доступна инвалидам I и II группы, пенсионерам старше 70 лет, многодетным семьям, гражданам, осуществляющим уход за нетрудоспособными родственниками. Для этих категорий устанавливается презумпция неплатежеспособности: если долг превышает годовой доход, гражданин автоматически получает право на внесудебное банкротство [10, с. 69].

Наконец, критически важно изменение порядка финансирования судебных процедур банкротства для малоимущих. Следует ввести механизм государственной субсидии на оплату вознаграждения финансовому управляющему для граждан, чей доход не превышает двух прожиточных минимумов, а имущество — стоимости единственного жилья. Государство авансирует управляющему 25 тыс. рублей, а если в ходе процедуры будет выявлено имущество должника, эти средства возвращаются в бюджет из конкурсной массы. Если имущества нет, государство несет расходы, реализуя социальную функцию института банкротства.

Институт внесудебного банкротства граждан в России переживает период становления. Законодатель предпринимает попытки расширить доступность процедуры, увеличивая диапазон задолженности и упрощая формальные требования. Однако сохранение

ключевого барьера — необходимости завершения исполнительного производства — превращает декларируемую социальную направленность в фикцию.¹

Граждане с минимальным доходом, именно те, кому внесудебное банкротство жизненно необходимо, не могут им воспользоваться. Наличие пенсии или зарплаты, пусть и на уровне прожиточного минимума, исключает возможность прекращения исполнительного производства, а значит, и доступ к упрощенной процедуре. Судебное банкротство для них недостижимо из-за финансовых барьеров. Возникает правовой тупик, когда законодательство формально предоставляет право на освобождение от долгов, но механизм реализации этого права сконструирован так, что им могут воспользоваться лишь единицы.

Опыт зарубежных стран демонстрирует возможность иного подхода, основанного на презумпции добросовестности должника и приоритете социальной реабилитации над интересами кредиторов. Имплементация элементов таких моделей в российское законодательство могла бы превратить внесудебное банкротство из формального института в реально работающий механизм социальной защиты.

Предложенные направления реформирования — отказ от требования завершения исполнительного производства, автоматизация формирования списка кредиторов, обязательное уведомление заинтересованных лиц, введение контроля добросовестности и механизма пересмотра, расширение оснований доступа для социально уязвимых категорий, государственное финансирование судебных процедур для малоимущих — могут вернуть институту банкротства его изначальную социальную функцию. Тогда право на финансовое восстановление перестанет быть привилегией тех, кто уже ничего не имеет, и станет реальным инструментом помощи всем добросовестным должникам, оказавшимся в долговой яме.

Литература

1. Балалаева Ю. С. Упрощенная процедура банкротства физических лиц как инновация в производстве по делам о несостоятельности: SWOT-анализ // Право и государство: теория и практика. 2021.

¹ Банкротства в России: январь–сентябрь 2024 г. Статистический релиз Федресурса.

№ 6. С. 95–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uproschennaya-protsedura-bankrotstva-fizicheskikh-lits-kak-innovatsiya-v-proizvodstve-po-delam-o-nesostoyatelnosti-swot-analiz> (дата обращения: 19.04.2026).

2. Кесян Р. Х. Внесудебное банкротство граждан: анализ правоприменительной практики и проблемы реализации механизма // Вестник науки. 2026. Т. 4, № 2. С. 91–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnesudebnoe-bankrotstvo-grazhdan-analiz-pravoprimenitelnoy-praktiki-i-problemy-realizatsii-mehanizma> (дата обращения: 19.04.2026).

3. Плашиннов А. С. Внесудебное банкротство физических лиц. Решение возникшей проблемы или бесперспективная инициатива законодателя? // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 11. С. 220–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnesudebnoe-bankrotstvo-fizicheskikh-lits-reshenie-voznikshey-problemy-ili-besperspektivnaya-initsiativa-zakonodatelya> (дата обращения: 19.04.2026).

4. Юхнин А. В. Банкротство граждан: первые итоги новой внесудебной процедуры и перспективы развития института // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 6. С. 66–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-grazhdan-pervye-itogi-novoy-vnesudebnoy-protsedury-i-perspektivy-razvitiya-instituta> (дата обращения: 19.04.2026).

SELECTED ISSUES OF OUT-OF- COURT BANKRUPTCY OF CITIZENS

Zhalsabon Ayagma Aldarovna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

ayagma.zhalsabon@mail.ru

Naletova Marina Mikhailovna

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

marina.naletova.68@yandex.ru

The out-of-court bankruptcy procedure for citizens, introduced in Russia in 2020, was presented by the legislator as an accessible and socially oriented mechanism for debt relief for the most vulnerable segments of the population. The expansion of access criteria in 2023 — increasing the debt threshold from 50-500 thousand to 25 thousand - 1 million rubles — was supposed to make the procedure even more accessible. However, formal requirements, primarily the need to complete enforcement proceedings due to the absence of property, turn the simplified procedure into an unattainable goal for a significant part of low-income citizens. The contradiction between the declared goal — to help the most destitute — and the implementation mechanism creates a situation where citizens with minimal income cannot exercise the right to financial recovery. The article analyzes the contradictory nature of the legislative regulation of out-of-court bankruptcy, examines law enforcement practice for 2023-2025 and suggests directions for improving the institution of insolvency of individuals in the interests of socially unprotected citizens.

Keywords: bankruptcy of citizens, out-of-court bankruptcy, financial insolvency, enforcement proceedings, accessibility of legal aid, social justice, low-income citizens

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСТЕВЫХ ДОМОВ

© **Казанцева Диана Сергеевна**

магистрант 2-го года обучения,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

Diana.19.15@mail.ru

© **Балдаева Римма Александровна**

доцент кафедры гражданского права и процесса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

Brimma72@mail.ru

Статья посвящена некоторым правовым проблемам, возникающим по размещению туристов и иных отдыхающих в гостевых домах. Для решения одного из наболевших вопросов, связанных с пробелами в законодательстве «нелегального бизнеса», был принят Федеральный закон № 127-ФЗ от 07.06.2025 «О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов». Авторы обсуждают также проблему с гражданско-правовой точки зрения, а именно: какой договор необходимо заключать при предоставлении гостевого дома: договор оказания услуг или договор найма.

Ключевые слова: гостевые дома, договор услуг, договор найма, закон, Положение, эксперимент, классификация.

Многие страны мира с развитой и развивающейся экономикой большую часть прибыли получают от туристской деятельности. В настоящее время в Российской Федерации стремительно развивается данная отрасль, особенно это касается внутреннего туризма, но до сих пор остается немало нерешенных проблем с законодательной точки зрения, к их числу также относится вопрос размещения туристов и иных отдыхающих.

Вопросы размещения регулируются Федеральным законом от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»¹. Так, во исполнении ст. 5.1. было принято

¹ Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (ред. от 01.03.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 декабря 1996 г. № 49. Ст. 5491.

Постановление Правительства от 27 декабря 2024 г. № 1951 «Об утверждении Положения о классификации средств размещения»¹. Согласно данному положению в средства размещения входят следующие типы: гостиницы; санатории; базы отдыха; кемпинги. Как видим, перечень закрытый. Проблемным остается вопрос о размещении отдыхающих в гостевых домах, услугами которых пользуются огромный пласт граждан, проводящих свой отдых в привлекательных туристских регионах.

Для решения данной проблемы и «легализации» гостевых домов был принят Федеральный закон № 127-ФЗ от 07.06.2025 «О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов»² (далее по тексту — Закон об эксперименте), который дал определение термину «гостевой дом», требования к нему, классификацию, осуществлению государственного контроля и надзора. Пока данный эксперимент планируется провести до 31 декабря 2027 г. и считаем, что он не решает огромное количество вопросов и коллизий. Полностью соглашаемся с мнением Э. Т. Майборода: «Новый ФЗ-127 легализует деятельность, но не правовой статус самого объекта недвижимости. Это порождает три ключевых неразрешенных противоречия. 1. Проблема вида разрешенного использования (ВРИ) и фискальный парадокс. Это центральная проблема. 2. Инфраструктурный коллапс территориальных зон. Необходима интеграция с правилами землепользования и застройки...» [1, с. 43]

Большинство вопросов носят административный (публичный) характер. С гражданско-правовой точки зрения у нас вызывает вопрос по поводу договора, регулирующего отношения между собственником и отдыхающим. Это договор возмездного оказания услуг или найм жилого помещения?

Для решения этого вопроса необходимо разобраться являются ли услуги гостевых домов предпринимательской деятельностью и есть ли отличия от услуг иных средств размещения.

¹ Постановление правительства Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. № 1951 «Об утверждении Положения о классификации средств размещения» (ред. от 01.03.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 1. Ст. 18.

² Федеральный закон от 7 июня 2025 г. № 127-ФЗ «О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов» (ред. от) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 23. Ст. 2986.

1. По общему правилу субъектами предпринимательской деятельности являются юридические лица, физические лица, зарегистрированные как индивидуальный предприниматель, и данные субъекты должны получать систематическую прибыль. Также ст. 23 ГК РФ устанавливает, что в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности Закон о НПД предусматривает осуществление гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве ИП¹. И так как доходы от оказания услуг попадают под перечень объектов налогообложения по НПД, для оказания услуг гостевого дома физическое лицо может зарегистрироваться и как индивидуальный предприниматель, и оформить самозанятость².

Теперь возникает вопрос по поводу физических лиц, предоставляющих услуги гостевых домов, осуществляют ли они предпринимательскую деятельность? Ранее физическое лицо не рассматривалось как субъект предпринимательской деятельности. В соответствии с п. 1 ст. 426 ГК РФ гостиничное обслуживание должно носить характер публичного договора. В его описании перечисляется предпринимательская деятельность и приносящая доход деятельность. Публичным договор о предоставлении гостиничных услуг признают и постановление правительства РФ от 27 ноября 2025 г. № 1912 «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг и услуг иных средств размещения в Российской Федерации»³. Без сомнений услуги гостевых домов аналогичны гостиничному обслуживанию, потому и можно сделать вывод, что собственники гостевых домов, обеспечивающих временное жилье гостям, осуществляют предпринимательскую деятельность.

2. Специалист Горячей линии информационно-правовой поддержки Гарант Римма Петрученя при ответе на вопрос о возможно-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994 г. № 32. Ст. 3301

² Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» (ред. от 01.01.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2018 г. № 49 (часть 1). Ст. 7494

³ Постановление правительства Российской Федерации от 27 ноября 2025 г. № 1912 «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг и услуг иных средств размещения в Российской Федерации».

сти функционирования нескольких гостевых домов у одного собственника, затронула и вопрос по договору, определив, что предоставление жилого дома осуществляется по договору краткосрочного договора найма [2].

Как справедливо отмечает Н. М. Рыбина, исходя из определения договора найма жилого помещения в ст. 671 ГК РФ, жилое помещение передаётся исключительно для проживания [3, с. 74]. И согласно Федеральному закону № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» проживание по договору найма считается местом жительства для постоянного или преимущественного проживания, тогда как размещение в гостинице носит временный характер и называется местом пребывания¹.

В гостевом доме предполагается временное размещение, как и в гостинице и иных средствах размещения, но сфера гостеприимства формируется не только из обеспечения жилья, а в большей мере из оказания услуг. Путешественники при бронировании средств размещения изучают качество сервиса.

По Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 17.06.2025 № 81-КГ25-2-К8 предоставление жилого помещения в пользование на срок не является оказанием гостиничных услуг [4].

Законодатель установил как временный характер размещения, так и спектр услуг в гостевом доме. Так, Закон об эксперименте определяет услуги гостевого дома как услуги по предоставлению мест для временного проживания. А Положение о классификации гостевых домов в свою очередь устанавливает перечень услуг, а именно встречу гостя, уборку комнат, смену постельного белья².

Перечень основных услуг всех типов средств размещения, согласно ГОСТ Р 72261-2025 как раз являются: приём и размещение, предоставление оборудованного помещения, уборка, смена белья,

¹ Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 01.05.2026 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 12 августа 1993 г. № 32. Ст. 1227.

² Постановление правительства Российской Федерации от 30 августа 2025 г. № 1345 «Об утверждении Положения о классификации гостевых домов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 36. Ст. 5337.

вызов скорой помощи и хранение багажа¹. Так что отличием гостевого дома от иных типов можно считать ограниченный состав услуг и размещение в жилом доме.

Можем заключить, что для оказания указанного нами вида услуг должен заключаться договор возмездного оказания услуг схожий с договором о предоставлении услуг средств размещения, а не договор найма жилого помещения.

Литература

1. Майборода Э. Т. Правовой статус гостевого дома // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2025. № 2(67). С. 41-45.

2. Петрученя Р. В собственности ИП имеется несколько жилых домиков, используемых как средство размещения для отдыха людей. К понятию глэмпинг данные домики не подходят, так как они имеют назначение «Жилые», как гостевой дом домики не могут быть классифицированы, так как можно заявить только об одном гостевом доме, а не о нескольких. В каком качестве могут функционировать данные домики? // Правовая поддержка компании «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru>

3. Рыбина Н. М. О соотношении договора найма жилого помещения и договора оказания гостиничных услуг // Российское правосудие. 2023. № 9. С. 70–76. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54474412>

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 17 июня 2025 г. № 81-КГ25-2-К8. URL: https://www.klerk.ru/doc/658662/?srsltid=AfmBOoo84HgaWJB9st1i0YRGxe_96iS-H4jfb6FZaC9Iiv4InqHeyjeB

¹ ГОСТ Р 72261-2025 Туризм и сопутствующие услуги. Средства размещения. Общие требования: дата введения 2026-06-01. Москва: РСТ, 2025.

LEGAL STATUS OF THE GUEST HOUSE

Kazantseva Diana Sergeevna

2nd year master's student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

Diana.19.15@mail.ru

Baldaeva Rimma Alexandrovna

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

Candidate of Biological Sciences,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

Brimma72@mail.ru

The article is devoted to some legal problems that arise when accommodating tourists and vacationers in guest houses. To address one of the pressing issues related to gaps in the legislation of «illegal business» Federal Law No. 127-FZ of June 7, 2025 «On Conducting an Experiment on Providing Guest House Services» was adopted. The authors also discuss the issue from a civil law perspective, specifically, which type of contract should be used when providing a guest house: a service contract or a lease agreement?

Keywords: guest houses, service contract, lease agreement, law, Regulation, experiment, classification.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСКА КАК ГАРАНТИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

© **Калашник Фёдор Алексеевич**

аспирант Института права,
Владивостокский государственный университет
Российская Федерация, г. Владивосток
Kalashnik.fa@mail.ru

Научный руководитель

Русакова Екатерина Петровна

профессор, доктор юридических наук,
Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, г. Москва
rusakova-ep@rudn.ru

Статья посвящена анализу роли предварительных обеспечительных мер как гарантии достижения целей правосудия в российском арбитражном процессе. Предварительные обеспечительные меры рассматриваются как эффективный инструмент оперативной защиты имущественных интересов участников хозяйственного оборота и преодоления невозможности исполнения будущего судебного акта, возникающей вследствие недобросовестных действий потенциального должника. В работе подчеркивается, что неисполнение судебных решений не только нарушает права конкретного взыскателя, но и неизбежно умаляет авторитет судебной власти в целом, создавая у участников оборота ощущение фиктивности судебной защиты. Напротив, наличие действенных механизмов гарантирования будущего исполнения, к числу которых относится институт предварительного обеспечения, укрепляет доверие к суду и подтверждает реальную силу правосудия. Автор приходит к выводу, что, хотя предварительное обеспечение не способно создать имущество у заведомо несостоятельного должника, но в случаях наличия активов оно выступает действенным процессуальным механизмом, превращающим формальное судебное решение в реально исполнимый акт правосудия и предупреждающим причинение невосполнимого ущерба заявителю.

Ключевые слова: предварительные обеспечительные меры, арбитражный процесс, принципы права, правосудие, исполнение судебных актов, судебная защита, исполнительное производство, процессуальные гарантии, злоупотребление правом, эффективность судопроизводства.

Правосудие является одной из основополагающих составляющих правового государства. Данный постулат находит свое отражение в международных правовых актах — например, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г., которые выступают основными ориентирами для формирования национального законодательства [6].

Так, вышеописанное положение закреплено в ст. 46 Конституции Российской Федерации [7], а раскрывается в процессуальном законодательстве — в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — АПК РФ) [2].

Необходимость достижения правосудия как цели арбитражного процесса выводится из системного толкования положений ст. 1, 2, 4, 16 и 182 АПК РФ.

Доступ же к правосудию осуществляется посредством обращения за защитой в судебные органы (ст. 118 Конституции Российской Федерации).

В. К. Пучинский рассматривал «право на иск» не как формальную возможность обратиться в суд, а как гарантированную государством возможность получить реальную защиту и добиться фактического исполнения судебного акта [14, с. 86].

Он подчеркивал, что процессуальные институты должны работать на то, чтобы судебное решение не оставалось лишь декларацией на бумаге [15, с. 50]. Именно в этом контексте мы и должны рассматривать право на доступ к правосудию.

Аналогичной позиции придерживается Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 05.02.2007 № 2-П, согласно которому общеправовой принцип правовой определенности предопределяет стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений, которая выражается в возможности реализовать предписания, содержащиеся в решении суда, в том числе в принудительном порядке помимо воли обязанного субъекта [12].

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14.02.2002 № 4-П указано, что вступившее в законную силу судебное решение должно быть исполнено, — в противном случае искажается сама суть правосудия, не достигается цель защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов, что несовместимо с конституционным принципом справедливого правосудия и полной судебной защиты, отрицательно сказывается на авторитете судебной

власти и порождает сомнения в эффективности правовых средств защиты [13].

В актуальной судебной практике также прослеживается непосредственная корреляции между правосудием и исполнимостью судебных актов.

Под исполнимостью судебного акта понимается состояние, при котором на стороне должника имеется фактическая возможность осуществить предписанное, а на стороне взыскателя — реально получить присужденное. (определение Арбитражного суда Ярославской области от 26.01.2026 по делу № А82-22695/2019 [11], определение Арбитражного суда Саратовской области от 12.01.2026 по делу № А57-26947/2024 [9], определение Арбитражного суда Тамбовской области от 10.12.2025 по делу № А64-8070/2023 [10]).

Таким образом, правосудие достигается через право на иск в материальном смысле, то есть право на его удовлетворение, и реализуется исключительно в случае наличия возможности получения причитающегося в натуре.

Судебный акт может быть исполнен должником добровольно (ст. 318 АПК РФ), а в случае отсутствия его воли — в принудительном порядке по правилам, установленным Федеральным законом «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ [8].

Ученые, специализирующиеся на проблемах принудительного исполнения, констатируют, что принудительное изъятие чужого имущества на основе судебных решений восстанавливает нарушенные права сторон и устанавливает верховенство закона в современном обществе [1, с. 159].

Однако достижение этой цели напрямую зависит от наличия у взыскателя возможности своевременно «зарезервировать» имущественное положение должника, что и обеспечивается институтами предварительного и обычного обеспечения иска.

Вместе с тем, в последнее время сложилась неблагоприятная тенденция невозможности исполнения судебных актов в принудительном порядке.

Согласно ведомственной статистической отчетности Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации за 2017 г. из общего размера денежных требований в чуть более чем 3 млрд рублей, подлежащих взысканию по исполнительным документам, выданным арбитражными судами, взыскано было лишь 1,4 млрд, то есть 45,87% [3].

В 2018 г. — 46,96% — 1,5 млрд рублей из 3,2 млрд рублей, подлежащих взысканию, а в 2019 г. — из 3,8 млрд лишь 1,7 миллиарда было взыскано, то есть примерно 43,85%.

Отследить тенденцию на более длительной дистанции применительно к современному этапу не представляется возможным, поскольку информация в отчетности Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, начиная с 2020 г., стала публиковаться в ином формате.

При этом, нельзя бесспорно утверждать, что данная статистика является следствием ненадлежащей деятельности судебных приставов-исполнителей, поскольку бывают случаи, когда должник в принципе не имеет имущества и/или иных активов, с которым бы мог поработать судебный пристав-исполнитель (решение Арбитражного суда города Москвы от 21.01.2026 по делу № А40-317455/2025 [16], решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 18.12.2025 по делу № А81-10494/2025 [18], решение Арбитражного суда Ростовской области от 26.11.2025 по делу № А53-26223/2025 [17]).

В любом случае, из представленной информации можно сделать однозначный вывод о том, что каждый второй судебный акт, вынесенный по денежным требованиям, остается неисполнимым.

Существующая ситуация негативным образом сказывается на авторитете судебной власти, поскольку судебный акт, не получивший воплощения в действительности, неизбежно превращается в фикцию.

Невозможность принудительного реального исполнения выступает не просто техническим недостатком, но фундаментальным изъяном, который обесценивает судебные акты, дискредитирует саму идею правосудия и умаляет авторитет суда.

Вместе с тем, как справедливо отмечают Е. Е. Фролова и А. М. Берман, современный гражданский оборот переходит в электронную среду, требуя быстрых и гибких способов разрешения споров и соответствующих средств оперативного реагирования [5, с. 60–62].

Предварительное обеспечение иска, будучи механизмом, направленным на реальное достижение правосудия, пресекает проблему неисполнимости будущего судебного акта *ex ante*.

Принимая обеспечительные меры, арбитражный суд закрепляет между сторонами *status quo* и фиксирует материальную базу спора,

создавая реальную гарантию того, что будущий акт не останется констатацией нарушений прав заявителя в содержании решения.

Следовательно, суд при рассмотрении вопроса о предварительных обеспечительных мерах обязан выходить за рамки интересов спорящих сторон и принимать во внимание интерес публичный, чтобы вынесенный в будущем судебный акт мог обрести реальную исполнимость, а авторитет судебной власти оставался непоколебим [4, с. 3].

Главным преимуществом предварительных обеспечительных мер выступает то, что они могут быть применены еще до инициации искового производства (ч. 1 ст. 99 АПК РФ).

Лицо, по отношению к которому заявитель просит принять обеспечение имущественных интересов последнего, будет лишено возможности предпринять недобросовестные действия по сокрытию и/или выводу активов (ч. 5 ст. 99 АПК РФ).

Лишая ответчика временного промежутка между получением претензии (или искового заявления, если досудебный порядок не является обязательным) и судебным решением, который он обычно использует для того, чтобы сделать себя неплатежеспособным, предварительные обеспечительные меры обеспечивают возможность претворения правосудия в реальность.

Безусловно, институт предварительных обеспечительных мер не является универсальным способом гарантировать исполнение судебного решения в любых обстоятельствах.

Если у ответчика изначально отсутствуют какие-либо активы, то применение процессуального обеспечения бессильно, а проблема располагается вне рамок правового поля.

Но при наличии активов на дату наложения предварительного обеспечения истец приобретает гарантию того, что положительное судебное решение материализуется в реальном исполнении.

Таким образом, предварительные обеспечительные меры могут стать основой для восстановления неотвратимости судебной защиты и достижения целей правосудия.

Литература

1. Comparative legal analysis of the procedural arrangements for attachment of earnings of a debtor in the law of the Russian Federation and China / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, E. V. Kupchina, A. Koshelev // 7th international conference on education and social sciences: Abstracts

& Proceedings, DUBAI, 20–22 февраля. 2020. DUBAI: International Organization Center of Academic Research, 2020. P. 159–165. EDN ILVWVS.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025 г. № 425-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 02.03.2026).

3. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов за 2017–2019 гг. / ФССП России. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoj_slu_zhby_sudebnykh_prstavov/statistics (дата обращения 10.03.2026).

4. Китаева А. В. Обеспечение иска в арбитражном процессе: актуальные проблемы // Среда. 2025. С. 2–6. URL: https://phsreda.com/cv/article/126351/discussion_platform (дата обращения 12.04.2026).

5. Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. С. 57–83. EDN CZYVCM.

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (дата обращения: 02.02.2026).

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.03.2026).

8. Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (посл. ред. от 29.12.2025 г. № 536-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 10.03.2026).

9. Определение Арбитражного суда Саратовской области от 12.01.2026 г. Дело № А57-26947 /2024 // Мой Арбитр. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/70344348-7b95-4d52-88ce-abfea4dc95a6> (дата обращения: 09.03.2026).

10. Определение Арбитражного суда Тамбовской области от 10.12.2025 г. Дело № А64-8070 /2023 // Мой Арбитр. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a9456bb6-2ac1-4db7-acae-96627eb10eb5> (дата обращения: 09.03.2026).

11. Определение Арбитражного суда Ярославской области от 26.01.2026 г. Дело № А82-22695 /2019 // Мой Арбитр. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/774329ca-d384-4aa1-b076-f8c658f08fe9> (дата обращения: 09.03.2026).

12. По делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 05 февр. 2007 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/ (дата обращения: 06.03.2026).

13. По делу о проверке конституционности ст. 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Б. Фишер: постановление Конституционного Суда РФ от 14 февр. 2002 г. № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_docLAW7079/ (дата обращения: 07.03.2026).

14. Пучинский В. К. Структура иска и судебного решения в советском гражданском процессе // Проблемы применения и совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР: сборник научных трудов. Калинин: Изд-во КГУ, 1984. С. 85–87.

15. Пучинский В. К. Элементы иска в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1979. № 3. С. 46 –52.

16. Решение Арбитражного суда города Москвы от 21.01.2026 г. Дело № А40-317455 /2025 // Мой Арбитр. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/975e4ca2-1706-41fd-84cd-33375ecd3a97> (дата обращения 13.03.2026).

17. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 26.11.2025 г. Дело № А53-26223 /2025 // Мой Арбитр. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d627c5cc-9906-4d44-af9b-523b9b5880c1> (дата обращения 11.04.2026).

18. Решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 18.12.2025 г. Дело № А81-10494 /2025 // Мой Арбитр.

URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a2fc9ade-4081-4a55-93bf-6eab9831df8e>
(дата обращения 11.04.2026).

PRELIMINARY INSURANCE AS A GUARANTEE
OF ACHIEVING JUSTICE IN THE ARBITRATION PROCESS

Kalashnik Fyodor Alekseevich
Postgraduate Student, Institute of Law,
Vladivostok State University
Russian Federation, Vladivostok,
Kalashnik.fa@mail.ru

Rusakova Ekaterina Petrovna
Professor, Doctor of Law,
Peoples' Friendship University of Russia
Russian Federation, Moscow
rusakova-ep@rudn.ru

This article analyzes the role of preliminary injunctions as a guarantee of achieving the goals of justice in Russian arbitration proceedings. They are considered an effective tool for promptly protecting the property interests of business participants and overcoming the impossibility of enforcing a future judicial decision arising from the bad faith actions of a potential debtor. The paper emphasizes that failure to enforce court decisions not only violates the rights of a specific creditor but also inevitably undermines the authority of the judiciary as a whole, creating a sense among business participants that judicial protection is fictitious. Effective guarantees of future enforcement foster confidence in the judiciary and demonstrate the genuine authority of the courts. The author concludes that while such measures cannot manufacture assets for an insolvent debtor, whenever assets do exist they operate as a powerful procedural tool, converting an abstract judgment into a truly enforceable decision and shielding the claimant from irreparable harm.

Keywords: interim measures, arbitration proceedings, principles of law, justice, enforcement of judicial decisions, judicial protection, enforcement proceedings, procedural guarantees, abuse of rights, effectiveness of judicial proceedings.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ГРУППОВЫМ ИСКАМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ЗАЩИТУ

© Куницкий Максим Савельевич

студент 3-го курса,

Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

maksimkunikij034@gmail.com

Научный руководитель

Лозовская Светлана Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент,

Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

softtea@rambler.ru

Работа посвящена проблеме противодействия групповым искам в гражданском процессе Российской Федерации и зарубежных стран. На основе анализа положений главы 22.3 ГПК РФ, доктринальных источников и судебной практики США исследуются стратегии ответчика, направленные на прекращение или затягивание рассмотрения коллективного иска: заключение мировых соглашений с отдельными участниками группы, истцом-представителем, выход участников из состава группы посредством индивидуального урегулирования. Особое внимание уделяется разграничению добросовестной реализации процессуальных прав и злоупотребления ими. Автор анализирует соотношение принципов диспозитивности и добросовестности. Делается вывод, что российское законодательство не содержит специальных правил, предотвращающих злоупотребления, а отсутствие отечественной судебной практики требует выработки формальных критериев, позволяющих судам ограничивать диспозитивность в случаях, когда её использование направлено на обход закона или причинение вреда группе. Предлагается адаптировать зарубежные подходы к российскому процессуальному регулированию.

Ключевые слова: групповой иск, группа лиц, злоупотребление, принцип добросовестности, принцип диспозитивности, истец-представитель, сертификация, возражения, встречный иск, мировое соглашение.

Развитие современного гражданского процессуального права в Российской Федерации привело к введению в 2019 г. нового института — иска в защиту прав и законных интересов группы лиц, часто называемого «групповым иском». С самого начала особенностью его была направленность на защиту лиц, объединённых единым ответчиком по единому правовому основанию при схожих фактических обстоятельствах.

Групповой иск представляет собой механизм, который способствует достижению двух целей. Во-первых, повышение эффективности правосудия, так как предполагается, что сроки рассмотрения дел и соответственно судебная нагрузка по этим делам значительно снизятся, а за счёт объединения группы и избрания определённых лиц для ведения дела, судебные издержки пропорционально каждого участника будут меньше, чем стоило бы ожидать в случае индивидуальных исков. Поэтому в ст. 244.25 ГПК РФ установлено правило, в соответствии с которым рассмотрение самостоятельного иска, в том числе и предъявленного ранее иска в защиту интересов группы лиц, приостанавливается до вступления в законную силу решения суда по делу о защите прав и законных интересов группы лиц.

В реализации свойства экономической эффективности этой цели способствует предусмотренное законодательством нотариальное соглашение о распределении судебных издержек между участниками группы лиц. Данное свойство коллективного иска выполняет такие функции как обеспечение доступа к правосудию менее материально обеспеченных субъектов и обеспечение права на компенсацию в отношении тех участников группы, чьи требования не имеют высокой ценности и без коллективного участия не имели бы достаточной обоснованности для инициирования судебного разбирательства [2, с. 18].

Ещё одна цель, которая может быть достигнута посредством внедрения групповых исков — это профилактика правонарушений. Речь идёт о предупреждении противоправных действий крупных организаций, чья деятельность имеет большое общественное значение и может привести к ущербу для неопределённого круга лиц. В качестве стимулирующего фактора правомерного поведения выступает риск высоких имущественных потерь от объединённого требования многочисленной группы лиц, заявленного ими в судебном порядке. Усиливает этот эффект и отсутствие установленного досудебного порядка урегулирования спора, что лишает ответчика возможности разрешить спор вне суда.

Перспектива стать стороной в коллективном разбирательстве несёт не только экономические, но и репутационные потери, которые могут только усугубить незавидное положение ответчика в случае его поражения в процессе.

В целях снижения возможных потерь, урегулирования конфликта и обеспечения ответчика правом на судебную защиту, он наделен рядом возможностей противодействия групповому иску, которые имеют как общий характер, так и специальный. Как и в случае «обычного» иска, ответчик вправе выдвигать возражения и встречный иск.

В ситуации группового иска особое значение приобретают процессуальные возражения, связанные с вопросами подсудности и соблюдения досудебного порядка урегулирования, их можно назвать, с известной долей условности «общими», поскольку они могут быть использованы и в качестве способа защиты интересов ответчика в «обычном» иске. Например, постановлением Арбитражного суда Московского округа от 28.10.2021 по делу № А40-100400/2021 оставлено в силе определение Арбитражного суда города Москвы, которым было возвращено исковое заявление группы лиц, состоявшей из граждан как имеющих, так и не имеющих статус индивидуального предпринимателя, на основании п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ. Суд установил, что, несмотря на смешанный субъектный состав, спор в целом не имеет экономического характера, и, следовательно, не подведомствен арбитражному суду¹.

Что касается соблюдения досудебного порядка урегулирования, то ГПК РФ, в отличие от АПК РФ, не содержит правила, освобождающего истца от необходимости соблюсти порядок досудебного урегулирования при обращении с групповым иском. По этой причине ответчик может сослаться на это обстоятельство, возражая против иска. Например, именно таким был один из аргументов АО «Почта России» против группового иска, связанного с оказанием услуг почтовой связи ненадлежащего качества².

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.10.2021 № Ф05-29348/2021 по делу № А40-100400/2021. URL <https://clck.ru/3TaiyA> (дата обращения 05.05.2026).

² Апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2021 по делу № 33-42165/2021. URL <https://clck.ru/3Tajx9> (дата обращения 05.05.2026).

Специальным возражением процессуального характера против группового иска может быть указание на его несоответствие требованиям закона относительно числа участников или характера выдвигаемых ими требований. Именно последнее возражение чаще всего приводит к отказу в признании иска групповым и рассмотрении его в соответствии с правилами главы 22.3 ГПК РФ. Например, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 29.11.2024 по делу № 88-23710/2024 отметил, что «в рассматриваемом случае обстоятельства осуществления трудовой деятельности у каждого работника индивидуальны, каждый работник имеет свой график работы, режим труда и отдыха, условия оплаты труда, а также различные промежутки времени выполнения трудовых функций каждым работником, с учётом его индивидуального графика, в течение заявленного в иске периода, в связи с чем, и предмет доказывания в отношении требований каждого из истцов будет отличаться». При рассмотрении дела по правилам главы 22.3 ГПК РФ, по мнению суда, «в этом случае может быть нарушен баланс интересов сторон разбирательства: ответчику фактически необходимо будет представлять возражения по каждому требованию с самостоятельными обстоятельствами и сделать это в пределах процессуального срока, предусмотренного для одного производства»¹.

Ещё одним способом защиты интересов ответчика традиционно является встречный иск, предъявляемый ответчиком истцу для совместного с заявлением истца рассмотрения в основном процессе. Иск предъявляется к первоначальному истцу по первоначальному требованию в соответствии с правилами подачи первоначального иска. В этом случае возникает вопрос о том, к кому конкретно может быть направлено встречное требование — ко всем членам группы лиц, к истцу-представителю или к каждому участнику отдельно.

С точки зрения положений Гражданского процессуального кодекса встречный иск предъявляется к первоначальному истцу. Проблема заключается в отсутствии статуса истца в делах по групповым искам. Вместо него в процессе от имени группы выступает один из её членов, наделённый процессуальными правами истца.

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.11.2024 № 88-23710/2024. URL <https://clck.ru/3TakWu> (дата обращения 05.05.2026).

Права остальных членов также регулируются в ст. 244.23 ГПК РФ. Их перечень ограничен и не предполагает активного процессуального участия.

Представляется, что встречный иск может быть подан как к конкретному участнику, так и ко всей группе сразу, в зависимости от предмета встречного иска [2, с. 212]. Так, требование о зачёте или об оспаривании однородности прав участников может быть подано к отдельным лицам или совокупности лиц внутри группы. Относительно предъявления встречного иска каждому члену группы лиц отдельно следует отметить, что вряд ли в этом случае возможно говорить о процессуальной экономии или эффективной защите ответчика, поскольку он окажется перед необходимостью в достаточно короткий промежуток времени собрать необходимые доказательства в отношении весьма широкого круга лиц.

Помимо процессуальных мер противодействия групповому иску ответчик имеет и иные стратегии противодействия, которые могут привести к прекращению или затягиванию процесса.

Одной из таких стратегий можно назвать исключение участников группы для устранения признака многочисленности и создания помехи для сертификации иска.

Для её реализации ответчику достаточно заключить мировое соглашение с определенным количеством участников группы с последующей подачей ими заявления об исключении из группы.

Данный подход имеет следующие преимущества. Во-первых, он позволяет ответчику заключить с отдельными лицами соглашения на более выгодных условиях, нежели те, которые ответчик обязан был бы принять вследствие удовлетворения иска. Во-вторых, эта мера исключает необходимый для сертификации иска в качестве группового признак многочисленности группы и не позволяет продолжить процесс до восстановления численности участников. В-третьих, затягивание основного процесса продлевает приостановление рассмотрения индивидуальных исков, что даёт возможность как отсеять определённый процент истцов, так и подготовиться к делам с оставшимися.

Использование такого способа противодействия групповому иску подразумевает активное использование двух процессуальных прав сторон — по заключению мирового соглашения и выходу из состава группы лиц.

Особой разновидностью является заключение мирового соглашения с лицом, которое выступает от лица группы в процессе. Выбытие из процесса истца-представителя несёт не только потери в численности, но и иные процессуальные сложности, связанные с его заменой. Так, в соответствии со ст. 244.24 ГПК РФ, в случае отказа от иска истца-представителя, суд откладывает заседание на срок не более двух месяцев и требует предоставить ему замену.

Невыполнение распоряжений суда является основанием для прекращения производства по делу.

Реализация субъективных прав участников процесса является их прерогативой, закреплённой в основополагающих принципах гражданского судопроизводства.

Вместе с тем ч. 1. Ст. 35 ГПК РФ предусматривает обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами¹.

В связи с этим возникает вопрос, насколько добросовестными могут считаться возможные действия ответчика по реализации его субъективных процессуальных прав, направленные на сокращение числа членов группы, и где находится грань между ними и злоупотреблением правом.

М. А. Фокин указывает, что злоупотребление процессуальными правами представляет собой «только умышленное недобросовестное поведение, направленное на создание препятствий в достижении задач и целей судопроизводства, затягивании судопроизводства и причинения вреда другой стороне». Как в таком случае определить, какие действия ответчика направлены на умышленное нарушение обычного порядка судопроизводства, а какие — направлены на урегулирование спора с каждым из участников группового иска в отдельности [4, с. 48–62]. Ни законодатель, ни судебная практика не сформировали чёткого ответа на этот вопрос. Следовательно, не существует и единого подхода по противодействию таким злоупотреблениям.

Проблему попытались решить ученые-юристы, выделившие перечень признаков, свидетельствующих о злоупотреблении правом. К ним относятся: совершение действий лишь с видимостью реали-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46. Ст. 4532.

зации прав, совершение действий, сопряжённых с обманом относительно обстоятельств дела, действия, ограничивающие реализацию или нарушающие права лиц, участвующих в деле, и направленных на нарушение разумных сроков рассмотрения и разрешения дела по коллективному иску [3, с. 149].

По целям злоупотребления выделяют: уклонение от обязанностей, причинение вреда, получение имущественной выгоды и препятствование другим в использовании процессуальных прав.

Применительно к мерам по противодействию групповому иску, многие авторы посчитали бы данные действия злоупотреблением, так как всё сводится к двум конкретным последствиям этих действий: увеличение сроков разрешения дела и препятствие в реализации прав на групповое производство остальных участников процесса.

Полагаем, что вопрос о допустимости и добросовестности действий ответчика должен разрешаться в каждом конкретном деле. Нельзя исключить ситуаций, когда действия ответчика продиктованы желанием урегулировать ситуацию с каждым из членов группы отдельно, и выработать решение, защищающее интересы каждой стороны. Заключение мирового соглашения с отдельными членами группы может быть как признанием вины в отношении этих лиц так и следствием невозможности заключить соглашение с остальными.

В российской практике нам не удалось найти соответствующих примеров, возможно, потому что члены группы лиц не обращались в суд с заявлениями об оспаривании таких «сепаратных» мировых соглашений, поэтому считаем возможным рассмотреть вопрос с учетом практики зарубежных судов, в частности, американских, где групповые иски в общем составляют заметный элемент правового ландшафта.

Показательным примером такой ситуации является дело *Pearson v. Target Corp*¹, рассмотренное Апелляционным судом США седьмого федерального округа 6 августа 2020 г. В нем суд выяснил, что три члена группы лиц по коллективному иску подали апелляционное возражение и в последующем намерено блокировали заключение мирового соглашения по иску, заставив ответчика заключить с ними отдельные соглашения на общую сумму 130 000 долларов США, которая не пошла в общий фонд группы.

¹ *Pearson против Target Corp.* 968 F.3d 827. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca7/14-1227/14-1227-2014-11-19.html> (дата обращения 05.05.2026).

Суд указал, что у возбудителя жалобы имеется обязанность действовать в интересах всей группы лиц и постановил взыскать все приобретённые денежные средства и вложить их на общий счёт группы.

Ещё одно дело, которое заслуживает внимания — дело *Campbell-Ewald Co. v. Gomez*, 577 U.S. 153 (2016)¹. На стадии подготовки к сертификации иска ответчик направил предложение о заключении мирового соглашения и выплате денежной компенсации кандидату в представители группы. После отказа от предложения ответчик указал, что при возбуждении дела была нарушена процедура сертификации, ведь истец-представитель отказался от своих требований в момент поступления предложения от ответчика.

Верховный суд США отклонил возражение ответчика, признав его недобросовестным и постановил, что не принятое истцом предложение об урегулировании не делает его требование спорным и не лишает его права добиваться статуса представителя класса.

Данные примеры показывают, что злоупотребление субъективными правами возможно не только со стороны ответчика, право на заключение мировых соглашений является для истцов таким же рычагом воздействия на другую сторону, как и для ответчика которой может привести к затягиванию процесса и личному обогащению.

Американские суды, рассматривая коллективные иски, обращают внимание на логику поведения сторон, её последовательность и обоснованность. Разбираясь в мотивации поведения, они делают выводы о наличии злоупотребления в каждом отдельном случае с учётом всех фактических обстоятельств дела.

Выделение признаков сговора сторон при утверждении мировых соглашений произошло в деле *Briseño v. Henderson* (9th Cir., 2021),² где суд указал на три признака злоупотребления процессуальным правом при заключении мирового соглашения: непропорционально высокие гонорары адвокатам по сравнению с выплатой группе; наличие в соглашении условия по которому ответчик обязуется не возражать по поводу гонораров; оговорка в соглашении, согласно

¹ *Campbell-Ewald Co. v. Gomez*, 577 U.S. 153 (2016). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/577/153/> (дата обращения 05.05.2026).

² *Briseño v. Henderson* 998 F.3d 1014 (9th Cir., 2021). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/19-56297/19-56297-2021-06-01.html> (дата обращения 05.05.2026).

которой все неиспользованные полученные денежные средства возвращаются ответчику.

Выделенные критерии направлены на снижения соблазна ответчиков, представителей истцов и участников группы на заключение заведомо невыгодных для группы соглашений и отчасти является ограничением субъективных процессуальных прав в отношении заключения мирового соглашения.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что гражданское процессуальное законодательство РФ формально закрепляет правовой институт групповых исков, направленный на процессуальную экономию, обеспечение доступа к правосудию и максимальную эффективность при рассмотрении коллективного спора, однако не содержит специальных правил, предотвращающих злоупотребления как со стороны ответчика, так и со стороны истцов. Соотношение принципов диспозитивности и добросовестности в контексте группового иска имеет свою специфику: свобода каждого отдельного участника вступает в конфликт с коллективной природой производства. Неограниченное использование диспозитивных прав может разрушить групповой иск и нарушить права других участников.

Полагаем, что именно поэтому суды должны ограничивать осуществление процессуальных права участниками группового иска там, где их реализация направлена исключительно на причинение вреда группе или обход закона. Действия суда по установлению добросовестности в действиях сторон должна стать основным инструментом регулирования и сопоставления интересов отдельных членов группы и её коллективной природы. Отсутствие российских судебных прецедентов по признанию подобных действий злоупотреблением отчасти объясняется незначительной практикой рассмотрения групповых исков, но вместе с тем свидетельствует о необходимости выработки правовых позиций Верховным судом РФ.

Литература

1. Гражданское процессуальное право: учебник: [в 2 томах] / под редакцией П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2022. Т. 1. Общая часть. 550 с.

2. Домшенко В. Г. Защита ответчика против группового иска: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2023. 26 с.

3. Жеребкина Е. В., Жукова А. И. К вопросу о злоупотреблении процессуальными правами в гражданском судопроизводстве в период развития электронного правосудия // Закон и право. 2024. № 9. С. 147–153.

4. Фокина М. А. Злоупотребление процессуальными правами: соотношение духа и буквы закона // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 48–62.

COUNTERING CLASS ACTION LAWSUITS IN CIVIL PROCEDURE. ABUSE OF THE RIGHT TO DEFENSE

Kunitsky Maksim Savleyevich

3rd year student,

East Siberian State University of Technology and Management

Russian Federation, Ulan-Ude

maksimkunickij034@gmail.com

Lozovskaya Svetlana Valeryevna

candidate of Law,

East Siberian State University of Technology and Management

Russian Federation, Ulan-Ude

softtea@rambler.ru

The paper addresses the problem of countering class actions in the civil procedure of the Russian Federation and foreign jurisdictions. Based on the analysis of Chapter 22.3 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, doctrinal sources, and US case law, the author examines the defendant's strategies aimed at terminating or delaying the consideration of a class action: entering into settlement agreements with individual group members or with the lead plaintiff, and withdrawing members from the class through individual settlements. Special attention is paid to distinguishing the good-faith exercise of procedural rights from their abuse. The author analyzes the relationship between the principles of dispositiveness (party autonomy) and good faith. It is concluded that Russian legislation does not contain special rules preventing abuse, and the lack of domestic judicial practice necessitates the development of formal criteria enabling courts to limit dispositiveness in cases where its use is aimed at circumventing the law or harming the group. Adapting foreign approaches to Russian procedural regulation is proposed.

Keywords: class action, group of persons, abuse, principle of good faith, principle of dispositiveness, lead plaintiff (class representative), certification, objections, counterclaim, settlement agreement.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВНЕШНИХ ИИ-СЕРВИСОВ НОТАРИУСАМИ:
ПРАВОВЫЕ РИСКИ РАЗГЛАШЕНИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ТАЙНЫ
И ТРЕБОВАНИЯ К КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ КЛИЕНТСКИХ
ДАННЫХ**

© **Лопадчак Алиса Алексеевна**

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

alopadchak@mail.ru

Научный руководитель

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru

Статья посвящена анализу правовых рисков использования внешних сервисов искусственного интеллекта в нотариальной деятельности. Актуальность исследования обусловлена активным внедрением цифровых технологий в юридическую практику и одновременно — ужесточением требований к защите конфиденциальной информации. В центре внимания — соблюдение нотариальной тайны и правовой режим персональных данных, которые могут быть переданы сторонним цифровым платформам. Рассматриваются угрозы: утрата нотариусом контроля над сведениями клиента, вторичное использование этих сведений, трансграничная передача, риск утечек. Особое внимание уделяется соотношению нотариальной тайны и законодательства о персональных данных. Применение внешних ИИ-сервисов в нотариальной практике допустимо только при строгом соблюдении требований конфиденциальности, минимизации данных и наличии реальных правовых и технических гарантий защиты.

Ключевые слова: нотариальная тайна, нотариус, искусственный интеллект, внешние ИИ-сервисы, персональные данные, конфиденциальность, цифровизация, правовые риски, защита информации, трансграничная передача данных, цифровые платформы, обработка данных.

В условиях активной цифровизации юридической деятельности технологии искусственного интеллекта (ИИ) всё шире начинают

использоваться для автоматизации подготовки проектов документов, анализа правовой информации и структурирования данных. Нотариальная деятельность не является исключением. Применение ИИ способно ускорить обработку документов и снизить объем рутинной работы. Однако специфика нотариата в том, что нотариус получает доступ к сведениям, составляющим нотариальную тайну, и к значительному объему персональных данных клиентов.

Разглашение таких сведений подрывает доверие к институту нотариата. Разглашение — основание для юридической ответственности.

Использование внешних ИИ-сервисов, то есть предполагающих передачу информации сторонним цифровым платформам, требует тщательной правовой оценки. Такие сервисы обычно работают на облачной инфраструктуре. Порядок хранения и обработки данных определяет оператор платформы, а не нотариус. Возникает вопрос: может ли передача сведений, полученных нотариусом при совершении нотариальных действий, во внешний ИИ-сервис при отсутствии законного основания рассматриваться как нарушение нотариальной тайны и требований законодательства о персональных данных.

Нотариальная тайна — ключевой элемент правового статуса нотариуса и гарантия доверия граждан к его деятельности. Нормативную основу её режима в России составляет закон «Основы законодательства в Российской Федерации о нотариате» от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 [1]. Ст. 5 Основ обязывает нотариуса хранить в тайне сведения, ставшие ему известными в связи с профессиональной деятельностью. Эта обязанность распространяется на сотрудников нотариальной конторы и иных лиц, получивших доступ к информации.

Тайна обязательна для всех указанных лиц. Содержание нотариальной тайны охватывает широкий круг информации. Это тексты документов, факт обращения к нотариусу, сведения о составе имущества, семейном положении, наследственных правах, волеизъявлении сторон — любые данные, ставшие известными в процессе работы. Такой подход отражает доверительный характер общения нотариуса и клиента. Нотариальная тайна имеет не только этическое, но и правовое значение: она обеспечивает конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны. Режим нотариальной тайны не абсолютен. Однако раскрытие сведений допускается только в случаях, прямо предусмотренных законом. Любое сообщение данных третьим лицам вне закон-

ных оснований — нарушение профессиональной обязанности. Нарушение влечет ответственность. И другое: сведения, составляющие нотариальную тайну, в большинстве случаев являются персональными данными по смыслу Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2]. Следовательно, нотариус обязан соблюдать и специальный режим нотариальной тайны, и требования 152-ФЗ. Оба режима должны соблюдаться одновременно.

Использование внешних ИИ-сервисов порождает комплекс правовых рисков. В отличие от локальных решений, внешние сервисы предполагают передачу данных оператору для анализа, генерации текста или иных операций. Вследствие этого сведения, введенные нотариусом, выходят за пределы его организационного и технического контроля. Выход за пределы контроля означает утрату контроля.

Первый риск — нарушение нотариальной тайны. Если нотариус вводит текст документа, описание ситуации или иные значимые сведения в облачный сервис, информация становится доступной внешнему оператору. При отсутствии законного основания такие действия могут квалифицировать как сообщение сведений третьему лицу. Это прямое противоречие ст. 5 Основ. Противоречие, которое трудно устранить ссылками на удобство.

Второй риск — непрозрачность обработки данных у оператора. Пользователь не располагает исчерпывающей информацией. Нет данных о месте хранения, о сроках хранения, об использовании для дообучения моделей, о доступе сотрудников провайдера, о порядке удаления. Даже положения о конфиденциальности в пользовательском соглашении не исключают рисков. В нотариальной сфере эта непрозрачность особенно проблематична. Непрозрачность несовместима с режимом нотариальной тайны.

Третий риск: передача информации во внешний ИИ-сервис — действие по обработке персональных данных. На него распространяются принципы законности, ограничения цели и минимизации. С этим связан и вопрос о трансграничной передаче. Многие ИИ-сервисы используют облачную инфраструктуру, серверы которой могут находиться в разных странах. Тогда необходимо учитывать положения ст. 12 152-ФЗ. Это создаёт дополнительный уровень неопределённости. Неопределённость влечёт риск утраты контроля

над данными. Риск, который нотариус обязан оценить до начала использования сервиса.

Четвертый риск — вторичное использование введенных данных. Многие платформы автоматически регистрируют запросы, сохраняют историю и используют поступившую информацию для улучшения алгоритмов. Даже если такие действия не декларируются, сама их потенциальная возможность создаёт угрозу несовместимости с нотариальной тайной.

Нотариус не вправе исходить лишь из предположения о добросовестности оператора. На нотариусе лежит самостоятельная обязанность — не допустить разглашения охраняемых сведений. Эта обязанность не может быть переложена на провайдера.

Пятый риск — утечка из-за кибератак, технических ошибок или проектных недоработок платформы. Ст. 19 152-ФЗ обязывает оператора принимать меры защиты. Но, используя внешний ИИ-сервис, нотариус не контролирует их реализацию. Он не может гарантировать сохранность информации. Отсутствие гарантий — самостоятельный риск.

Наконец, проблема — переоценка возможностей обезличивания. Удаление прямых идентификаторов (фамилии, имени, паспортных данных) не всегда исключает косвенную идентификацию по совокупности обстоятельств. Как пишет Б. А. Окишев, принятие требований к обезличиванию персональных данных для целей обработки искусственным интеллектом является одной из ключевых проблем, стоящих перед законодателем [3, с. 73]. Пример: клиент — единственный собственник квартиры с точным адресом и известной ценой сделки. Даже без имени и паспортных данных такая комбинация позволяет установить личность. В нотариальной деятельности, где многие ситуации высоко индивидуализированы, риск идентификации сохраняется. Сохраняется даже после формального обезличивания.

Проблема использования внешних ИИ-сервисов — на стыке двух правовых режимов. Один режим — нотариальная тайна. Другой — защита персональных данных.

Как подчеркивает В. А. Манаев, в условиях цифровизации возникает объективная необходимость поиска баланса между интересами общества и государства... и интересами личности в сохранении конфиденциальности персональных данных [4, с. 98]. На практике эти режимы пересекаются, но не тождественны. Закон о пер-

сональных данных допускает обработку информации, в том числе с согласия субъекта. Нотариальная же тайна является абсолютной и сохраняется нотариусом независимо от чьей-либо воли.

Ст. 5 152-ФЗ требует, чтобы обработка персональных данных осуществлялась на законной и справедливой основе и ограничивалась достижением конкретных целей. Для нотариальной деятельности это означает: любые действия с информацией клиента должны быть не только удобными, но и юридически оправданными. Желание упростить подготовку документов — не основание для передачи данных стороннему ИИ-сервису. При этом нотариальная тайна имеет самостоятельное значение и не сводится к режиму персональных данных. Даже согласие клиента на обработку не снимает ограничений, связанных с обязанностью нотариуса хранить тайну. Как точно замечает В. А. Манаев, если Закон о персональных данных предполагает возможность обработки информации с согласия субъекта или при наличии иных законных оснований, то нотариальная тайна носит абсолютный характер: нотариус обязан сохранять её независимо от воли гражданина [4, с. 99]. Нотариус действует не только в интересах конкретного клиента, но и в рамках публично значимой функции. Эта функция предполагает повышенные стандарты надёжности и конфиденциальности. Следовательно, согласие клиента — не универсальное оправдание передачи сведений внешнему посреднику. Согласие не отменяет обязанности хранить тайну.

Обезличивание направлено на исключение возможности определить принадлежность данных субъекту. В нотариальной деятельности обезличивание не всегда обеспечивает достаточную защиту. Даже после удаления прямых идентификаторов сохраняется возможность установить личность по совокупности обстоятельств. Поэтому обезличивание — не абсолютная гарантия, а лишь один из способов снижения риска. Один из способов, но не гарантия.

С учётом изложенного допустимость применения ИИ нотариусами должна определяться приоритетом конфиденциальности. Использование ИИ возможно прежде всего тогда, когда оно не влечёт передачу идентифицирующей или иной охраняемой информации внешнему оператору.

Наиболее безопасный вариант — локальные программные решения или системы с усиленной защитой в контролируемой цифровой среде. Если же речь о внешнем сервисе, его использование до-

пустимо лишь при строгой минимизации вводимых данных, исключении сведений, позволяющих идентифицировать клиента, и предварительной оценке рисков. Оценка рисков — обязательное условие. Нотариус должен учитывать и общие требования информационной безопасности. Перед использованием цифрового инструмента нужно оценить: кто оператор, где инфраструктура, предусмотрена ли трансграничная передача, каковы условия хранения и удаления, есть ли договорные гарантии конфиденциальности. При отсутствии ясности использование внешнего ИИ-сервиса для работы с нотариальными материалами юридически рискованно.

Внешние ИИ-сервисы обладают прикладным потенциалом. Но специфика нотариата как института, основанного на доверии и повышенных требованиях к конфиденциальности, не позволяет рассматривать ИИ как нейтральный технический инструмент. Передача сведений во внешние системы неизбежно ставит вопрос о соблюдении нотариальной тайны и требований о персональных данных. Ставит остро и требует однозначного ответа.

Основная проблема заключается в утрате нотариусом полного контроля над информацией, передаваемой стороннему оператору. При использовании внешних ИИ-сервисов возникают риски разглашения тайны, неправомерной обработки, трансграничной передачи, вторичного использования и утечки. Каждый из этих рисков достаточен для отказа от такого сервиса.

Ни согласие клиента, ни формальное обезличивание не могут во всех случаях устранить эти риски. Отсутствие гарантий — ключевая характеристика проблемы.

Как отмечает Ю. С. Балалаева, создание наиболее оптимальных условий использования искусственного интеллекта в юридической сфере является более рациональным способом минимизации данных рисков, чем установление запрета на такое использование, при этом необходимо предоставление гражданам дополнительных гарантий реализации их прав и свобод [5, с. 109].

В связи с этим допустимость применения ИИ в нотариальной практике должна определяться приоритетом защиты конфиденциальной информации. Наиболее оправданы те решения, которые исключают передачу охраняемых сведений внешним субъектам либо обеспечивают максимальную организационную и техническую защищённость. В перспективе требуется специальное регулирование — пределы, условия и гарантии использования ИИ в нотариате.

Только при соблюдении этих условий внедрение искусственного интеллекта сможет сочетаться с сохранением основ нотариата и надёжной защитой прав лиц, обращающихся за нотариальными действиями.

Литература

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: закон Российской Федерации от 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 11.03.1993. № 10.

2. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета. 2006. № 165. 29 июля.

3. Окишев Б. А. Особенности правовой охраны персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 2. С. 70–75.

4. Манаев В. А. Нотариат и защита персональных данных: баланс публичных и частных интересов // Молодой ученый. 2025. № 35(586). С. 98–102.

5. Балалаева Ю. С. Риски использования искусственного интеллекта в юридической сфере: анализ и пути минимизации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2(66). С. 109–116.

THE USE OF EXTERNAL AI SERVICES BY NOTARIUSES:
LEGAL RISKS OF DISCLOSURE OF NOTARIAL SECRETS
AND REQUIREMENTS FOR CONFIDENTIALITY OF CUSTOMER DATA

Lopadchak Alisa Alekseevna

1st year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
alopadchak@mail.ru

Naletova Marina Mikhailovna

Senior lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
marina.naletova.68@yandex.ru

The article analyzes the legal risks associated with the use of external artificial intelligence services in notarial activities. The relevance of the study stems from the active integration of digital technologies into legal practice and the simultaneous tightening of requirements for the protection of confidential information. The focus is on the preservation of notarial secrecy and the legal framework for personal data that may be transferred to third-party digital platforms. The following threats are examined: the notary's loss of control over client information, the secondary use of such data, cross-border transfer, and the risk of data breaches. Special attention is paid to the intersection of notarial secrecy and personal data legislation. The application of external AI services in notarial practice is permissible only under strict compliance with confidentiality requirements, data minimization, and the existence of actual legal and technical protection guarantees.

Keywords: notarial secrecy, notary, artificial intelligence, external AI services, personal data, confidentiality, digitalization, legal risks, information protection, cross-border data transfer, digital platforms, data processing.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И РОЛЬ МЕДИАЦИИ

© Ляшевич Олеся Сергеевна

студентка 2-го курса,
Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Краснодар
sapunenko2005@gmail.com

Научный руководитель

Калашиникова Марина Григорьевна

старший преподаватель,
Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Краснодар
kalashnikowa.mg@yandex.ru

В статье рассматриваются виды корпоративных споров, традиционные и альтернативные способы их разрешения, особое внимание уделяется медиации как перспективному инструменту урегулирования корпоративных конфликтов. Анализируется судебная практика и нормативно-правовая база, выявляются проблемы и перспективы применения медиативных процедур в корпоративной сфере.

Ключевые слова: корпоративные споры, альтернативные способы разрешения споров, медиация, корпоративное право, урегулирование конфликтов, медиативное соглашение, медиатор, техника активного слушания, сделка с заинтересованностью, управление конфликтами.

Корпоративные споры представляют собой одну из наиболее сложных категорий гражданско-правовых конфликтов, затрагивающих интересы широкого круга субъектов: участников (акционеров), менеджмента, кредиторов и иных заинтересованных лиц. Рост числа таких споров в современной России актуализирует поиск эффективных механизмов их разрешения, в том числе альтернативных судебным процедурам.

Корпоративные конфликты возникают между участниками корпорации, между участниками и самой корпорацией ввиду недостижения между ними соглашения по спорным вопросам, возникающим в деятельности компании (в вопросах управления корпорацией, реализации прав и обязанностей участников корпоративных отношений).

Корпоративное законодательство и судебная практика выделяют несколько основных категорий корпоративных споров. Во-первых, это споры о предоставлении информации хозяйственными обществами, которые связаны с реализацией права участников (акционеров) на доступ к документам и сведениям о деятельности общества. Согласно обобщению судебной практики Президиума Верховного суда РФ от 15.11.2023, такие споры часто возникают из-за необоснованных отказов в предоставлении информации или предоставления неполных данных [3]. Так, например, в деле № А12-24638/2023 (определение ВС РФ от 23 октября 2025 г. № 306-ЭС25-5519) участник ООО «Научно-производственное предприятие “КФ”» Алексей Зосимов потребовал документы о деятельности общества. Общество отказало, сославшись на положение о коммерческой тайне и требование подписать соглашение о неразглашении. Несмотря на то что Зосимов подписал такое соглашение, документы ему не предоставили. Суд первой инстанции обязал общество предоставить документы, но апелляционный суд отменил решение после того, как Зосимов вышел из состава участников. Верховный суд отменил апелляционное постановление, указав, что бывший участник вправе требовать информацию, связанную с определением действительной стоимости доли, до её выплаты.

Во-вторых, выделяются споры, связанные с ответственностью контролирующих лиц, в том числе споры о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (регулируются обзором Президиума ВС РФ от 19.11.2025) и споры, вытекающие из применения ст. 53.1 ГК РФ (обзор Президиума ВС РФ от 30.07.2025) [2]. Так, согласно судебной практике, ООО обратилось в Арбитражный суд с иском к бывшему руководителю о возмещении убытков из-за сделки по отчуждению имущества по заниженной стоимости. Руководитель без уведомления единственного участника продал легковые автомобили (использовавшиеся для услуг такси) подконтрольному ему контрагенту. Истец требовал возместить разницу между рыночной

и договорной ценой. Суд первой инстанции иск удовлетворил, но апелляция и кассация отказали, посчитав недоказанной связь убытков с действиями ответчика. Однако Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ не согласилась с этим выводом. Правовая основа — п. 1 ст. 53.1 ГК РФ и п. 2 ст. 44 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»: руководитель обязан действовать добросовестно и разумно в интересах юрлица, а при нарушении — возмещать причинённые убытки.

В-третьих, к числу распространенных относятся споры о реализации корпоративных прав, включающие оспаривание решений органов управления, защиту прав на участие в управлении и споры о выплате дивидендов. Например, согласно обзору практики рассмотрения споров о признании недействительными решений общего собрания участников за 2021–2023 гг., в ООО с двумя участниками (30 и 70% долей) участник с большей долей избрал нового директора на общем собрании. Участник с меньшей долей (одновременно бывший директор) оспорил решение, ссылаясь на неуведомление о собрании. Суд первой инстанции признал решение недействительным из-за нарушения порядка созыва, но апелляция и кассация отменили это решение: они указали, что голос истца не повлиял бы на итог голосования (70% голосов за смену директора достаточно для кворума), а ответчик подтвердил надлежащее уведомление истца. Дискуссия была сослана на ст. 181.4 ГК РФ.

Оспаривание сделок, которые связаны с изменением структуры собственности, тоже представляют особый интерес в нашем исследовании. Зачастую в таких разбирательствах основной уклон идет на особые ошибки в деталях самой сделки, так как часто могут нарушать права какой-либо из сторон. Так, например, сделки, которые были заключены в период, когда должник находится на одном из этапов по процедуре банкротства, могут быть признаны подозрительными и должны быть оспорены.

Есть еще одна особая категория споров — это корпоративные споры. Как правило такие дела направляются для рассмотрения в арбитражные суды. При этом зачастую такой метод разрешения не всегда выгоден ввиду своей публичности и высоких издержек, которые, в свою очередь, могут значительно повлиять на деловую репутацию. Во избежание таких последствий лучше всего пытаться урегулировать возникающие спорные вопросы через переговорный процесс в досудебном порядке [5, с. 79].

Подобные споры могут также решаться через медиацию, где регуляторам выступает медиатор (посредник). Такой метод является наиболее удобным, поскольку предполагает конфиденциальность для обеих сторон конфликта. Благодаря медиации сохраняется коммерческая тайна, что может быть особо выгодно тем компаниям, которые сильно переживают за репутационные риски.

В таких спорных моментах очень важно сохранить деловые отношения, поэтому эта процедура направлена на поиск компромисса, а не на установление «победителя» и «проигравшего». Гибкость также является значимым достоинством: стороны самостоятельно определяют условия соглашения, что невозможно в рамках судебного решения [6, с. 86]. Отметим, что медиация способствует экономии времени и ресурсов — она занимает меньше времени, чем судебное разбирательство, и снижает финансовые издержки. Наконец, стоит отметить высокую исполнимость соглашений: добровольно заключённое медиативное соглашение чаще исполняется сторонами, чем принудительно исполняемое судебное решение.

Правовые основы медиации в России закреплены в Федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1]. В корпоративных спорах медиативные соглашения могут применяться для урегулирования конфликтов между акционерами/участниками, споров о распределении прибыли, разногласий по стратегии развития компании и трудовых споров с топ-менеджментом. Несмотря на очевидные преимущества, медиация в корпоративных спорах пока не получила широкого распространения. Среди основных проблем можно выделить низкую осведомлённость предпринимателей о возможностях медиации, недоверие к процедуре из-за отсутствия опыта её применения.

Участниками корпоративных споров могут являться не только субъекты корпоративных правоотношений, но и иные лица, чьи права и интересы нарушены, например контрагенты по оспариваемым крупным сделкам и сделкам с заинтересованностью, бывшие участники и руководители корпорации, наследники и супруги участников корпорации.

Исключение участника представляет собой специальный корпоративный способ защиты прав, целью которого является устранение вызванных поведением одного из участников препятствий к осуществлению нормальной деятельности общества [4].

В данном случае Верховный суд РФ указал, что действительной причиной обращения в суд с взаимными требованиями об исключении из общества является утрата участниками единой цели при осуществлении хозяйственной деятельности и желание за счет интересов другого участника разрешить внутрикорпоративный конфликт, а не действия (бездействия) последних по причинению вреда обществу. В удовлетворении первоначального и встречного иска участников об исключении из общества было оказано. Спор длился с апреля 2013 г. по январь 2015 г.

При обращении к медиативным процедурам медиатор мог бы предложить участникам общества рассмотреть вопрос о возможности реорганизации общества в форме разделения, выделения, ликвидации общества передачей его имущества участникам (при отсутствии кредиторов), принятия одним из участников решения о выходе из него с уплатой действительной стоимости доли или передачей имущества по соглашению участников.

Также серьёзной проблемой выступает сложность применения медиации при множественности сторон. Например, в спорах с участием миноритарных акционеров. Кроме того, ограниченная возможность принудительного исполнения медиативных соглашений без утверждения судом сдерживает распространение этой процедуры. В то же время перспективы развития медиации в корпоративной сфере связаны с рядом направлений. Прежде всего, это популяризация процедуры среди бизнес-сообщества. Не менее значимым выступает повышение квалификации медиаторов в области корпоративного права.

Кроме того, совершенствование законодательства для упрощения процедуры утверждения медиативных соглашений может существенно расширить применение медиации. Например, предложение о введении упрощённого порядка утверждения медиативных соглашений в арбитражных судах призвано решить проблему принудительного исполнения. В свою очередь, внедрение корпоративных регламентов, предусматривающих медиацию как обязательный этап урегулирования споров, способно повысить востребованность данного инструмента. Развитие такого подхода позволит активнее использовать преимущества медиации на практике и снизить зависимость от традиционных судебных механизмов.

Таким образом, корпоративные споры отличаются многообразием и сложностью, что требует гибких и эффективных механизмов

их разрешения. Наряду с традиционными судебными процедурами, альтернативные способы, особенно медиация, обладают значительным потенциалом для урегулирования корпоративных конфликтов. Развитие медиации в этой сфере будет способствовать снижению нагрузки на арбитражные суды, сохранению деловых отношений и повышению стабильности корпоративного сектора в целом.

Литература

1. Федеральный закон № 193 от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

2. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением ст. 531 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 30.07. 2025).

3. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного суда РФ 15.11.2023).

4. Определение Верховного суда РФ от 08.10.2014 № 306-ЭС14-14. Доступ из официального интернет-портала правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.05.2026).

5. Микрюков В. А. Пределы аналогии в разрешении корпоративных споров о предоставлении информации // Современное право. 2024. С. 77–82.

6. Соломеина Е. А. Медиация: факторы, влияющие на востребованность процедуры // Вестник гражданского процесса. 2025. С. 79–93.

ALTERNATIVE WAYS OF RESOLVING CORPORATE DISPUTES: MODERN APPROACHES AND THE ROLE OF MEDIATION

Lyashevich Olesya Sergeevna

2nd year student,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Krasnodar

sapunenko2005@gmail.com

Kalashnikova Marina Grigorievna

Senior Lecturer,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Krasnodar
kalashnikowa.mg@yandex.ru

The article examines the types of corporate disputes, traditional and alternative methods of their resolution, with a special focus on mediation as a promising tool for resolving corporate conflicts. The article analyzes judicial practice and the legal framework, and identifies the problems and prospects of using mediation procedures in the corporate sector.

Keywords: corporate disputes, alternative dispute resolution, mediation, corporate law, conflict resolution, mediation agreement, mediator, active listening techniques, interest-based transaction, and conflict management.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ НАРУШЕНИЯ РЕЖИМА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОТКРЫТЫХ ИИ-СЕРВИСОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Макаренко Денис Валерьевич

студент 4-го курса,

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный
университет правосудия имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Краснодар

den2756812@mail.ru

Научный руководитель

Корнеева Оксана Николаевна

старший преподаватель,

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный
университет правосудия имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Краснодар

korneeva.oksana2022@mail.ru

В статье рассматриваются гражданско-правовые риски нарушения режима коммерческой тайны при использовании открытых ИИ-сервисов в предпринимательской деятельности. Автор анализирует ситуацию, при которой работник, контрагент или сама организация загружает в публичный ИИ-сервис сведения, имеющие коммерческую ценность и охраняемые в режиме конфиденциальности. Особое внимание уделяется правовому значению передачи информации провайдеру ИИ-сервиса, разграничению технической обработки данных и юридического факта предоставления сведений третьему лицу, а также связи между нарушением локального режима коммерческой тайны и последующей гражданско-правовой ответственностью. Отдельно рассматриваются риски, связанные с персональными данными, договорными обязанностями по сохранению конфиденциальности, доказыванием убытков и необходимостью закрепления специальных правил использования ИИ-сервисов в локальных актах и договорах. Делается вывод о необходимости превентивного регулирования порядка работы с ИИ-сервисами в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: коммерческая тайна, искусственный интеллект, ИИ-сервисы, предпринимательская деятельность, конфиденциальная информация, гражданско-правовая ответственность, убытки, персональные данные, договорная ответственность, локальные акты, цифровая трансформация, провайдер ИИ-сервиса.

В настоящее время инструменты искусственного интеллекта всё активнее используются в предпринимательской деятельности. Они применяются при подготовке проектов договоров, анализе документов, составлении коммерческих предложений, обработке клиентских обращений, разработке маркетинговых материалов, программировании и обобщении значительных массивов деловой информации. В результате ИИ-сервисы становятся одним из элементов цифровой инфраструктуры бизнеса, поскольку генеративный искусственный интеллект всё чаще рассматривается как инструмент оптимизации бизнес-процессов и обработки данных [9, с. 64–65; 13, с. 562–564]. Вместе с тем их использование связано с существенными правовыми рисками, особенно в случаях, когда в такие сервисы загружаются сведения, имеющие коммерческую ценность и охраняемые в режиме конфиденциальности [4, с. 291].

Особую проблему представляет использование открытых ИИ-сервисов, доступных через публичный веб-интерфейс или личный аккаунт работника. В предпринимательской практике такие сервисы нередко воспринимаются как обычный технический инструмент, сопоставимый с текстовым редактором или поисковой системой. Однако с правовой точки зрения передача информации в открытый ИИ-сервис означает вывод сведений за пределы контролируемой информационной среды организации и их предоставление провайдеру соответствующей информационной системы. В научной литературе уже обращается внимание на то, что использование нейронных сетей способно создавать риски для конфиденциальной информации и персональных данных, особенно при отсутствии ясной договорной и организационной модели их обработки [4, с. 291–292]. Именно это обстоятельство имеет принципиальное значение для оценки соблюдения режима коммерческой тайны.

Режим коммерческой тайны, регламентированный Федеральным законом от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [6]. В условиях цифровой экономики коммерчески значимая информация всё чаще существует в цифровой форме, что изменяет практические способы её оборота, хранения и защиты [12, с. 86–88].

В соответствии со ст. 10 Федерального закона «О коммерческой тайне» обладатель информации должен определить перечень сведений, составляющих коммерческую тайну, ограничить доступ к ним, установить порядок обращения с такой информацией и контроль за его соблюдением, учитывать лиц, получивших доступ к сведениям,

урегулировать отношения с работниками и контрагентами, а также наносить гриф «Коммерческая тайна» на материальные носители или включать его в состав реквизитов документов [6]. Следовательно, правовое значение имеет фактическая организация порядка доступа к информации, её использования, передачи, хранения и контроля. В современной доктрине также подчёркивается, что в цифровой среде формальные и организационные меры обладателя информации приобретают особое значение для подтверждения существования режима коммерческой тайны [12, с. 90–93].

Использование открытых ИИ-сервисов осложняет соблюдение указанных требований. При обычной модели обращения с конфиденциальной информацией организация определяет круг допущенных лиц, правила работы с документами, порядок передачи сведений контрагентам, условия хранения файлов и способы контроля доступа. При использовании открытого ИИ-сервиса сведения фактически передаются в информационную систему, находящуюся под контролем внешнего провайдера. Такой провайдер самостоятельно определяет условия приема, хранения, обработки, удаления и возможного дальнейшего использования пользовательского ввода, а также условия привлечения подрядчиков, аффилированных лиц и инфраструктурных поставщиков. Указанный риск согласуется с общим выводом о том, что цифровизация создает новые способы утечки коммерчески ценной информации и требует пересмотра организационных мер её охраны [5, с. 97–99].

Техническая специфика искусственного интеллекта имеет значение лишь в той мере, в какой она влияет на правовую квалификацию передачи информации. В исследованиях, посвященных системам обработки естественного языка, справедливо отмечается, что такие технологии непосредственно связаны с обработкой данных, включая данные, способные относиться к персональным [3, с. 123–127]. Поэтому юридически значимым становится факт передачи информации провайдеру, который выступает самостоятельным участником отношений по обработке данных.

Искусственный интеллект сам по себе не является субъектом гражданского права и не может рассматриваться как лицо, которому стала известна коммерческая тайна. Однако ИИ-сервис функционирует через провайдера — юридическое лицо или группу лиц, определяющих условия обработки пользовательского ввода. Поэтому при загрузке сведений, составляющих коммерческую тайну, ин-

формация раскрывается провайдеру как третьему лицу по отношению к обладателю коммерческой тайны. Данный вывод сохраняет значение даже тогда, когда конкретный работник провайдера непосредственно не знакомится с содержанием переданного документа. В этом смысле проблема связана не с признанием искусственного интеллекта самостоятельным субъектом права, а с правовым режимом данных и действиями лиц, обеспечивающих функционирование соответствующей цифровой системы [13, с. 568–572].

В связи с этим необходимо разграничивать две ситуации. В первой обладатель коммерческой тайны сам принимает решение использовать определенный ИИ-сервис, заключает договор с провайдером, проверяет условия обработки данных, устанавливает внутренние правила работы с сервисом и включает такой способ обработки информации в общий режим конфиденциальности. Во второй работник или контрагент самостоятельно загружает охраняемые сведения в открытый ИИ-сервис через личный аккаунт, без согласия обладателя информации и без договорных гарантий со стороны провайдера. Во втором случае возникают основания говорить о нарушении установленного порядка обращения с коммерческой тайной. Научная литература также указывает на значимость договорного регулирования и организационных ограничений при использовании нейросетевых сервисов, поскольку именно они позволяют заранее определить допустимые пределы обработки конфиденциальной информации [4, с. 292].

Если сведения были загружены во внешний ИИ-сервис, юридически значимым становится вопрос о том, получил ли провайдер доступ к информации как третье лицо и было ли такое предоставление согласовано с обладателем. Отсутствие публичного распространения сведений или их последующего воспроизведения в ответах модели само по себе не исключает нарушения режима коммерческой тайны, если установленный порядок обращения с информацией запрещал такую передачу.

Дополнительное значение имеет то, что сведения, загружаемые в ИИ-сервисы, нередко содержат персональные данные клиентов, работников, контрагентов, пользователей, должников или иных физических лиц. В таких случаях организация выступает оператором персональных данных, а передача сведений внешнему ИИ-провайдеру должна оцениваться с учетом Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [7]. Если опе-

ратор поручает обработку персональных данных другому лицу, такое поручение должно быть оформлено на основании договора или иного предусмотренного законом основания. В нем должны быть определены перечень персональных данных, действия с ними, цели обработки, обязанность соблюдать конфиденциальность и требования к защите данных. Проблема усиливается тем, что обработка персональных данных с использованием искусственного интеллекта требует специального внимания к обезличиванию, согласию субъекта и гарантиям правомерности обработки [8, с. 70–73].

Использование открытого ИИ-сервиса через личный аккаунт работника, как правило, не соответствует модели надлежащего поручения обработки персональных данных. В такой ситуации отсутствуют согласованные цели обработки, перечень допустимых операций, требования к удалению данных, порядок подтверждения мер безопасности, механизм контроля субподрядчиков и распределение ответственности между оператором и лицом, осуществляющим обработку. Если обработка поручается иностранному лицу, дополнительно возникают риски, связанные с трансграничной передачей данных. Поэтому загрузка в ИИ-сервис документов, содержащих коммерческую тайну и персональные данные, формирует комплексный правовой риск. На это указывают и исследования в сфере машинного обучения, где обработка конфиденциальных сведений рассматривается как один из ключевых рисков внедрения таких технологий [2, с. 67–70].

Гражданско-правовые последствия нарушения зависят от характера переданных сведений, статуса нарушителя и наступивших последствий. Если работник передает во внешний ИИ-сервис коммерческую тайну работодателя, такое поведение может рассматриваться как нарушение трудовых обязанностей и локального режима конфиденциальности [11]. Если аналогичные действия совершает контрагент, получивший доступ к сведениям на основании гражданско-правового договора или соглашения о конфиденциальности, речь может идти о ненадлежащем исполнении договорной обязанности по сохранению конфиденциальности. Если организация сама передает в ИИ-сервис сведения, составляющие коммерческую тайну её контрагента, риск ответственности возникает уже перед этим контрагентом.

Для предпринимательской деятельности особое значение имеет гражданско-правовая ответственность, которая предусмотрена за

нарушение режима коммерческой тайны. В соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, право которого нарушено, вправе требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Убытки включают реальный ущерб и упущенную выгоду. По ст. 393 ГК РФ должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства [1]. При оценке таких требований учитываются также разъяснения постановления пленума Верховного суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 [10].

Применительно к использованию ИИ-сервисов компания может быть привлечена к гражданско-правовой ответственности, если вследствие передачи коммерчески значимых сведений внешнему провайдеру произошло нарушение договорной обязанности по сохранению конфиденциальности, утрата исключительности информации, ослабление конкурентной позиции контрагента, срыв сделки, потеря клиента, раскрытие ценовой модели, клиентской базы, условий коммерческого предложения, технологического решения или иной информации, имеющей экономическую ценность. Убытки могут выражаться в расходах на восстановление нарушенного режима, проведение внутреннего расследования, техническую экспертизу и правовую защиту, а также в упущенной выгоде, если потерпевшая сторона докажет неполученные доходы.

При этом нарушение режима коммерческой тайны и взыскание убытков имеют разные условия доказывания. Само нарушение установленного порядка обращения с информацией может иметь место уже тогда, когда работник или контрагент загружает закрытый документ во внешний сервис либо использует личный аккаунт для обработки конфиденциальных сведений. Однако взыскание убытков требует доказывания имущественных последствий, их размера и причинной связи между нарушением и наступившими потерями. Поэтому ввод сведений в ИИ-сервис может выступать нарушением режима обращения с информацией, а вопрос о возмещении убытков должен разрешаться отдельно. В этом аспекте особую роль играют заранее установленные правила обращения с коммерчески значимой информацией, поскольку именно они позволяют доказать, что соответствующее действие выходило за пределы разрешенного порядка обработки данных [12, с. 92–95].

Судебная практика по спорам, прямо связанным с загрузкой коммерческой тайны в открытые ИИ-сервисы, пока не получила устойчивого развития. В настоящее время споры о нарушении режима коммерческой тайны чаще связаны с передачей документов конкурентам, использованием клиентских баз бывшими работниками, пересылкой закрытых материалов на личную почту, нарушением условий соглашений о конфиденциальности или незаконным использованием сведений контрагентом. Однако отсутствие сформированной практики по ИИ-сервисам не снижает риска.

Существующие требования к охране конфиденциальности информации позволяют учитывать риски использования искусственного интеллекта, но требуют уточнения на уровне локальных актов и договоров. Организациям целесообразно прямо закреплять категории сведений, запрещенных к загрузке во внешние сервисы, перечень разрешенных корпоративных инструментов, порядок обезличивания информации, запрет использования личных аккаунтов для обработки конфиденциальных материалов, требования к согласованию новых сервисов и ответственность за нарушение установленного порядка. Отдельно следует проверять договорные условия провайдера: запрет использования клиентских данных для обучения модели, сроки хранения, порядок удаления данных, режим конфиденциальности, требования к информационной безопасности, условия привлечения субподрядчиков и механизм уведомления об инцидентах. Такой подход согласуется с выводом о необходимости комплексной настройки правового режима данных в условиях экономики данных и распространения перспективных цифровых технологий [13, с. 579–583].

Таким образом, использование открытых ИИ-сервисов в предпринимательской деятельности требует уточнения подходов к охране коммерческой тайны. Передача информации в информационную систему, контролируемую провайдером ИИ-сервиса, означает раскрытие такой информации третьему лицу и создает риск утраты контроля над порядком её хранения, обработки и дальнейшего использования. Если такой способ обращения с информацией не был разрешен обладателем коммерческой тайны, он может рассматриваться как нарушение установленного режима конфиденциальности. При этом предпринимательская ценность ИИ-инструментов не отменяет необходимости правового контроля: исследования внедрения генеративного ИИ в бизнес-среду также под-

чёркивают, что его применение должно сопровождаться оценкой рисков и организационными мерами предосторожности [9, с. 70–72].

В связи с этим меры по охране коммерческой тайны, предусмотренные ст. 10 Федерального закона «О коммерческой тайне», должны применяться с учетом новых технологических способов обращения с информацией [6]. Организациям необходимо заранее определять допустимые и недопустимые формы использования ИИ-сервисов, закреплять соответствующие правила в локальных актах, трудовых договорах, гражданско-правовых договорах и соглашениях о конфиденциальности, а также проверять условия обработки данных внешними провайдерами. Такой подход позволяет снизить риск разглашения коммерческой тайны, нарушения законодательства о персональных данных и последующего привлечения к гражданско-правовой ответственности, включая взыскание убытков и упущенной выгоды

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Дейко С. В. Актуальные аспекты защиты персональных данных в условиях внедрения технологий машинного обучения // Государственная служба. 2025. № 3(155). С. 67–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-zaschity-personalnyh-dannyh-v-usloviyah-vnedreniya-tehnologiy-mashinnogo-obucheniya> (дата обращения: 08.05.2026).

3. Ильин И. Г. Персональные данные в системах искусственного интеллекта: технология обработки естественного языка // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 1. С. 123–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personalnye-dannye-v-sistemah-iskusstvennogo-intellekta-tehnologiya-obrabotki-estestvennogo-yazyka> (дата обращения: 08.05.2026).

4. Мустаева Д. Р. Проблемы правовой защиты конфиденциальной информации и персональных данных при использовании нейронных сетей // Аграрное и земельное право. 2024. № 12(240). С. 291–292. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovoy-zaschity-konfidentsialnoy-informatsii-i-personalnyh-dannyh-pri-ispolzovanii-neyronnyh-setey> (дата обращения: 08.05.2026).

5. Нестеренко Е. А. Защита коммерческой тайны в условиях цифровизации: проблемы правового регулирования и перспективы развития // Экономика и право. XXI век. 2026. № 1. С. 97–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-kommercheskoy-tayny-v-usloviyah-tsifrovizatsii-problemy-pravovogo-regulirovaniya-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 08.05.2026).

6. О коммерческой тайне: федер. закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32. Ст. 3283.

7. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. Ч. 1, № 31. Ст. 3451.

8. Окишев Б. А. Особенности правовой охраны персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 2. С. 70–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-ohrany-personalnyh-dannyh-obrabatyvaemyh-s-ispolzovaniem-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 08.05.2026).

9. Пономаренко А. С. Внедрение генеративного искусственного интеллекта в бизнес-среду: сложности, тенденции и перспективы // Экономический вестник Донбасского государственного технического университета. 2024. № 19. С. 64–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta-v-biznes-sredu-slozhnosti-tendentsii-i-perspektivy> (дата обращения: 08.05.2026).

10. Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2016. № 5.

11. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. Ч. 1, № 1. Ст. 3.

12. Федоров П. Г. Формы проявления коммерческой тайны в цифровой экономике // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 1. С. 86–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-proyavleniya-kommercheskoy-tayny-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 08.05.2026).

13. Харитонов Ю. С., Савина В. С. Правовые вопросы внедрения перспективных технологий межотраслевого назначения в условиях экономики данных // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 4(66). С. 562–587. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-voprosy-vnedreniya-perspektivnyh-tehnologiy-mezhotraslevogo-naznacheniya-v-usloviyah-ekonomiki-dannyh> (дата обращения: 08.05.2026).

CIVIL LAW RISKS OF VIOLATING THE TRADE SECRET REGIME
WHEN USING PUBLICLY ACCESSIBLE AI SERVICES
IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Makarenko Denis Valerievich

4th year student,

North Caucasus branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice
Russian Federation, Krasnodar
den2756812@mail.ru

Korneeva Oksana Nikolaevna

Senior Lecturer,

North Caucasus branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice
Russian Federation, Krasnodar
korneeva.oksana2022@mail.ru

The article examines civil law risks arising from violations of the trade secret regime when publicly accessible AI services are used in entrepreneurial activity. The author analyzes situations in which an employee, a contractor or a business entity uploads commercially valuable and confidential information to an external AI service. Special attention is paid to the legal significance of transferring information to an AI service provider, the distinction between technical data processing and the legal fact of disclosure to a third party, as well as the relationship between a breach of the internal trade secret regime and subsequent civil liability. The article also considers risks related to personal data, contractual confidentiality obligations, proof of damages and the need to establish special rules for using AI services in internal corporate regulations and contracts. The author concludes that preventive regulation of AI service use is necessary for protecting trade secrets in business practice.

Keywords: trade secret, artificial intelligence, AI services, entrepreneurial activity, confidential information, civil liability, damages, personal data, contractual liability, internal regulations, digital transformation, AI service provider.

РЕФОРМА КАССАЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ

© **Матвеева Анастасия Игоревна**

студентка 3-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

nastyamat6@gmail.com

© **Матвеева Анна Игоревна**

студентка 3-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

anutamat6@gmail.com

Научный руководитель

Балдаева Римма Александровна

кандидат биологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

brimma72@mail.ru

В данной статье рассматривается кассационная реформа 2026 г. Проводится сравнительный анализ данной реформы с реформой 2018 г. Рассматриваются основные изменения в кассационном производстве, которые начали действовать с 10 мая 2026 г. Приводятся аргументы Верховного суда Российской Федерации, обосновывающие введение данных изменений, а также нами опровергаются эти аргументы. Также нами были выявлены риски, возникающие при реализации реформы кассационного обжалования. Приведена статистика процента удовлетворения кассационных жалоб до проведения реформы 2018 и после неё и сделан вывод, что новая реформа возвращает судебную систему к старой модели, действовавшей до 2018 г. Также нами предложены изменения, которые, на наш взгляд, будут более эффективными для развития кассационного производства и судебной системы в целом.

Ключевые слова: реформа, кассационное обжалование, суд субъекта РФ, кассационная жалоба, мировой судья, районный суд, изменения, судебная практика, риски, Верховный суд Российской Федерации.

Кассационная инстанция в гражданском процессе Российской Федерации является важным механизмом исправления судебных ошибок и обеспечения единообразия судебной практики.

Данный институт уже был реформирован в 2018–2019 гг. 29 июля 2018 г. вступил в законную силу ФКЗ № 1-ФКЗ «О внесении изменений в федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»¹, а 1 октября 2019 г. девять новых кассационных судов общей юрисдикции начали работу [1, с. 40]. Таким образом, были решены такие проблемы, как запутанность путей обжалования для граждан, перегруженность судов и сомнения в объективности судов, когда апелляционная и кассационная инстанции находились в одном и том же суде субъекта Российской Федерации (далее — суд субъекта РФ).

Однако спустя почти восемь лет кассационная инстанция вновь претерпела изменения. 9 апреля 2026 г. вступил в силу ФЗ № 79-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации»². В Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации³ (далее — ГПК РФ) была введена новая глава 40.1 «Производство в президиуме верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа». Данные изменения распространяются на кассационные жалобы, поданные с

¹Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31.

²Федеральный закон от 9.04.2026 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 15.

³Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46.

10 мая 2026 г. [2] Для тех жалоб, которые были поданы ранее указанной даты, действуют прежние правила.

Основным изменением является то, что кассационные жалобы на приказы, решения и определения мировых судей, вступившие в законную силу, а также кассационные жалобы на определения районных судов, принятые ими в качестве суда апелляционной инстанции, теперь должны быть поданы не в кассационный суд общей юрисдикции, как было до вступивших изменений, а в президиум суда субъекта РФ. Например, до того, как вступили изменения, кассационная жалоба на апелляционное определение Советского районного суда г. Улан-Удэ рассматривалась в Восьмом кассационном суде общей юрисдикции г. Кемерово, теперь же, данная кассационная жалоба будет рассматриваться президиумом Верховного суда Республики Бурятия.

Для указанной группы дел возрождается практика «выборочной кассации», которая действовала до реформы 2018 г. — судья субъекта РФ должен будет предварительно проверить кассационную жалобу и решить, достаточны или нет основания для пересмотра дела. Судья отказывает в передаче дела на рассмотрение президиума, если посчитает, что кассационная жалоба является необоснованной.

Необходимо отметить, что в случае, если лицо, участвующее в деле, будет не согласно с решением, которое примет президиум суда субъекта РФ, оно сохраняет право на обращение непосредственно в Верховный суд Российской Федерации, но после кассации регионального уровня [5].

Необходимость данной реформы Верховный суд Российской Федерации обосновал несколькими аргументами в пояснительных записках к законопроекту о данных изменениях.

Первым аргументом является то, что данная реформа повысит территориальную доступность правосудия для граждан. То есть гражданам будет удобнее участвовать в судебных заседаниях, если суд, в котором рассматривается кассационная жалоба, будет находиться в том же регионе, где они проживают. Это позволит участвовать гражданам в судебном процессе без значительных затрат на транспорт и сократит их время. Однако данный аргумент является спорным, так как, по общему правилу, кассационные жалобы на судебные акты мировых судей в кассационных судах общей юрисдикции слушаются сейчас без вызова сторон, а если заседание

назначается, то может быть применена система видео-конференц-связи или система веб-конференции, которые позволяют участвовать в заседаниях посредством использования компьютерных или мобильных устройств.

Вторым аргументом в пояснительной записке называют обеспечение процессуального контроля со стороны региональных судов за качеством правосудия, осуществляемого мировыми судьями. То есть эта реформа призвана устранить дисбаланс, который существует из-за того, что суды субъектов РФ участвуют в штатном комплектовании мировой юстиции, участвуют в повышении квалификации и аттестации мировых судей, в иных мероприятиях организационного характера, отвечают за качество правосудия в регионе, осуществляемого мировыми судьями, но не наделены полномочиями по процессуальному контролю за законностью решений мировых судей и, соответственно, лишены возможности обобщения судебной практики мировых судей. Этот аргумент в какой-то степени является уместным, но не является решающим при введении данных изменений. Это может привести к тому, что буде не российское правосудие, законность и единообразная судебная практика всей Российской Федерации, а судебная практика и правосудие отдельного региона. Особенно это может повлиять на те регионы, в которых традиции и обычаи имеют большое значение в формировании судебной практики, что приведёт к её ещё большей разрозненности.

В качестве ещё одного аргумента упоминается то, что данные изменения законодательства позволят также сократить процессуальные сроки и издержки, возмещаемые за счёт средств федерального бюджета, и уменьшить нагрузку на кассационные суды общей юрисдикции [4]. В опровержение этого аргумента можно отметить, что нагрузка на одного судью в кассационных судах общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел — примерно 25 жалоб в месяц, а средняя нагрузка одного мирового судьи, по данным судебного департамента, в год составляет примерно 550 дел. В связи с этим можно сделать вывод, что нагрузка на судей кассационных судов общей юрисдикции не является настолько существенной, чтобы ставить вопрос о снижении их нагрузки и перераспределении её на суды субъектов РФ.

Проведя анализ всего вышесказанного, мы вывели некоторые риски, которые могут возникнуть в ходе реализации реформы кассационного обжалования.

Во-первых, это риск снижения доступности правосудия в широком смысле. Порядок «выборочной кассации», когда сначала судья будет проверять кассационную жалобу на наличие или отсутствие оснований для пересмотра дела, а только потом передавать дело на рассмотрение президиума суда субъекта РФ, может привести к снижению шансов на пересмотр. Напротив, процент отмен в порядке «сплошной кассации» в кассационных судах общей юрисдикции был более высок даже без вызова сторон, например, как указано в пояснительной записке к законопроекту о данных изменениях, процент отмен судебных актов мировых судей превысил 20% только за 2024 г.

Также можно отметить, что по данным исследования, проведённого на основе статистике Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, до реформы 2018 г. показатель вероятности удовлетворения кассационных жалоб составлял примерно 4%, а после начала работы кассационных судов общей юрисдикции — около 12,5% [3, с. 320]. Таким образом, можно сделать вывод, что такая система была эффективной и процент удовлетворения кассационных жалоб увеличился в три раза, что повышает доступность и справедливость правосудия, а также укрепляет гарантии прав граждан.

Во-вторых, это риск появления «региональной вертикали» судебной практики. Президиумы судов субъектов РФ, вероятнее всего, будут склоняться к тому, чтобы оставить судебный акт суда своего региона без изменений. Это приведёт к уменьшению уровня исправления ошибок в кассационной инстанции. Исходя из этого, так как у граждан сохраняется право обращения в Верховный суд Российской Федерации после рассмотрения их кассационной жалобы президиумом суда субъекта РФ, что приведёт к увеличению нагрузки на Верховный суд Российской Федерации.

Ещё одним риском является риск расхождения судебной практики в регионах. В связи с тем, что будет отсутствовать единый центр кассационного контроля для нескольких регионов, появятся расхождения в толковании норм права судами различных регионов и, соответственно, не будет единообразной судебной практики на всей территории Российской Федерации.

Также перераспределение нагрузки на суды субъектов РФ приведёт к дополнительному объёму дел без значительного увеличения штата суда, что может повлиять на нехватку времени и качество рассмотрения кассационных жалоб.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что реформа кассационного обжалования 2026 г. порождает значительные споры в развитии российского гражданского процесса. Она, с одной стороны, призвана решить проблемы удалённости кассационных судов и недостаточного контроля за работой мировых судей. Однако, с другой стороны, реформа возвращает систему к неэффективной модели, существовавшей до 2018 г., что подтверждается статистикой удовлетворения кассационных жалоб.

После тщательного анализа всех изменений и сопутствующих рисков, мы пришли к выводу, что вносить изменения в порядок кассационного обжалования нецелесообразно. Действующие нормы, введённые в 2018 г., и сохраняющие юридическую силу до 10 мая 2026 г., уже показали свою эффективность. Они способствуют более справедливому и доступному правосудию, обеспечивают единство судебной практики по всей России, делают систему кассационного обжалования более оптимизированной и надёжно защищают права граждан.

Хотя изменения 2026 г. призваны устранить некоторые недостатки существующей судебной системы, например, удалённость кассационных судов и недостаточный контроль региональных судов за работой мировых судей, мы полагаем, что они нецелесообразны по сравнению с прежней системой. Вместо этого мы предлагаем не внедрять эти нововведения, а усовершенствовать действовавшую систему. Этого можно достичь путём улучшения технической оснащённости кассационных судов для проведения судебных заседаний в режиме веб-конференц-связи и веб-конференций. Такой подход позволит решить проблему территориальной удалённости кассационных судов от большинства участков мировых судей и районных судов, а также избежать рисков, связанных с реформой кассационного обжалования 2026 г., включая снижение доступности правосудия, формирования «региональной вертикали» судебной практики и её расхождение по регионам.

Литература.

1. Бычкова В. В., Коростелева Ю. А. Обособленные кассационные суды в системе судов общей юрисдикции: первые итоги масштабной судебной реформы // Вестник экономики и права. 2020. № 45. С. 36–45.

2. КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/93568.html?ysclid=mp2jj7v33t182814311>.

3. Кульчиков Д. Е., Кузьменков В. А. Квинтэссенция судопроизводства в кассационных судах общей юрисдикции: эффективность реформы и направления модификации производства // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2025. № 2. С. 302–322.

4. Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1136694-8>.

5. Элкод: сайт. URL: <https://www.elcode.ru/service/news/obzory-zakonodatelstva-dlya-sudey/s-10-maya-2026-goda-vvoditsya-novyuy-poryadok-kassa>.

REFORM OF CASSATION APPEAL

Matveeva Anastasia Igorevna

3rd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

nastyamat6@gmail.com

Matveeva Anna Igorevna

3rd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

anutamat6@gmail.com

Baldaeva Rimma Aleksandrovna

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

brimma72@mail.ru

This article examines the cassation reform of 2026. It provides a comparative analysis of this reform with the reform of 2018. It examines the main changes in cassation proceedings that came into effect on May 10, 2026. The article presents the arguments of the Supreme Court of the Russian Federation justifying the introduction of these changes, and we also refute these arguments. We also identified the risks that arise during the implementation of the cassation reform. The article provides statistics on the percentage of cassation appeals that were granted before and after the 2018 reform, and concludes that the new

reform returns the judicial system to the old model that was in place before 2018. The article also proposes changes that we believe will be more effective for the development of cassation proceedings and the judicial system as a whole.

Keywords: reform, cassation appeal, court of a constituent entity of the Russian Federation, cassation complaint, magistrate judge, district court, changes, judicial practice, risks, Supreme Court of the Russian Federation.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

© **Нечепай Вячеслав Владимирович**

студент 3-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

slavanechepay05@gmail.com

Научный руководитель

Чмелева Татьяна Анатольевна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

tschmelewa@mail.ru

В статье анализируется институт возмещения морального вреда в российском гражданском праве. Автор акцентирует внимание на фундаментальном различии терминов «возмещение» и «компенсация», показывая, что данная дилемма отражает принципиальную невозможность точной имущественной оценки неимущественных страданий. Основной целью работы является выявление и анализ ключевых проблем правоприменения, связанных с отсутствием законодательно закреплённой методики определения размера компенсации. В статье детально рассматриваются закреплённые в Гражданском кодексе РФ критерии (степень страданий, вина, принципы разумности и справедливости), демонстрируется их неопределённость и следующая из неё противоречивость судебной практики. Обосновывается необходимость внедрения единообразного подхода к расчету компенсации. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства, включая разработку методики с установлением базовых сумм и корректирующих коэффициентов, что направлено на повышение предсказуемости судебных решений и укрепление гарантий защиты нематериальных благ граждан.

Ключевые слова: моральный вред, возмещение, компенсация, физические страдания, нравственные страдания, нематериальные блага, критерии определения размера, разумность, справедливость, судебное усмотрение, методика расчета, унификация судебной практики.

Едва ли не первым вопросом, с которым сталкивается исследователь, обращаясь к теме ответственности за причинение страданий,

становится дилемма: корректно ли говорить о «возмещении» морального вреда или единственно верным термином является «компенсация»? На первый взгляд, это может показаться сугубо лингвистическим спором. Однако в действительности данное противопоставление отражает глубинную правовую проблему — принципиальную невозможность восстановить нарушенную неимущественную сферу потерпевшего по аналогии с имущественной, где работает классический принцип полного возмещения убытков.

Термин «возмещение» в гражданском праве традиционно связывается с восстановлением в натуре или денежной оценкой именно имущественных потерь, с приведением имущественной сферы лица в то состояние, в котором она находилась до правонарушения¹. Когда же речь заходит о боли, унижении, страхе или душевных переживаниях, становится очевидным, что никакая денежная сумма не способна «стереть» пережитое и вернуть человека к исходному эмоциональному состоянию. Именно поэтому законодатель, формулируя нормы об ответственности за причинение физических и нравственных страданий, последовательно использует в ст. 151, 1099–1101 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) термин «компенсация»². Этот выбор в полной мере отражает правовую природу данного института: выплата предоставляется не в качестве эквивалента причинённых страданий (которые в принципе неисчислимы), а как способ сгладить их негативные последствия, предоставив потерпевшему некий имущественный эквивалент для получения иных благ. Вместе с тем, термин «возмещение» продолжает использоваться как обобщающий в доктрине и даже в наименовании § 4 главы 59 ГК РФ, именуемой «Компенсация морального вреда», что создаёт известную терминологическую напряжённость. А. М. Эрделевский, один из наиболее авторитетных исследователей

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.05.2026). Ст. 15.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.05.2026).

данного института, неоднократно обращал внимание на то, что смешение этих понятий способно исказить представление о функциях и целях денежной выплаты за неимущественные страдания [2, с. 51].

Конституционной основой рассматриваемого института выступают положения ст. 2, 21, 23 и 53 Конституции Российской Федерации¹. Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, Конституция устанавливает право на охрану достоинства личности, неприкосновенность частной жизни, защиту чести и доброго имени. Одновременно ст. 53 гарантирует каждому право на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействием) органов власти и должностных лиц. Эти конституционные императивы образуют базис, на котором выстраивается вся система гражданско-правовой защиты нематериальных благ, включая нормы о компенсации морального вреда. Таким образом, исследуемый институт не просто часть гражданского законодательства, а одно из проявлений общеправового принципа уважения человеческого достоинства.

Ст. 151 ГК РФ закрепляет, что под моральным вредом понимаются физические или нравственные страдания, причинённые гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага². Спектр таких благ очерчен в ст. 150 ГК РФ и включает жизнь, здоровье, достоинство, личную неприкосновенность, честь, деловую репутацию, частную жизнь и иные. Уже из этого перечня видно, что защите подлежат ценности, не имеющие рыночной стоимости, а значит, и сам механизм их защиты по своей сути тяготеет к компенсационной, а не к восстановительной модели.

Исследуемый институт выполняет в гражданском обороте ряд ключевых функций, которые также находят отражение в дискуссии о его наименовании. Если компенсаторная, охранительная и социальная функции раскрывают позитивный потенциал института, то штрафная функция, выражающаяся в имущественном воздействии на правонарушителя для предупреждения новых нарушений, сбли-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.05.2026).

² ГК РФ (часть первая). Ст. 151.

жает его с мерами ответственности. По замечанию А. М. Эрделевского, моральный вред выполняет не только компенсаторную, но и штрафную функцию, направленную на утешение потерпевшего [2, с. 51].

Основанием для возникновения права на компенсацию служит полный состав правонарушения, включающий наличие физических или нравственных страданий, противоправное действие (бездействие) причинителя, причинно-следственную связь и, по общему правилу, вину¹. При этом закон прямо устанавливает закрытый перечень случаев, когда ответственность наступает независимо от вины причинителя: вред жизни или здоровью, причинённый источником повышенной опасности; вред в результате незаконного осуждения или привлечения к уголовной ответственности; вред, причинённый распространением сведений, порочащих честь и достоинство². Моральный же вред, являющийся следствием нарушения исключительно имущественных прав, компенсируется лишь когда это прямо предписано законом, что служит сдерживающим фактором от необоснованного расширения сферы применения института.

Однако центральной и наиболее болезненной проблемой остаётся не установление оснований ответственности, а определение итоговой суммы компенсации. Действующие нормы предлагают суду ориентироваться на ряд оценочных критериев: характер и степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего; степень вины причинителя; фактические обстоятельства дела; а также абстрактные требования разумности и справедливости³. Очевидно, что все перечисленные критерии не имеют и не могут иметь строгого юридического содержания. И. В. Афанасьев и Н. А. Морозов, анализируя правоприменительную практику, подчёркивают, что отсутствие формализованных ориентиров превращает процесс определения компенсации в «судебную лотерею» [1, с. 77].

Попытку внести большую определённости предпринял Верховный суд РФ, издав постановление пленума «О практике применения

¹ ГК РФ (часть вторая). Ст. 1099.

² ГК РФ (часть вторая). Ст. 1100.

³ ГК РФ (часть первая). Ст. 151; ГК РФ (часть вторая). Ст. 1101.

судами норм о компенсации морального вреда»¹. В нём разъясняется необходимость учёта не только тяжести страданий, но и поведения самого потерпевшего, а также материального положения гражданина-причинителя вреда. Однако, по нашему убеждению, и эти разъяснения не решают проблему, поскольку не предлагают методики расчета, оставляя решение исключительно на внутреннее убеждение судьи. Авторитетные цивилисты констатируют, что размер компенсации за схожие травмы может отличаться в десятки раз в зависимости от региона и конкретного судьи [1, с. 77]. В результате подрывается не только компенсаторная и превентивная функции института, но и авторитет судебной власти в целом.

В доктрине активно обсуждаются пути выхода из сложившегося «методологического вакуума». Наиболее перспективным видится предложение о законодательном закреплении методики, которая сочетала бы в себе базовые суммы компенсации для типовых нарушений (например, причинение лёгкого или средней тяжести вреда здоровью) с системой корректирующих коэффициентов, учитывающих индивидуальные особенности дела [2, с. 215]. А. М. Эрделевский детально обосновывает, что именно такой подход способен обеспечить баланс между унификацией практики и сохранением гибкости судебного усмотрения [2, с. 215].

Другим, не менее важным направлением, должна стать объективизация процесса доказывания. Более широкое использование судебно-психологических и судебно-медицинских экспертиз для установления характера, глубины и продолжительности страданий позволило бы перевести оценку из области догадок и субъективных впечатлений в плоскость доказательственного права, что также способствовало бы унификации и мотивированности судебных актов.

Таким образом, проанализировав отраслевые источники, труды учёных-юристов и материалы судебной практики, можно заключить, что конституционная природа права на защиту нематериальных благ предопределяет необходимость особенно бережного подхода к механизмам его реализации. Дилемма «возмещение» или «компенсация» — не схоластический спор, а ключ к пониманию сущности института: денежная выплата за моральный вред всегда

¹ Постановление пленума Верховного суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.05.2026).

остается компенсацией, не способной «возместить» утраченное душевное равновесие. Именно поэтому, как убедительно показано в работах И. В. Афанасьева, Н. А. Морозова и А. М. Эрделевского, главные усилия юридической науки и законодателя должны быть направлены на совершенствование механизма расчёта размера компенсации [1, с. 77; 2, с. 215]. Для повышения эффективности института представляется целесообразным: во-первых, разработать и нормативно закрепить методику расчёта с базовыми суммами и корректирующими коэффициентами; во-вторых, на уровне пленума Верховного суда РФ детализировать критерии для отдельных, наиболее распространённых категорий дел; в-третьих, стимулировать расширение практики назначения экспертиз для объективизации страданий. Реализация этих мер укрепит гарантии защиты неимущественных прав и повысит доверие граждан к правосудию.

Литература

1. Афанасьев И. В., Морозов Н. А. Компенсация морального вреда: теория, проблемы практики правоприменения и пути их преодоления // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 3. С. 75–81.
2. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Волтерс Клувер, 2024. 320 с.

COMPENSATION FOR MORAL HARM

Nechepai Vyacheslav Vladimirovich
3rd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
slavanechepay05@gmail.com

Tatiana Anatolyevna Chmeleva
Senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
tschmelewa@mail.ru

The article analyzes the institution of compensation for moral harm in Russian civil law. The author focuses on the fundamental difference between the terms «reimbursement» and «compensation», showing that this dilemma reflects the fundamental impossibility of an accurate property assessment of non-property suffering. The main goal of the work is to identify and analyze the key law enforcement problems associated with the lack of a legally established methodology for determining the amount of compensation. The article examines in detail the criteria enshrined in the Civil Code of the Russian Federation (the degree of suffering, guilt, principles of reasonableness and fairness), demonstrates their uncertainty and the consequent inconsistency of judicial practice. The necessity of introducing a unified approach to the calculation of compensation is substantiated. Specific measures are proposed to improve legislation, including the development of a methodology with the establishment of base amounts and adjustment coefficients, which is aimed at increasing the predictability of court decisions and strengthening guarantees for the protection of intangible benefits of citizens.

Keywords: moral harm, reimbursement, compensation, physical suffering, mental suffering, intangible benefits, criteria for determining the amount, reasonableness, fairness, judicial discretion, calculation methodology, unification of judicial practice.

**ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

© Никулина Ника Михайловна

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

vesnmx@mail.ru

Научный руководитель

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru

Статья посвящена исследованию правового статуса животных в российском гражданском праве в контексте двух актуальных проблем: учащающихся нападений собак на граждан и содержание диких животных в многоквартирных домах. Анализируется действующее законодательство, статистические данные о росте числа инцидентов, судебная практика и пробелы в правовом регулировании. Особое внимание уделяется вопросу признания животных источником повышенной опасности, механизмам гражданско-правовой ответственности владельцев и эффективности запретов на содержание отдельных видов животных. Предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства, направленные на обеспечение безопасности граждан и защиту интересов всех участников правоотношений.

Ключевые слова: животные, объект гражданского права, источник повышенной опасности, нападение собак, дикие животные, гражданско-правовая ответственность, многоквартирные дома.

Гражданский кодекс Российской Федерации определяет правовой статус животных через призму имущественных отношений. Согласно ст. 137 ГК РФ, к животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное. Данная норма устанавливает особый правовой режим: животное признается объектом гражданских прав,

однако законодатель оговаривает запрет на жестокое обращение, противоречащее принципам гуманности¹.

Дискуссия о природе правового статуса животных не утихает в научной среде. Ряд исследователей указывают на противоречивость позиции законодателя, который, с одной стороны, приравнивает животных к имуществу, а с другой — устанавливает специфические требования к обращению с ними, несвойственные обычным вещам [1, с. 45–47]. Впрочем эта двойственность отражает сложную природу самого объекта регулирования.

Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» (далее — Закон № 498-ФЗ) внес существенные коррективы в правовое регулирование отношений, связанных с содержанием животных. Закон закрепил принципы ответственного обращения, установил требования к содержанию и использованию животных, определил полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в данной сфере². Однако правоприменительная практика выявила серьезные пробелы в механизмах реализации этих норм.

Особенность правового режима животных проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, животные как объекты не могут быть полностью подконтрольны человеку в силу своей биологической природы — инстинктов, рефлексов, непредсказуемости поведения. Во-вторых, законодательство устанавливает дифференцированный подход к различным категориям: диким в состоянии естественной свободы, диким в неволе, домашним, сельскохозяйственным, лабораторным, служебным [2, с 112–114]. Каждая категория обладает специфическим набором правил содержания и использования, что усложняет правоприменение.

Существенной проблемой остается отсутствие в ГК РФ четкого определения животного как самостоятельного объекта гражданских прав. Ст. 128 ГК РФ, устанавливающая перечень объектов граждан-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (ч. 1). Ст. 8424.

ских прав, прямо не упоминает животных, что создает определенную коллизию со ст. 137 ГК РФ.

Статистика последних лет свидетельствует о кризисной ситуации в сфере безопасности граждан от нападений собак. По данным Следственного комитета Российской Федерации, с 2022 по 2024 г. количество уголовных дел, возбужденных по фактам нападений собак, выросло в 6,5 раз: в 2022 г. было возбуждено 78 дел, в 2023 — 185, в 2024 — 408¹. Роспотребнадзор сообщает, что в 2024 г. 237 тыс. человек обратились за медицинской помощью из-за укусов собак, что лишь на 0,9% меньше показателя 2023 г.²

Причины роста количества инцидентов многофакторны. К ним относятся безответственное отношение владельцев к содержанию животных, отсутствие обязательного чипирования и регистрации, недостаточная эффективность программ отлова и стерилизации безнадзорных животных, низкая правовая грамотность населения. Программа «отлов-стерилизация-вакцинация-возврат» (ОСВВ), действующая во многих регионах с 2016 г., не привела к ожидаемому снижению численности бездомных животных — напротив, в ряде городов их количество увеличилось [3, с. 28–30].

Серьезной правовой проблемой является определение субъекта ответственности за вред, причиненный собаками. Если животное имеет владельца, применяются нормы ст. 1064 ГК РФ о возмещении вреда, причиненного личности или имуществу гражданина. Владелец обязан возместить вред в полном объеме, если не докажет отсутствие своей вины. Однако на практике установить владельца нередко затруднительно — отсутствие единой системы регистрации и маркирования животных создает правовой вакуум.

Еще более сложная ситуация складывается с безнадзорными животными. Судебная практика демонстрирует отказы в удовлетворении исков потерпевших к органам местного самоуправления со ссылкой на отсутствие у последних статуса владельца животного и, соответственно, оснований для привлечения к гражданско-правовой

¹ СКР возбудил 408 дел о нападениях безнадзорных собак на людей в 2024 г. // 51news.ru. 26.03.2025. URL: <https://51news.ru/newsone/7385957/skr-vozbudil-408-del-o-napadeniyah-bezdomnyh-sobak-na-lyudej-v-2024-godu.html>

² В 2024 г. собаки покусали 237 000 человек // Ведомости. 25.02.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/25/1094190-v-2024-godu-sobaki-pokusali-237-000-chelovek> (дата обращения: 29.01.2026).

ответственности [4, с. 89–91]. Такой подход оставляет пострадавших без компенсации, несмотря на наличие вреда здоровью или имуществу.

Дискуссионным остается вопрос о признании собак (особенно отдельных пород) источником повышенной опасности по смыслу ст. 1079 ГК РФ¹. Данная норма устанавливает ответственность владельца источника повышенной опасности независимо от его вины. К источникам повышенной опасности традиционно относят транспортные средства, механизмы, электрическую энергию высокого напряжения, взрывчатые вещества. Домашние животные в этот перечень прямо не включены.

Между тем судебная практика неоднородна. В ряде случаев суды признавали собак бойцовских пород источником повышенной опасности, применяя ст. 1079 ГК РФ и возлагая на владельца обязанность по возмещению вреда независимо от вины [5, с. 56–58]. Однако такой подход не является общепринятым — многие суды продолжают применять ст. 1064 ГК РФ, требуя доказывания вины владельца.

Постановление правительства РФ от 29.07.2019 № 974 утвердило перечень потенциально опасных пород собак, к которым относятся акбаш, американский бандог, амбульдог, бразильский бульдог, булли кутта, бульдог алапахский чистокровный, бэндог и еще несколько пород. Владельцы таких собак обязаны выгуливать их исключительно в наморднике и на поводке независимо от места выгула. Однако санкции за нарушение этого требования до недавнего времени отсутствовали, что снижало эффективность регулирования.

Федеральный закон от 30.11.2024 № 440-ФЗ внес изменения в ст. 8.52 КоАП РФ, установив административную ответственность за нарушение требований к содержанию и выгулу животных. Размеры штрафов составляют: для граждан — от 1500 до 3000 рублей, для должностных лиц — от 5000 до 15000 рублей, для юридических лиц — от 15000 до 30000 рублей². Впрочем, эффективность этих мер еще предстоит оценить на практике.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (в ред. От 24.06.2025 г., с изм. от 16.12.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

² Ответственность владельцев собак за ущерб здоровью и имуществу граждан // HARANT. 2024. URL: <https://harant.ru/blog/vozmeshchenie-ushcherba/vozmeshchenie-vreda-prichinennogo-zdorovyu-grazhdanina-ili-ushherba-nanesennogo-ego-imushhestvu-sobakoj/> (дата обращения: 29.01.2026).

Другой актуальной проблемой является содержание диких и экзотических животных в городских квартирах. Популярность экзотических питомцев растет, однако условия многоквартирных домов зачастую не соответствуют биологическим потребностям таких животных, а их содержание создает угрозу для соседей.

Постановление Правительства РФ от 22.06.2019 № 795 утвердило перечень на 33 категорий животных, запрещенных содержанию. В него вошли крупные хищники (львы, тигры, леопарды, пумы, медведи), волки всех видов, обыкновенные лисы, рыси, ядовитые змеи (кобры, мамбы, гадюки определенных видов), крокодилы, крупные черепахи, ядовитые пауки и скорпионы, а также ряд других видов. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2025 № 1163-р переутвердило и расширило этот перечень до 121 вида, установив запрет до 1 сентября 2031 г.¹

Закон предусматривает исключения. Содержание и использование запрещенных животных допускается зоопарками, цирками, дельфинариями, океанариумами при наличии специальной лицензии; для научных и образовательных целей; для сохранения редких и исчезающих видов. Граждане, которые приобрели животных из перечня до 1 января 2020 г., имеют право содержать их до естественной смерти, но без права на разведение и реализацию потомства.

Проблема заключается в отсутствии эффективных механизмов контроля и ответственности за нарушение запрета. Ст. 8.52 КоАП РФ предусматривает административный штраф за содержание и использование животных, включенных в перечень запрещенных к содержанию: для граждан — от 15000 до 30000 рублей, для должностных лиц — от 30000 до 50000 рублей, для юридических лиц — от 50000 до 100000 рублей². Однако на практике выявление фактов нарушения затруднено — животные содержатся в частных помещениях, куда государственные контролеры не имеют свободного доступа [6, с. 203–205].

¹ Распоряжение правительства РФ от 08.05.2025 № 1163-р «Об утверждении перечня животных, запрещенных к содержанию» // ГАРАНТ.РУ. 13.05.2025.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 09.04.2026 г. с изм. от 29.04.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4979.

Ст. 22 Закона № 498-ФЗ предусматривает конфискацию диких животных, содержащиеся с нарушением установленных требований. Конфискованные животные передаются в приюты для животных, зоопарки или организации, осуществляющие деятельность по содержанию и использованию животных в культурно-зрелищных целях. Впрочем, система приютов и реабилитационных центров для диких животных развита недостаточно, что создает организационные трудности.

Содержание диких животных в многоквартирных домах порождает конфликты между соседями. Жильцы сталкиваются с шумом, запахами, риском побега животного и нападения на людей или домашних питомцев. Жилищный кодекс РФ в ст. 17 определяет, что жилое помещение предназначено для проживания граждан, а ст. 30 обязывает собственника использовать помещение по назначению и соблюдать права и законные интересы соседей. Нарушение этих требований может служить основанием для обращения в суд с требованием о прекращении действий, нарушающих права, или даже о принудительном изъятии животного [7, с. 167–169].

Судебная практика показывает, что споры о содержании экзотических животных рассматриваются через призму нарушения санитарно-эпидемиологических норм, жилищного законодательства, прав соседей. Однако отсутствие специализированных норм усложняет разрешение таких дел. Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего изменения законодательства, совершенствование правоприменительной практики и развитие институциональной инфраструктуры. Во-первых, представляется целесообразным законодательно закрепить в ст. 1079 ГК РФ определение источника повышенной опасности, включив в него животных, обладающих признаками неполной подконтрольности человеку и способных причинить вред. Необходимо прямо указать, что собаки потенциально опасных пород, служебные собаки, а также собаки, ранее проявлявшие агрессию, признаются источниками повышенной опасности. Это позволит применять к их владельцам безвиновную ответственность, что усилит превентивную функцию права и стимулирует владельцев к соблюдению повышенной осторожности [8, с. 78–80]. Во-вторых, следует ввести обязательную регистрацию и чипирование всех собак и кошек с созданием единой федеральной информационной системы. Такая мера позволит оперативно устанавливать владельцев животных при нападениях, от-

слеживать перемещение животных, контролировать выполнение обязанности по вакцинации. Опыт ряда европейских стран демонстрирует эффективность подобных систем. В-третьих, необходимость усилить административную ответственность за нарушения правил содержания потенциально опасных собак и животных из запрещенного перечня. Размеры штрафов должны быть увеличены до уровня, обеспечивающего реальное экономическое воздействие на нарушителей. Кроме того, следует предусмотреть возможность применения дополнительных санкций, таких как обязательное прохождение курса подготовки владельцев собак, временное изъятие животного до устранения нарушений. В-четвертых, требуется развитие системы приютов и реабилитационных центров для безнадзорных и конфискованных животных. Финансирование данной деятельности должно осуществляться из бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных бюджетов с возможностью привлечения частных инвестиций и благотворительных средств. Программа ОСВВ нуждается в существенной корректировке с учетом региональной специфики — в регионах с высокой плотностью населения возврат животных в среду обитания после стерилизации создает угрозу безопасности граждан. В-пятых, целесообразно ввести обязательное страхование гражданской ответственности владельцев собак потенциально опасных пород по аналогии с ОСАГО для владельцев транспортных средств. Это обеспечит гарантию возмещения вреда потерпевшим даже в случаях, когда владелец не обладает достаточными финансовыми ресурсами [9, с. 92–94]. В-шестых, необходимо разработать механизм привлечения к ответственности органов местного самоуправления за ненадлежащее исполнение полномочий по отлову безнадзорных животных. В случаях, когда нападение произошло в результате бездействия уполномоченных органов при наличии информации о скоплении агрессивных животных, должна наступать субсидиарная ответственность публичного образования. В-седьмых, в отношении диких животных следует усилить контроль на этапе приобретения и ввоза на территорию Российской Федерации. Необходимо установить обязанность продавцов и заводчиков проверять соответствие животного перечню запрещенных видов, а также информировать покупателей об особенностях содержания и требованиях законодательства. Ответственность за продажу запрещенных животных должна быть существенно ужесточена вплоть до уголовной.

Правовое регулирование статуса животных как объектов гражданских прав в Российской Федерации находится на стадии активного развития. Законодательство последних лет заметно расширило объем норм, регулирующих содержание и использование животных, установило принципы ответственного обращения, определило запреты и ограничения. Однако практика выявляет существенные пробелы в механизмах реализации этих норм.

Проблема нападений собак на граждан приобрела масштаб, требующий незамедлительного реагирования. Статистика демонстрирует многократный рост числа инцидентов, между тем правовые инструменты защиты потерпевших остаются недостаточно эффективными. Отсутствие единого подхода к определению правового режима собак как потенциальных источников повышенной опасности, пробелы в системе регистрации и идентификации животных, недостаточность административных санкций — все это препятствует обеспечению безопасности граждан.

Содержание диких животных в многоквартирных домах также порождает комплекс правовых проблем. Установленные запреты не подкреплены эффективными механизмами контроля и ответственности. Правоприменительная практика сталкивается с трудностями выявления нарушений, отсутствием специализированной инфраструктуры для размещения конфискованных животных, недостаточной правовой определенностью в разрешении конфликтов между соседями.

Предложенные меры по совершенствованию законодательства направлены на устранение выявленных пробелов. Законодательное закрепление признания определенных категорий животных источниками повышенной опасности, введение обязательной регистрации и чипирования, усиление административной ответственности, развитие системы приютов, внедрение обязательного страхования гражданской ответственности владельцев, установление ответственности органов местного самоуправления за ненадлежащее исполнение полномочий — эти меры в совокупности способны значительно повысить уровень правовой защиты граждан и обеспечить баланс интересов владельцев животных, потерпевших и общества в целом.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение зарубежного опыта правового регулирования содержания животных, анализ эффективности различных моделей ответственности владельцев, разработка экономически обоснованных механизмов страхования и компенсации вреда.

Литература

1. Богданова Е. А. Животные в отражении гражданско-правового регулирования и судебной практики: от овеществления к правосубъектности // Юридическая наука. 2020. № 3. С. 45–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhivotnye-v-otrazhenii-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-i-sudebnoy-praktiki-ot-oveschestvleniya-k-pravosubektnosti> (дата обращения: 29.01.2026).
2. Зими́на Н. В. Животные как объекты гражданских прав: актуальные вопросы // Вестник гражданского права. 2021. № 2. С. 112–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhivotnye-kak-obekty-grazhdanskikh-prav-aktualnye-voprosy> (дата обращения: 29.01.2026).
3. Иванова О. С., Петрова Л. К. О некоторых вопросах административно-правового регулирования деятельности по отлову, содержанию и регулированию численности безнадзорных животных // Административное право и процесс. 2024. № 4. С. 28–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-administrativno-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-po-otlovu-soderzhaniyu-i-regulirovaniyu-chislennosti/pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
4. Калинина М. А. Возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу граждан дикими животными: вопросы теории и практики // Гражданское право. 2019. № 6. С. 89–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-vreda-prichinennogo-zhizni-zdorovyu-i-imuschestvu-grazhdan-dikimi-zhivotnymi-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 29.01.2026).
5. Киселева А. П. Животное как источник повышенной опасности (гражданско-правовой аспект) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 56–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhivotnye-kak-istochnik-povyshennoy-opasnosti-grazhdansko-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 29.01.2026).
6. Романова Т. Н. Некоторые аспекты публично-правовой ответственности за нарушение порядка ответственного обращения с животными // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 203–208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-publichno-pravovoy-otvetstvennosti-za-narushenie-poryadka-otvetstvennogo-obrascheniya-s-zhivotnymi> (дата обращения: 29.01.2026).
7. Семенова Е. В. Правовой режим животных без владельца (бродячих животных) // Ветеринария и зоотехния. 2019. № 3. С. 167–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim>

zhivotnyh-bez-vladeltsa-brodyachih-zhivotnyh (дата обращения: 29.01.2026).

8. Соколова М. И., Никитин В. П. Безнадзорные домашние животные как источник повышенной опасности // Юрист. 2021. № 4. С. 78–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/beznadzornye-domashnie-zhivotnye-kak-istochnik-povyshennoy-opasnosti> (дата обращения: 29.01.2026).

9. Федоров Н. К. Проблемы гражданско-правовой ответственности собственников домашних животных // Гражданское право. 2022. № 2. С. 92–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-sobstvennikov-domashnih-zhivotnyh> (дата обращения: 29.01.2026).

ANIMALS AS AN OBJEKT OF CIVIL LAW: CURRENT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Nikulina Nika Mikhailovna

2nd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
vesnmx@mail.ru

Naletova Marina Mikhailovna

Senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
marina.naletova.68@yandex.ru

The article examines the legal status of animals in Russian civil law in the context of two urgent problems: the increasing attacks of dogs on citizens and the keeping of wild animals in apartment building. The current legislation, statistical data on the growing number of incidents, judicial practice and gaps in legal regulation are analyzed. Particular attention is paid to the issue of recognizing animals as a source of increased danger, mechanisms of civil liability of owners and the effectiveness of bans on keeping certain types of animals. Specific measures are proposed to improve legislation aimed at ensuring the safety of citizens and protecting the interests of all participants in legal relations.

Keywords: animals, object of civil law, source of increased danger, dog attacks, wild animals, civil liability, apartment buildings.

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ
ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ И ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

© Павлова Валерия Антоновна

студентка 3-го курса,
Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
pavlovalera2005@yandex.ru

© Распопова Виктория Олеговна

студентка 3-го курса,
Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
rasporova_05@list.ru

Научный руководитель

Жаглина Марина Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
mzhaglina@mail.ru

Статья посвящена комплексному исследованию проблем, возникающих при использовании видеоконференц-связи и веб-конференций в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. На основе анализа действующего процессуального законодательства, в частности ст. 155.1 и 155.2 ГПК РФ, а также правоприменительной практики, выявляются существующие технические, организационные и юридические препятствия для полноценного дистанционного участия в судебных заседаниях. Особое внимание уделяется таким вопросам, как недостаточная техническая оснащённость судов, отсутствие чёткой регламентации порядка подачи ходатайств, алгоритма действий при технических сбоях и механизмов безопасной идентификации личности участников. Авторами предлагаются конкретные меры по модернизации материально-технической базы судеб-

ной системы, совершенствованию процессуального законодательства и внедрению современных информационных технологий, направленные на повышение доступности и эффективности правосудия.

Ключевые слова: видеоконференц-связь, веб-конференция, гражданский процесс, судопроизводство, удалённое участие, информационные технологии, процессуальное законодательство, информационная безопасность, технические сбои, закрытое судебное заседание.

Интенсивное развитие и совершенствование всех сфер общественной жизни, включая информационные технологии, которые активно внедряются в практическую деятельность, во многом обусловлено растущей частотой проведения судебных заседаний с использованием видеоконференц-связи (далее — ВКС) [3, с. 157]. Также пандемия COVID-19 стала катализатором для более широкого внедрения современных информационных технологий, таких как веб-видеоконференц-связь (далее — веб-ВКС), в процесс рассмотрения и разрешения гражданских дел в судах общей юрисдикции. Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РФ), не содержит четких предписаний относительно условий использования упомянутых технологий [2].

ВКС представляет собой способ интерактивного общения между тремя и более удаленными участниками, обеспечивающий обмен аудио- и видеоданными в режиме реального времени. Важным условием для применения ВКС в гражданском судопроизводстве, согласно ГПК РФ, является наличие в суде необходимой технической базы и либо заявление стороны, либо инициатива суда. Данная технология допустима для участия в судебных заседаниях на любой стадии процесса, включая допрос сторон и третьих лиц, а также предварительные и основные слушания, за исключением случаев, когда заседание проводится в закрытом режиме. Детальные правила организации и проведения ВКС в федеральных судах общей юрисдикции установлены соответствующим Регламентом, который охватывает техническое обеспечение, подготовку и сам процесс судебного заседания [4]. Однако существуют и проблемы:

1. Недостаточная техническая оснащенность судов для проведения видеоконференц-связи, а также высокая загруженность залов, оборудованных данной технологией, в совокупности с настороженным отношением судей к нововведениям, препятствуют широкому внедрению ВКС.

2. Анализ действующего законодательства, в частности ст. 155.1 и 155.2 ГПК РФ, выявляет наличие значительных пробелов. ГПК

РФ не устанавливает сроков для подачи ходатайств до начала судебного заседания. Зачастую на практике бывают ситуации, когда ходатайства подаются в последний момент, что приводит их техническому невыполнению. Также существует проблема отсутствия законодательно закрепленного порядка действий участников процесса при технических сбоях в ходе сеанса видеоконференц-связи (ВКС). Прямые предписания на такие случаи в ГПК РФ отсутствуют. В частности, не регламентированы действия председательствующего и лиц, участвующих в деле, если связь прерывается в момент допроса свидетеля либо дачи объяснений стороной. Как следствие, решения, принятые по итогам заседания, впоследствии отменяются вышестоящими инстанциями из-за нарушения принципа непосредственности исследования доказательств. Особую сложность представляет ч. 4 ст. 155.2 ГПК РФ, которая прямо запрещает проведение закрытых судебных заседаний с использованием систем видеоконференц-связи. При этом закон не предлагает замещающих механизмов для дистанционного участия лиц, находящихся далеко или в местах лишения свободы.

Решение данных вопросов:

- техническое оснащение всех залов судебных заседаний (стабильным интернетом, резервными каналами связи, аудио- и видеооборудованием);
- создать безопасную и простую в использовании онлайн-платформу для судебных заседаний, которая будет связана с «Госуслугами». На этой платформе должно быть возможно подавать документы онлайн, получать доступ к материалам дела и подтверждать личность участников.

В сфере процессуального законодательства требуется: установить четкий срок для подачи ходатайств об участии в видеоконференцсвязи (ВКС), аналогично АПК РФ (не позднее 15 дней до заседания), и определить основания для отказа; предоставить право обжаловать отказ в проведении ВКС; детально прописать порядок действий суда и сторон при технических сбоях (например, при обрыве связи); разработать безопасный протокол проведения закрытых заседаний с использованием ВКС, включая повышенные меры шифрования; установить законодательные стандарты качества видео- и аудиосвязи для обеспечения надлежащего судебного разбирательства.

Веб-конференция — это современная технология и набор инструментов для организации онлайн-встреч и совместной работы в реальном времени через интернет. Если видеоконференц-связь в первую очередь ориентирована на гарантированную передачу аудио- и видеоданных, то веб-конференция открывает возможность для удаленного участия в судебных заседаниях. Благодаря вычислительной технике и биометрии (лицо, голос) мероприятия доступны как из офиса, так и из дома [1, с. 538].

Системы ВКС и веб-ВКС различаются в способе установления связи. В государственных органах, как правило, используются защищенные каналы связи, обеспечивающие стабильность и соответствие требованиям информационной безопасности. Веб-ВКС, напротив, функционирует через обычные интернет-соединения, что объективно снижает уровень защищенности передаваемых данных. Однако веб-ВКС открывает ряд значимых процессуальных возможностей. Она позволяет существенно экономить ресурсы (время и затраты). Также веб-ВКС делает реальным участие в заседаниях для лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также для граждан, находящихся далеко. Но существуют и проблемы.

Одним из существенных препятствий являются технические проблемы. Это можно заметить в таких местах, где нет ни соответствующего оборудования, ни хорошего интернета (например, села). Также сами участники судебных процессов используют устаревшую и неисправную технику. В основном данная техника приводит к техническим сбоям (зависания и прерывания связи, проблемы со звуком и видео и т.д.). Все это приводит к задержкам в рассмотрении дел. Недобросовестные участники могут намеренно ссылаться на технические неполадки, преследуя цель затянуть процесс — например, когда собственная доказательственная база не собрана в полном объеме.

В качестве одного из возможных решений предлагается создание единой специализированной онлайн-платформы для проведения судебных заседаний, которая будет иметь техническую поддержку для решения технических проблем. Также дистанционный режим объективно усложняет идентификацию, что создает риски для всего хода разбирательства. Существует угроза взлома, посещение сеанса посторонними людьми. Подобные инциденты могут полностью сорвать судебное заседание. Для минимизации указанных рисков представляется необходимым:

– разработать единый регламент идентификации участников, обязательный для всех судов;

– внедрить биометрические методы верификации, а также использовать Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА);

– проводить дистанционные судебные заседания по защищенным каналам связи, что не даст взломать или украсть информацию.

Таким образом, видеоконференц-связь и веб-веб-конференции имеют как плюсы, так и минусы. Положительная сторона заключается в том, что повышается доступность правосудия, экономия времени и средств. Отрицательная сторона — существуют проблемы, которые необходимо урегулировать.

Литература

1. Васильева А. А. Некоторые вопросы применения видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 536–547.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов [и др.]. Москва: ИГП РАН, 2022. 368 с.

4. Приказ Судебного департамента при Верховном суде РФ от 28.12.2015 № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видеоконференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 3.

PROBLEMS OF USING VIDEO CONFERENCING AND WEB CONFERENCING IN CIVIL PROCEEDINGS

Pavlova Valeria Antonovna

3rd year student,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Voronezh

pavlovalera2005@yandex.ru

Raspopova Victoria Olegovna

3rd year student,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Voronezh

raspopova_05@list.ru

Zhaglina Marina Evgenievna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Voronezh

mzhaglina@mail.ru

The article is devoted to a comprehensive study of the problems that arise when using video conferencing and web conferences in the civil proceedings of the Russian Federation. Based on the analysis of the current procedural legislation, in particular Articles 155.1 and 155.2 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, as well as law enforcement practice, the existing technical, organizational, and legal obstacles to full-fledged remote participation in court proceedings are identified. Special attention is paid to such issues as the insufficient technical equipment of the courts, the lack of clear regulations on the procedure for submitting petitions, the algorithm for dealing with technical failures, and the mechanisms for secure identification of participants. The authors propose specific measures to modernize the material and technical base of the judicial system, improve procedural legislation, and introduce modern information technologies in order to increase the accessibility and efficiency of justice.

Keywords: video conferencing, web conference, civil procedure, legal proceedings, remote participation, information technology, procedural legislation, information security, technical failures, closed court session.

ЭЛЕКТРОННОЕ СОГЛАСОВАНИЕ УСЛОВИЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА ЧЕРЕЗ МЕССЕНДЖЕР И ПЛАТФОРМЫ

© Подолян Лев Романович

студент 3-го курса,

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный

университет правосудия имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Краснодар

leo030806@gmail.com

Научный руководитель

Корнеева Оксана Николаевна

старший преподаватель,

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный

университет правосудия имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Краснодар

korneeva.oksana2022@mail.ru

В статье исследуется правовая природа электронного согласования условий гражданско-правового договора через мессенджеры и цифровые платформы. Рассматриваются нормативные основания допустимости такой формы заключения договора, в том числе положения Гражданского кодекса РФ о письменной форме сделки, оферте, акцепте, юридически значимых обстоятельствах и добросовестности участников гражданского оборота. Особое внимание уделяется признакам, позволяющим отличить полноценное соглашение сторон от предварительных переговоров: идентификация участников переписки, определенность существенных условий, согласованный канал связи, последующее исполнение обязательств и техническая подтверждаемость сообщений. При помощи анализа судебных актов выявляются критерии, по которым суды оценивают переписку в мессенджерах как доказательство заключения договора или отвергают ее в качестве недостаточной для заключения договора. Делается вывод о правовой надежности электронной коммуникации при формировании договорных связей.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, существенные условия, цифровизация гражданского оборота, электронный договор, мессенджеры, цифровые платформы, оферта, акцепт, письменная форма сделки, электронная переписка, доказательства.

Электронное согласование условий гражданско-правового договора при помощи мессенджеров и цифровых платформ следует рассматривать в качестве современной технологической модификации договорных конструкций в гражданском обороте. В российском гражданском праве решающей является непосредственная возможность достоверно установить волеизъявление участников, содержание согласованных условий и их правовую связь с конкретными лицами. Общие начала гражданского законодательства исходят из свободы договора, равенства участников оборота, добросовестности и судебной защиты нарушенных прав. Сформулированные Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) принципы позволяют признать электронную, цифровую среду полноценным пространством для формирования договорных связей. При этом необходимо отметить, что гражданско-правовая допустимость цифрового общения в целях заключения соглашения не устраняет необходимости доказать, что переписка действительно выражала согласие по существенным условиям.

Для точного понимания темы и выводов исследования, следует отметить, что Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет понятие «мессенджер» как сервис обмена мгновенными сообщениями [1]. Так, в контексте гражданского оборота под мессенджером следует понимать информационную среду обмена адресными электронными сообщениями между пользователями, обеспечивающую передачу, доставку и фиксацию сообщения в цифровой форме. В правовом смысле значение имеет функциональная способность мессенджера выступать каналом юридически значимых сообщений, по которым можно достоверно установить отправителя, адресата, содержание и момент доставки.

При этом само электронное согласование условий гражданско-правового договора представляет собой процесс достижения соглашения по существенным и иным согласуемым условиям посредством электронных сообщений, электронных документов, интерфейсов цифровых платформ и других цифровых действий, из которых следует оферта, акцепт и совпадение воли сторон. Отдельные положения статей Гражданского кодекса РФ, включая положения о заключении договора, письменную форму сделки и юридически значимые сообщения охватывают переписку в мессенджерах и подтверждение условий через платформенные механизмы, коды авто-

ризации, электронную подпись и конклюдентные действия. Следовательно, электронное согласование — это юридически признаваемая стадия формирования договорного обязательства посредством цифровых каналов связи.

В виде обоснования нормативного закрепления выводов о признании электронного согласования посредством мессенджеров и иных способов связи, целесообразно отметить, что ст. 434 ГК РФ допускает заключение договора в письменной форме путем составления одного документа, в том числе электронного, либо обмена письмами, телеграммами, электронными документами или иными данными в соответствии с положениями ст. 160 ГК РФ. В свою очередь, ст. 160 закрепляет, что письменная форма сделки считается соблюденной и при использовании электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести содержание сделки на материальном носителе в неизменном виде, если можно достоверно определить лицо, выразившее волю [2]. Для заключения договора, требуется согласование всех существенных условий, акцепт должен быть полным и безоговорочным, однако при этом конклюдентные действия могут подтверждать принятие оферты.

Также для мессенджеров особенно значима ст. 165.1 ГК РФ о юридически значимых сообщениях. Она связывает гражданско-правовые последствия с моментом доставки сообщения адресату или его представителю. Таким образом, в электронном обороте правовой эффект возникает в то время, когда сообщение попадает в согласованный канал и может быть отнесено к конкретному участнику сделки.

В рамках исследования, следует обратить внимание, что основным остается вопрос о границе между преддоговорными переговорами и самим заключением договора. Электронная коммуникация позволяет фиксировать такие значимые обстоятельства, как: текст сообщений и хронологию переговоров, промежуточные изменения условий, согласование цены, сроков, объема работ и порядка расчетов. Однако, чтобы признать договор заключенным, необходимо установить совпадение воли сторон по существенным условиям и отсутствие оговорок, которые сохраняют неопределенность. [10, с. 1062].

При электронном согласовании соглашение сторон выражается через совокупность устойчивых признаков, позволяющих установить реальное согласование воли, которые можно определить исходя из положений ст. 160, 432, 438, 165.1 ГК РФ:

- предварительно определенный канал связи,
- идентифицируемый аккаунт или номер,
- последовательность сообщений, из которой видно движение от предложения к принятию,
- согласование существенных условий без неопределенных оговорок [12, с. 153].

Отдельно в соответствии с постановлением пленума Верховного суда от 22.06.2021 г. № 18, досудебный порядок урегулирования спора является заключенным при использовании обращения в информационно-телекоммуникационной сети, в случае соблюдения условия наличия данного порядка в нормативном правовом акте, отсутствия двусмысленности в предусматривающем данную норму договоре, либо признания данного способа переписки обычной сложившейся деловой практикой обмена корреспонденцией между сторонами. С учетом данной нормы, аналогичный вывод можно сделать о заключенности гражданско-правового договора, в указанных случаях. То есть, если сторонами ранее уже был заключен и исполняется, либо уже исполнен договор, то сторонам закономерно следует учитывать данный факт в том числе как сложившуюся деловую практику заключения договора.

Таким образом, если в переписке фиксируются предмет, цена, срок, объем работ или иные необходимые элементы, а затем следуют действия по исполнению, такая коммуникация по существу воспроизводит классическую схему оферты и акцепта, лишь переведенную в цифровую форму.

Данный вывод особенно выделяется в делах, где суд исследует принадлежность сообщения и полноту акцепта. В Решении Арбитражного суда Краснодарского края от 26 сентября 2024 г. по делу № А32-28310/2024, суд указал, что переписка в WhatsApp может подтверждать заключение договора займа, если из нее объективно видно, кто конкретно отправлял сообщения, какими номерами телефонов пользовались стороны, как эти номера соотносятся с участниками спора и как относятся сообщения к спорным правоотношениям [5]. Дополнительно Арбитражный суд Краснодарского края ссыался на аналогичную позицию Арбитражного суда Северо-Кавказского округа [3]. Таким образом, суд проверяет идентифицирующую и содержательную надежность переписки, при наличии которой, мессенджер может заменить бумажный обмен документами.

Противоположную иллюстрацию дает Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 30 января 2025 г. по делу № А10-5106/2024 [4]. Суд не признал переписку а мессенджере WhatsApp достаточной, так как переписка не позволила с достоверностью установить, отправителя и получателя сообщений, их полномочия в сложившихся отношениях сторон, а также принадлежность сообщений сотрудникам истца. На основании представленного решения целесообразен вывод о том, что обычная распечатка переписки не создает доказанности, если не обеспечена проверяемая связь между текстом сообщений и субъектами обязательства. Следовательно, для практики имеет значение как сам факт использования мессенджера, так и то, как стороны организовали коммуникацию, хранили ли они переписку, дублировали ли условия на электронной почте, направляли ли сканы подписанных документов и подтверждали ли переписку иными действиями.

В Решении Арбитражного суда Республики Мордовия от 9 декабря 2022 г. № А39-7929/2022 суд принял во внимание, что текст дополнительного соглашения был направлен с электронной почты, принадлежащей работнику истца, с дублированием на адрес руководителя, а затем стороны продолжали электронную переписку о подписании и исполнении [6]. Суд рассматривал всю последовательность обмена документами, заявками и подтверждениями. В результате суд пришел к выводу о том, что спорное дополнительное соглашение было заключено сторонами посредством акцепта оферты. Оспаривание наличие полномочий у работника истца на совершение действий по согласованию условий контрактов и подписанию договоров судом было отклонено, так как дополнительное соглашение было подписано генеральным директором ООО, а работник в свою очередь имел полномочия действовать от имени юридического лица. Следовательно, совокупность сообщений, последующее исполнение и отсутствие своевременных возражений позволяет суду отличить реальное волеизъявление от формального обмена черновиками.

В качестве примера использования цифровых платформ как средства электронного согласования, следует выделить Решение Центрального районного суда г. Сочи от 21 января по делу № 2-1177/2024 [9]. Посредством входа в систему «Сбербанк Онлайн», заявки на получение кредита и повторного входа для ознакомления одобренных банком индивидуальных условий кредита, суд признал

кредитный договор заключенным через дистанционные банковские сервисы с использованием SMS-кодов и простой электронной подписи. Суд исходил из того, что вход в систему, подтверждение операции и последующее пользование кредитом образуют цельную картину согласования условий.

Решение Советского районного суда г. Ростова-на-Дону от 16 июня 2025 г. по делу № 2-1727/2025 подтверждает, что через WhatsApp и иные сервисы обмена мгновенными сообщениями, могут согласовываться и договоры подряда [7]. Суд установил, что сообщения сторон позволяли определить предмет, стоимость, сроки и порядок исполнения, а значит, чаты выступали фактическим каналом формирования договора. Соответственно, существенные условия часто поэтапно могут конкретизироваться и согласовываться сторонами в процессе переписки. Платформа общения в данном случае становится пространством поэтапного уточнения обязательства. В связи с этим, стороны должны осознавать юридическую значимость даже кратких формулировок в чате, поскольку они могут быть истолкованы как согласование конкретного объема обязанностей.

Современная договорная коммуникация все чаще анализируется через три взаимосвязанных параметра: форму сделки, способ выражения воли и доказательственную пригодность цифрового следа. Исследования электронных способов заключения договора показывают, что обмен сообщениями, электронными документами и данными уже давно рассматривается как самостоятельная форма оборота [11, с. 187].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о выражении согласия нестандартными цифровыми средствами, включая эмодзи, стикеры и краткие ответы вроде «ок», «принято», «согласен». В цифровой среде такие формы общения являются обычными и не могут автоматически считаться юридически ничтожными. Полноценно их смысл определяется контекстом. В ситуации, когда эмодзи или короткий ответ отправлены на конкретную оферту, в согласованном канале, в адрес известного контрагента и далее подтверждены поведением сторон, такое сообщение может быть расценено как акцепт. Однако в случае, если коммуникация фрагментарна, неоднозначна или разорвана, один символ не способен заменить согласование существенных условий [13, с. 4].

Так, например, суд вправе квалифицировать за одобрение от стороны соглашения Эмодзи Большой палец вверх, так как согласно

Решению Воскресенского городского суда Московской области от 2 октября 2024 г. по делу № 2-1806/2024, данный эмодзи обычно принятом и распространенным понимании при общении посредством электронной переписки означает «хорошо» и является известным символом одобрения и симпатии к чему-то [8]. Дополнительно суд учёл последующую переписку, где истец писал «Круть» и «Ждем» в ответ на сообщение «Купили», а затем стороны подписали договор поставки с указанием VIN-номеров. Таким образом, в совокупности с контекстом, видеоматериалами, переговорами и последующими отношениями сторон, в качестве согласия на заключение договора может выступать даже эмодзи мессенджера.

Системное толкование приведенных норм и судебных актов позволяет сформулировать несколько выводов:

1. Электронное согласование условий через мессенджеры и платформы в российском праве допустимо и укладывается в конструкции простой письменной формы сделки.

2. Юридическая сила переписки зависит от доказанности личности отправителя, полномочий, предмета соглашения и полноты акцепта.

3. Платформа или мессенджер служит средой формирования соглашения, поэтому правовая оценка должна учитывать текст сообщений и поведение сторон до и после переписки.

4. Цифровой формат обостряет требования к добросовестности, потому что сторона, активно пользующаяся каналом связи, не вправе затем произвольно отрицать собственные сообщения, если другая сторона разумно полагалась на них и начала исполнение.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.11.2023 № Ф08-11136/2023 по делу № А63-533/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ASK&n=197726&demo=2&rnd=TZj1lIV5hm47RJL9> (дата обращения: 07.05.2026).

4. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 30 января 2025 г. по делу № А10-5106/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2JLDuDYuSdJ1/> (дата обращения: 07.05.2026).

5. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 26 сентября 2024 г. по делу № А32-28310/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/eW2HwBTfjMoV/> (дата обращения: 07.05.2026).

6. Решение Арбитражного суда Республики Мордовия от 9 декабря 2022 г. по делу № А39-7929/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/D0nnNsTiwPJJ/> (дата обращения: 07.05.2026).

7. Решение Советского районного суда г. Ростова-на-Дону от 16 июня 2025 г. по делу № 2-1727/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/026brYTm6jQx/> (дата обращения: 08.05.2026).

8. Решение Воскресенского городского суда Московской области от 2 октября 2024 г. по делу № 2-1806/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/t1em0dP3CKgK/> (дата обращения: 08.05.2026).

9. Решение Центрального районного суда г. Сочи от 21 января 2024 г. по делу № 2-1177/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jwVsm7KAaPxW/> (дата обращения: 07.05.2026).

10. Савельева, Т. А. Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. № 4. С. 1058–1086.

11. Саркисян, В. В. Электронные способы заключения договора: понятие и виды // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2023. № 4. С. 185–192.

12. Стонт А. О. Заключение договоров и направление юридически значимых сообщений гражданско-правового характера с помощью эмодзи и стикеров в мессенджере // *Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова*. 2024. № 3(49). С. 150–155.

13. Талышева Е. А. Использование электронной переписки и стикеров как доказательств в гражданском судопроизводстве // *Сфера науки*. 2025. № 3. С. 1–5.

ELECTRONIC AGREEMENT OF THE TERMS OF A CIVIL LAW CONTRACT THROUGH A MECHANISM AND PLATFORMS

Podolyan Lev Romanovich

3rd year student,

North Caucasus branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Krasnodar

leo030806@gmail.com

Oksana Nikolaevna Korneeva

Senior Lecturer,

North Caucasus branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Krasnodar

korneeva.oksana2022@mail.ru

The article examines the legal nature of electronic coordination of terms in a civil law contract through messengers and digital platforms. It considers the normative grounds for the admissibility of this form of contract conclusion, including the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the written form of a transaction, offer, acceptance, legally significant communications, and the good faith of participants in civil turnover. Special attention is given to the features that make it possible to distinguish a full agreement between the parties from preliminary negotiations: identification of the participants in the correspondence, certainty of the essential terms, an agreed communication channel, subsequent performance of obligations, and the technical verifiability of messages. By analyzing judicial acts, the article identifies the criteria by which courts assess correspondence in messengers either as evidence of contract conclusion or reject it as insufficient for concluding a contract. The author concludes that electronic communication is legally reliable in the formation of contractual relations.

Keywords: civil law contract, essential terms, digitalization of civil turnover, electronic contract, messengers, digital platforms, offer, acceptance, written form of transaction, electronic correspondence, evidence.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫПЛАТЫ И ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН: РОЛЬ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

© Потёмкина Кристина Евгеньевна

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

pke99@inbox.ru

Научный руководитель

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

Каждый год тысячи граждан сталкиваются с несправедливостью при получении социальных пособий. Отказы в выплатах, необоснованные задержки, ошибки в решениях органов социальной защиты — это не редкость. Многие люди не знают, как защитить свои права в суде, потому что законодательство в сфере социального обеспечения разрозненно, а правоприменение не всегда соответствует интересам граждан.

В работе предлагается ряд важных мер, чтобы упростить жизнь гражданам и ускорить судебную защиту:

1. Повышение квалификации судей — чтобы они лучше разбирались в социальном праве и могли принимать обоснованные решения.

2. Внедрение электронного судопроизводства — это ускорит рассмотрение дел, сократит бумажную волокиту и сделает процесс прозрачнее.

3. Информационные кампании для граждан — многие не знают о своих правах или боятся обращаться в суд.

4. Работа над кодификацией социального законодательства — единый закон или кодекс упростил бы работу как для судов, так и для граждан.

Ключевые слова: социальные пособия, судебная защита, кодификация социального законодательства, электронное судопроизводство, правовая грамотность граждан, бюрократические барьеры, приоритетное рассмотрение судебных дел.

Социальные пособия — это не просто государственная помощь, а настоящая опора для тех, кто оказывается в трудной ситуации при

различных жизненных ситуациях. Выплаты должны быть гарантированы законом, но на практике всё оказывается не так просто.

Следует представить ситуацию, в которой человек месяцами ждёт положенные ему деньги, а вместо этого получает отказ или неполные суммы. Либо, что ещё хуже, выплаты приходят с задержкой, иногда на месяцы, хотя по закону должны поступать вовремя. Таких случаев немало — люди теряют доверие к системе, не понимают, как отстоять свои права, и вынуждены идти в суд. Суд становится для них единственным шансом на справедливость, потому что государственные органы часто действуют необоснованно или просто не выполняют свои обязанности.

Закон, конечно, есть — он чётко описывает, как должны назначаться и выплачиваться пособия. Но на деле этот процесс превращается в настоящую лотерею: одни люди без проблем получают всё необходимое, другие годами борются за свои права. И именно суды в таких случаях выходят на первый план — они проверяют, правомерны ли действия социальных служб и могут обязать их исполнить закон.

Основная проблема в том, что судебная защита работает не так эффективно, как могло бы. Даже если суд принимает сторону гражданина, процесс затягивается, а исполнение решения не всегда происходит быстро. Причины разные могут разные, иногда судьи не до конца разбираются в тонкостях социального законодательства, иногда процедуры рассмотрения дел слишком громоздкие, а иногда граждане просто не знают, как правильно оформить иск или собрать нужные документы.

Цель проста, помочь тем, кто в этом действительно нуждается, и сделать так, чтобы государство выполняло свои обязанности без лишних задержек и волокит. Ведь социальные выплаты — это не благотворительность, а право, закреплённое законом, и каждый человек должен иметь возможность его отстоять.

На самом деле, социальные выплаты в России часто становятся источником серьезных проблем для граждан. Хотя законы и правила есть, на практике люди сталкиваются с множеством трудностей — от необоснованных отказов до затяжных бюрократических процедур. Бывает, когда государство не выполняет свои обязанности, гражданам приходится доказывать свою правоту в суде.

С одной стороны, есть четкие нормативные акты, которые должны регулировать данную сферу, но на деле они часто противо-

речат друг другу или не учитывают все нюансы. Отсутствие единого кодекса по социальной защите создает огромные сложности. Бывает такое, что человек приходит в органы социальной защиты с документами, а сотрудники не могут однозначно сказать, по какой норме ему положена помощь. По итогу процесс затягивается, а человек остается без поддержки, пока разбирательства продолжаются. Такие правовые пробелы и коллизии приводят к тому, что суды вынуждены разбираться в сложных и противоречивых ситуациях, что только усложняет жизнь простому человеку [3].

Отмечается нечеткость в определении социальной справедливости. Разные регионы, разные чиновники и даже разные судьи могут по-разному трактовать одни и те же нормы. В итоге один человек получает пособие без проблем, а другой, при тех же обстоятельствах, — отказ с правкой в законе, которого в действительности нет. Это ведет к несправедливости и увеличивает количество судебных споров, так как граждане просто не знают, на что могут рассчитывать [7].

Суды сами по себе не всегда справляются с этой нагрузкой. Многие люди не знают, как правильно составить иск, какие документы собрать или куда обращаться. А даже если они это делают, судебные разбирательства затягиваются из-за перегруженности системой, что еще больше усугубляет ситуацию. Люди тратят силы, время и нервы, пытаясь отстоять то, что им по закону должно принадлежать [4].

Можно сказать, что ситуация не безнадёжна. Если серьезно заняться реформированием законодательства — создать единый кодекс социальной защиты, это бы значительно упростило жизнь как гражданам, так и чиновникам. Следует облегчить процедуру обращения в суд, повысить юридическую грамотность населения и снизить нагрузку на суды. Проблемы в сфере социальных выплат — это не только юридические нюансы, но и реальные трудности людей, которые нуждаются в поддержке. Решение этих проблем требует комплексного подхода и изменений в законах, и более эффективной работы судов, и повышения общей осведомленности граждан о своих правах [5].

Когда речь заходит о социальных пособиях, многие россияне сталкиваются с отказом и непонятными решениями из органов соцзащиты. А вот суды в такой ситуации становятся настоящим спасением — именно они помогают гражданам отстоять свои права,

когда государство не хочет или не может выполнить свои обязанности. Просто так смириться с отказом в пособии или пенсии нельзя — закон на стороне тех, кто нуждается в поддержке, и суд готов встать на защиту [6].

Благодаря Конституции и целому ряду законов — будь то права для инвалидов, пожилых людей или семей с детьми — каждый гражданин имеет право оспорить решение, которое ему кажется несправедливым. Если соцзащита отказала в помощи, уменьшила выплаты или просто ошиблась, человек может смело идти в суд. Для этого достаточно обратиться в суд по месту жительства, собрать нужные документы и подать иск. Далее суд рассмотрит дело: проверит документы, заслушает обе стороны и примет решение [8].

Иногда суды встают на сторону государства — если гражданин действительно не подходит под условия для получения пособия. Но бывает и наоборот: суд обязывает соцзащиту пересмотреть решение, выплатить долги. Суд не просто проверяет бумаги — он следит за тем, чтобы государство по-настоящему выполняло свои обязательства перед теми, кто в них нуждается. На практике суды не всегда работают быстро и эффективно — бывает, что дела тянутся годами, а люди продолжают бороться за свои права. Но сама возможность обратиться в суд уже даёт шанс на то, что несправедливость будет исправлена. Это важно не только для конкретного человека, но и для всей системы — судебные решения становятся прецедентами, которые помогают другим гражданам не допустить таких ошибок в будущем [2].

На протяжении некоторого периода судебная защита прав граждан при оформлении и получении социальных выплат сталкивается со множеством серьезных проблем. Сложности начинаются еще с самого начала: мало кто из специалистов, работающих в судах, досконально разбирается во всех тонкостях социального законодательства. Это приводит к ошибкам при рассмотрении дел, затягиванию процессов и, как следствие, к тому, что многие граждане не получают свою законную помощь вовремя [1].

В разных регионах страны бывают ситуации в которых отсутствует нормальная инфраструктура для обращения в суд. Людям приходится добираться до ближайшего населенного пункта, где можно будет предоставить необходимые документы. Часть граждан даже не знает какими законными правами обладают и как ими пользоваться. Даже обладая необходимой базой знаний, не всегда полу-

чается правильно ими воспользоваться. Наиболее трудоемким процессом является рассмотрение дел, связанных с социальными выплатами. На протяжении многих месяцев люди буквально выживают в ожидании социальной выплаты. Для того, чтобы решить данную ситуацию требуется принимать реальные меры по их реализации. Одним из важных пунктов является обучение высоко квалифицированных специалистов. Требуется проводить различные курсы по повышению квалификации, на которых рассказывают современные изменения в законах и методики работы [1].

Переход на цифровые технологии мог бы повысить продуктивность данного процесса. Сегодня уже есть опыт успешного внедрения электронного судопроизводства, онлайн-консультаций и автоматических проверок документов. Это позволило бы значительно сократить бюрократические барьеры и сделать процедуры более прозрачными. Люди смогли бы подавать заявления дома, получать быструю обратную связь и не тратить время на поездки в суд.

Правовая грамотность населения не мало важный фактор в данном вопросе. Для этого можно запускать информационные кампании через социальные сети, телевидение, местные СМИ. Нужно создавать простые и понятные руководства — видеоролики или инструкции с пошаговыми объяснениями, как подать заявление на выплаты или обжаловать отказ. Чем больше людей будут знать свои права, тем меньше им придется обращаться в суд с неправильно оформленными документами.

Необходимо ввести приоритетное рассмотрение дел, связанных с социальными выплатами. Те случаи, когда от решения суда напрямую зависит жизнь человека, должны рассматриваться в первую очередь. Это сократит сроки ожидания и поможет многим получить помощь вовремя [1].

Проблема несправедливого предоставления социальных пособий остается одной из самых острых в современной правовой системе. Бесконечные задержки, необоснованные отказы и бюрократические барьеры не только усложняют жизнь граждан, но и подрывают доверие к государству.

Закон по решению таких ситуаций существует, но на практике часто сталкивается с различными проблемами, которые в свою очередь усложняют защиту прав на получение социальных выплат. На практике люди очень нуждаются в поддержке в процессе взаимодействия с некомпетентными сотрудниками, с изучением незнако-

мых процессов и затяжными процессами которые только ухудшают и так не простое положение.

Для того, чтобы решить поставленные задачи нужно иметь обобщенный подход, который позволит переработать существующее социальное законодательство, повысит квалификацию сотрудников социальной защиты и будет иметь хорошую цифровую базу. Внедрение электронных обращений и оптимизация процессов проверок могут повысить эффективность изучения дел. Следует также отметить необходимость повышения уровня грамотности населения, через разные информационные системы и наглядные пособия для более уверенного пользования своими правами граждан на законном уровне.

Литература

1. Алехнович А. О. Сравнение ключевых предложений по стимулированию экономики для достижения темпов роста ВВП России выше среднемировых // Финансы: теория и практика. 2017. № 3. С. 25–44.

2. Антонова Н. В., Еремина О. Ю. Социальные функции государства: новые векторы развития // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 89–102.

3. Горохова С. С. О некоторых проблемах правоприменительной деятельности в сфере оказания государственной социальной помощи и поддержки малоимущим гражданам в России // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 64–83.

4. Грудинин Н. С., Вильданова Д. А. Проблема кодификации источников права социального обеспечения в Российской Федерации // Закон и право. 2024. № 5. С. 156–160.

5. Карняушенко Л. В. Социальная справедливость и правовое регулирование: философско-правовой анализ // Философия права. 2024. № 3 (110). С. 22–29.

6. Липунцова А. В. Теоретические и практические аспекты правового эксперимента (на примере эксперимента нового порядка досудебного обжалования решений контрольного (надзорного) органа) // Актуальные проблемы государства и права. 2020. № 16. С. 442–454.

7. Масловская М. В., Кушаева Ю. Х. Правовое регулирование вопросов социальной политики в современной России // Контентус. 2017. № 12(65). С. 94–102.

8. Фурсов В. А., Долгова А. А. Социальная защита населения в Российской Федерации // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 1(10). С. 220–223.

9. Хижный Э. К. Государственная система социальной защиты граждан в странах Западной Европы. Москва, 2006. 270 с.

SOCIAL BENEFITS AND PROTECTION OF CITIZENS' RIGHTS: THE ROLE OF THE JUDICIARY

Potemkina Kristina Evgenievna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

pke99@inbox.ru

Elena Aleksandrovna Murzina

Associate Professor, Candidate of Law,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

elena.murzina.57@mail.ru

Every year, thousands of citizens face injustice when receiving social benefits. Refusals of payments, unreasonable delays, and mistakes in decisions of social protection authorities are not uncommon. Many people do not know how to defend their rights in court, because legislation in the field of social security is fragmented, and law enforcement does not always correspond to the interests of citizens. The paper proposes a number of important ways to simplify the lives of citizens and speed up judicial protection of measures:

1. Professional development of judges — so that they are better versed in social law and can make informed decisions.

2. The introduction of electronic legal proceedings will speed up the consideration of cases, reduce paperwork and make the process more transparent.

3. Information campaigns for citizens — many are unaware of their rights or are afraid to go to court.

4. Codification of social legislation — a single law or code would simplify the work for both courts and citizens.

Keywords: social benefits, judicial protection, codification of social legislation, electronic legal proceedings, legal literacy of citizens, bureaucratic barriers, priority consideration of court cases.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФОРМ НАСЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ И КИТАЕ

© **Халтагарова Ольга Александровна**

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

olyakhaltagarova@gmail.com

Научный руководитель

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru

Данная статья посвящена актуальной теме, ведь институт наследования затрагивает интересы каждого гражданина. Целью работы является выявление эффективных механизмов для обеспечения доступного процесса передачи имущества от наследодателя к наследнику. За этим автор обращается к опыту соседской страны — Китайской Народной Республики, ведь в последние годы Российская Федерация и Китайская Народная Республика плотно сотрудничают и являются близкими партнерами. После проведенного сравнительно-правового анализа сравнения подходов двух разных стран, было выявлено насколько отличны взгляды близких, но не похожих друг на друга стран. Стоит прийти к выводу о важности трансформации наследственного права и введения в российскую систему аналогов китайского построенного фундамента в данной отрасли права для оптимизации действующих инструментов и минимизации социальной нагрузки с государства.

Ключевые слова: право, собственность, имущество, государство, институт наследования, аналог, социальная справедливость, наследодатель, правовая защищенность, семейные ценности.

Правовая рецепция средства распоряжения имущества в случае смерти, такого как договор о содержании под завещательное дарение из Китайской Народной Республики в Российскую Федерацию поспособствует росту правовой защищенности как лиц старшего возраста, так и лиц, осуществляющих повседневный уход за ними.

Главная проблематика института семьи, в частности наследственного права России заключается в привычных правилах, например очередях наследников, которые, зачастую, не всегда работают честно. Складывается так, что за одиноким пожилым человеком годами ухаживает неформальное окружение, совсем не характеризующееся родственной связью, а имущество в конечном итоге передается государству или в руки далекого племянника.

Основной спецификой российского права в системе наследования остается приоритет защиты семейных ценностей. К примеру, общепринятый термин «обязательной доли», которую нельзя отнять у нетрудоспособных детей или родителей, даже если в завещании указан другой человек.

В Китае подход опирается на принципы конфуцианской этики взаимных обязательств. Договор о содержании под завещательное дарение, о котором в дальнейшем пойдет речь, стоит выше закона и выше завещания. Это сделано для того, чтобы у гражданина пенсионного возраста был гарантированный качественный уход, то есть достойная старость, а у лиц, обеспечивающих уход за ними — незыблемая гарантия обеспечения имуществом.

Ст. 1123 Гражданского кодекса КНР устанавливает трехуровневую иерархию оснований наследования, то есть приоритет обязательственных отношений над распорядительными. Ст. 1130 Гражданского кодекса КНР гласит о пропорциональности доли наследства степени участия в уходе за наследодателем, что показывает упор на социальную справедливость.

В России существует 8 очередей наследования, которые определяются в ст. 1142–1148 Гражданского кодекса РФ. В КНР их всего две (ст. 1127 ГК КНР), в первую очередь входят супруги, дети и родители. Но, что интересно, в отличие от России в первую очередь могут входить вдовы-снохи (невестки) и вдовцы-зятья, если они после смерти супруга или супруги остались жить с его родителями и полностью их содержали на свои средства. Китайская система складывается на принципе: если имущество не было наследовано близким родственникам, то его следует передать человеку, который действительно помогал наследодателю. Российская система, в свою очередь, ставит в привилегированное положение именно количество родственных связей, а не качество отношений.

По мнению российских ученых-правоведов, в Китае ключевым фактором распределения имущества остается исполнение наслед-

ником морального долга и уважение старших¹ [4, с. 129]. В России 8 очередей наследников не дают место социальной справедливости, так как даже если дальний родственник не видел наследодателя 30 лет, он будет иметь приоритет перед близким другом или соседом умершего, который ухаживал за ним до самой смерти из честных побуждений и благих намерений. Исходя из этого, можем сопоставить, что система России, напротив, абсолютно безразлична к качеству отношений между умершим и наследником.

Наибольший интерес для российской правовой системы представляет Соглашение о посмертном дарении в обмен на содержание² (Legacy-support agreement) ст. 1158 ГК КНР.

Кратко описывая, можно подчеркнуть главное — одинокий пожилой человек-наследодатель может по своему желанию заключить договор с какой-либо организацией или физическим лицом (за исключением законных наследников). Этот субъект обязуется содержать старика, оплачивать лечение и организовать достойные похороны, а за это после смерти получает право на наследство — его имущество, что является альтернативной формой отчуждения имущества. В российском договоре ренты право собственности переходит сразу при жизни, что рискованно для представителей старшего поколения из-за страха остаться без жилья. Китайская модель передает право только после смерти и договор имеет приоритет над наследованием по завещанию и наследованием по закону, что обуславливает пенсионерам безопасность и уверенность в завтрашнем дне.

Говоря о российском наследственном договоре, можно заметить определенные тонкости и минусы, и поэтому он не может гарантировать правовую защищенность. К примеру, возможность наследодателя продать имущество при жизни и тем самым обесценить договор, и тогда наследник-помощник останется ни с чем.

В России, несомненно, есть похожий «договор пожизненного содержания с иждивением»,³ но он имеет много минусов и рисков, хоть и является приблизительным аналогом китайского договора о

¹ Кургузкина Е. Б., Садчикова П. В. Особенности наследственного права в Китайской Народной Республике // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023.

² Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (01.01.2021). Кн. 6. Наследование.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Раздел V. Наследственное право.

содержании под завещательное дарение. Суды часто встают на сторону пожилых людей, так как они являются слабо защищенным слоем населения. Если пожилой человек заявит ходатайство, что человек редко покупал продукты или недостаточно навещал, то договор могут аннулировать, а потраченные деньги исполнителю не вернут. А исполнитель, в свою очередь, не знает, сколько лет нужно будет платить и ухаживать за пожилым, с которым заключен договор. Это является существенным риском, ведь финансовые затраты могут оказаться в разы выше стоимости самой квартиры. Для пенсионеров существует вероятность подвергнуться влиянию мошенников, которые будут экономить на еде и лекарствах или же оказывать деструктивное воздействие, чтобы ускорить процесс «освождения» квартиры.

Внедрение строго регламентированных механизмов и прямых нормативных предписаний «наследования в обмен на уход» в России помогло бы решить проблему вынужденного одиночества в позднем возрасте лучше, чем нынешние институты. Например, узаконить правило, что если человек заключил договор о пожизненной заботе, то это соглашение ставится выше завещания. А также добавить норму ст. 1130 Гражданского кодекса КНР в суд России — пропорциональность доли наследства степени участия в уходе за наследодателем. Эти внедрения поспособствуют оптимизации нынешних механизмов, минимизируют нагрузку на государственные институты социальной защиты.

Анализируя судебную практику китайских судов, можно выделить три типа гражданско-правовых споров: по поводу качества осуществляемого ухода, законностью расторжения данного договора и приоритета перед завещанием. Подводя итог сравнительно-правовому анализу, можем сделать вывод о необходимости трансформации наследственного права и внедрения китайского опыта в современный институт наследственного права России. Китайское наследственное право создало инструмент социальной справедливости и находит оптимальный баланс законных интересов наследодателя, наследника и государства. Оно понимает право на наследство как отражение семейных ценностей, как высокоадаптивную систему.

Литература

1. Альбов А. П., Николукин С. В. Наследственное право: учебник и практикум для СПО. 2-е изд. Москва: Юрайт, 2023. 197 с.

2. Наследственное право: учебник / Б. А. Булаевский и др. Москва: Проспект, 2025. 256 с.

3. Косарева И. Краткая характеристика наследственного права Китая // Вестник ХГАЭП. 2008. № 1(34).

4. Кургузкина Е. Б., Садчикова П. В. Особенности наследственного права в Китайской Народной Республике // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023.

5. Ли Ф. Наследование по соглашению о наследовании (наследственному договору) в Китае и России: сравнительно-правовое исследование // Юридическая наука в Китае и России. 2021. № 4. С. 26–34.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF INHERITANCE FORMS IN RUSSIA AND CHINA

Khattagarova Olga Aleksandrovna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

annakhaltagarova030284@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna

Senior lecturer,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

marina.naletova.68@mail.ru

This article addresses a pressing issue: inheritance law affects the interests of every citizen. The goal is to identify effective mechanisms for ensuring an accessible process for transferring property from testator to heir. To this end, the author draws on the experience of a neighboring country, the Peoples Republic of China, which has enjoyed close cooperation and partnership in recent years. A comparative legal analysis comparing the approaches of these two countries revealed the divergence of views between these closely related, yet distinct, countries. This led to the conclusion that it is important to transform inheritance law and introduce analogs to the Chinese foundation in this area of law to optimize existing instruments and minimize the social burden on the state.

Keywords: law, property, assets, state, inheritance, analogy, social justice, testator, legal security, family values.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЕГО ТВОРЕНИЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

© Цыбикжапова Алиса Станиславовна

студентка 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

cybikzapovaalisa@gmail.com

Научный руководитель

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru

Статья посвящена исследованию проблем гражданско-правового регулирования искусственного интеллекта и результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых с его использованием. Рассматриваются современные подходы к определению правового статуса искусственного интеллекта в России и зарубежных государствах, анализируются вопросы правосубъектности ИИ, распределения гражданско-правовой ответственности, а также правового режима произведений, созданных автономными системами. Особое внимание уделяется сравнительному анализу моделей регулирования в Российской Федерации, США, Китае, Индии и Объединенных Арабских Эмиратах. На основе проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства в сфере регулирования искусственного интеллекта и его творений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовой статус, гражданское право, сравнительный анализ, цифровизация, ответственность, интеллектуальная собственность, цифровой агент, авторское право, автономные системы.

Современный этап развития цифровых технологий сопровождается активным внедрением искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы общественной жизни. Интеллектуальные системы используются в экономике, государственном управлении, медицине, образовании, творческой деятельности и сфере оказания

услуг. Расширение возможностей искусственного интеллекта приводит к возникновению новых видов общественных отношений, требующих соответствующего правового регулирования. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема определения гражданско-правового статуса искусственного интеллекта и правового режима результатов, создаваемых с его участием [1].

Развитие генеративных технологий существенно изменило представления о творческой деятельности. Современные системы искусственного интеллекта способны самостоятельно создавать тексты, музыкальные произведения, изображения, программный код и иные объекты, традиционно относимые к результатам интеллектуального труда человека. Однако действующее законодательство большинства государств не предусматривает возможности признания искусственного интеллекта субъектом права, что порождает значительные сложности в сфере интеллектуальной собственности и распределения ответственности [4].

В юридической науке отсутствует единый подход к определению правового статуса искусственного интеллекта. Наиболее распространенной является концепция, согласно которой ИИ рассматривается исключительно как объект гражданских прав и инструмент деятельности человека. Данный подход основывается на том, что искусственный интеллект не обладает сознанием, волей и способностью самостоятельно нести юридическую ответственность [2].

Особое значение приобретает проблема правового режима творений искусственного интеллекта. Согласно ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации автором результата интеллектуальной деятельности признается исключительно гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий объект. Следовательно, произведения, созданные полностью автономной системой без непосредственного участия человека, не попадают под традиционный механизм авторско-правовой охраны.

В Российской правовой системе регулирование искусственного интеллекта носит фрагментарный характер. Основные направления государственной политики определены указом Президента РФ № 490 от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Дополнительное значение имеет Федеральный закон № 123-ФЗ от 24 апреля 2020 г., регулирующий экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций. Однако специальный закон, комплексно определяющий право-

вой статус искусственного интеллекта и его творений, в настоящее время отсутствует.

Российская модель регулирования основывается на антропоцентрическом подходе, при котором ключевым участником правоотношений остается человек. Ответственность за действия интеллектуальной системы возлагается на разработчиков, владельцев или пользователей соответствующих технологий [5]. Вместе с тем стремительное развитие генеративных моделей искусственного интеллекта демонстрирует необходимость дальнейшего совершенствования гражданского законодательства.

В современной юридической науке активно обсуждается проблема правового статуса искусственного интеллекта. Так, доктор юридических наук, доцент Е. П. Русакова отмечает, что внедрение ИИ в правоприменительную практику требует пересмотра традиционных подходов к субъектному составу правоотношений и выработки новых механизмов правового регулирования (на примере судебной системы КНР) [6]. В свою очередь, коллектив авторов под руководством доктора юридических наук И. Ю. Богдановской подчеркивает, что цифровизация права приводит к трансформации гражданско-правовых институтов и требует комплексного подхода к регулированию ИИ [1].

Зарубежный опыт показывает, что большинство государств придерживаются аналогичной концепции. В Соединенных Штатах Америки Бюро авторских прав официально указывает, что автором произведения может быть только человек. Соответственно, результаты, созданные исключительно искусственным интеллектом, не подлежат охране в рамках авторского права. При этом регулирование вопросов ответственности за использование автономных систем формируется преимущественно посредством судебной практики и законодательства отдельных штатов.

Китай ввел правила алгоритмического управления и требования к прозрачности систем. Китайское законодательство также придерживается подхода, при котором ИИ является объектом, а не субъектом права, однако уделяет большое внимание вопросам ответственности и контроля [3; 6].

Индия находится на этапе формирования правового регулирования ИИ. В стране отсутствуют специальные законы, однако обсуждаются вопросы интеллектуальной собственности и ответственности за действия автономных систем. Индийская правовая система склоняется к признанию прав за человеком, использующим ИИ [3].

Объединенные Арабские Эмираты демонстрируют комплексный подход к развитию цифровой экономики и внедрению технологий искусственного интеллекта в государственное управление. Создание Министерства искусственного интеллекта свидетельствует о стратегическом характере государственной политики в данной сфере. Однако даже в условиях активного технологического развития ИИ рассматривается исключительно как объект правового регулирования, а ответственность за его функционирование возлагается на человека [7].

Зарубежные исследователи также уделяют значительное внимание проблеме правового статуса ИИ. Так предприниматель и общественный деятель BingChen указывает на необходимость разработки механизмов распределения ответственности за действия ИИ, включая вопросы интеллектуальной собственности и безопасности данных [6]. Лутц-Кристиан Вольф профессор права, специалист в области международного и китайского делового права отмечает, что развитие ИИ меняет саму природу сравнительного правоведения и требует пересмотра традиционных юридических категорий [8].

Сравнительный анализ показывает, что ни одна из рассматриваемых стран не признает искусственный интеллект самостоятельным субъектом гражданского права. Россия, США, Китай, Индия и ОАЭ придерживаются антропоцентрической модели, в которой ключевую роль играет человек. Однако различия проявляются в степени детализации регулирования. Китай и ОАЭ демонстрируют более активный подход, внедряя специальные нормы и механизмы контроля. США формируют практику через судебные решения и административные разъяснения. Россия и Индия находятся на стадии формирования системного регулирования.

Наиболее серьезными проблемами современного правового регулирования является отсутствие четкого правового режима творений искусственного интеллекта, сложность распределения ответственности за причиненный вред и отставание законодательства от темпов технологического развития. Использование автономных систем в творческой деятельности фактически ставит под сомнение традиционное понимание авторства как результата исключительно человеческого труда.

В целях совершенствования российского законодательства представляется целесообразным введение специальной категории «цифровой агент», отражающей особенности функционирования

искусственного интеллекта без признания его полноценным субъектом права. Подобная конструкция позволит более эффективно регулировать отношения, возникающие при использовании интеллектуальных систем [3].

Кроме того, необходимо закрепить в Гражданском кодексе Российской Федерации специальные нормы, определяющие порядок распределения исключительных прав на результаты деятельности искусственного интеллекта между разработчиками, владельцами и пользователями соответствующих технологий. Значительное внимание следует уделить формированию механизмов обязательного страхования ответственности за вред, причиненный автономными системами.

Важным направлением развития является международная гармонизация законодательства в сфере искусственного интеллекта. В качестве основы могут использоваться положения Рекомендации ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта 2021 г., а также принципы Организации экономического сотрудничества и развития, направленные на обеспечение прозрачности, безопасности и защиты прав человека в условиях цифровизации [9].

Искусственный интеллект и создаваемые им результаты интеллектуальной деятельности становятся одним из ключевых вызовов для современного гражданского права. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости модернизации существующих правовых механизмов с учетом особенностей цифровой эпохи. Для Российской Федерации наиболее перспективным представляется формирование гибридной модели регулирования, сочетающей элементы государственного контроля, правовой защиты участников гражданского оборота и стимулирования инновационного развития. Использование зарубежного опыта позволит создать более эффективную и сбалансированную систему гражданско-правового регулирования искусственного интеллекта и его творений.

Литература

1. Искусственный интеллект и право: правовые проблемы развития / И. Ю. Богдановская, В. В. Архипов, В. Б. Наумов и др. // Труды по интеллектуальной собственности. Москва: Изд-во ВШЭ, 2024. Вып. 4. С. 12–45.
2. Гаврилов Э. П. Авторское право: учебник. Москва: Юрайт, 2022. 345 с.

3. Иванов А. А. Сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта в России, Китае, США // CyberLeninka. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii-kitae-ssha-i-evropeyskom-soyuze>.

4. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2018. 420 с.

5. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 91–109.

6. Русакова Е. П. Применение искусственного интеллекта в судебной системе КНР // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2023. Т. 27, № 2. С. 345–360.

7. Chen B. Legal Practices Concerning Artificial Intelligence: Liability, IP, and Data Security // Laws. 2024. Vol. 13, Issue 2. P. 14–29.

8. Wolff L. C. Artificial Intelligence and Comparative Law Forum. 2020. № 2.

9. Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (2021). URL: <https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics>.

THE CIVIL LAW STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ITS CREATIONS: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR MODERN LAW

Tsybikzhapova Alisa Stanislavovna

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

cybikzapovaalisa@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna

Senior lecturer,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

marina.naletova.68@yandex.ru

The article is devoted to the study of the problems of civil law regulation of artificial intelligence and the results of intellectual activity created using it. The article considers modern approaches to determining the legal status of artificial

intelligence in Russia and foreign countries, analyzes the issues of legal personality of AI, the distribution of civil liability, as well as the legal regime of works created by autonomous systems. Special attention is paid to the comparative analysis of regulatory models in the Russian Federation, the USA, China, India and the United Arab Emirates. Based on the conducted research, proposals are formulated to improve Russian legislation in the field of regulation of artificial intelligence and its creations.

Keywords: artificial intelligence, legal status, civil law, comparative analysis, digitalization, responsibility, intellectual property, digital agent, copyright, autonomous systems.

**НАСЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-АККАУНТОВ:
ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ**

© Чернега Андрей Алексеевич

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

andreychernega2006@gmail.com

© Перевалов Максим Алексеевич

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

dartss2806@gmail.com

Научный руководитель

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru

В статье рассматривается проблема наследования интернет-аккаунтов в российском гражданском праве. Выявляется фундаментальная коллизия между общими нормами Гражданского кодекса РФ (ст. 1112, 141.1), создающими предпосылки для включения цифровых активов в наследственную массу, и пользовательскими соглашениями цифровых платформ, которые фактически исключают переход прав на аккаунты к наследникам. На основе анализа доктринальных подходов обосновывается необходимость законодательного вмешательства. Особое внимание уделяется критическому разбору законодательной инициативы 2025 г. о закреплении понятия «цифровое наследство». Формулируются предложения, включая дополнение ст. 128 ГК РФ, установление приоритета наследственных норм над пользовательскими соглашениями, создание института цифрового завещания и разработку дифференцированного механизма доступа наследников к содержимому аккаунта.

Ключевые слова: наследование, интернет-аккаунт, цифровое наследство, цифровые права, пользовательское соглашение, коллизия норм, наследственная масса, нотариат, тайна переписки, цифровые платформы, защита прав, цифровые активы.

Цифровые активы прочно вошли в жизнь современного человека: аккаунты в социальных сетях, мессенджерах, облачных хранилищах и криптокошельках зачастую обладают не только личной, но и выраженной коммерческой ценностью. По имеющимся данным, в мире насчитывается около 5 миллиардов активных пользователей социальных сетей [3, с. 166], а эксперты прогнозируют, что к 2070 г. количество «мёртвых» аккаунтов превысит число «живых» [2, с. 100]. Вместе с тем правовая судьба этих объектов после ухода из жизни их владельца остаётся неопределённой, поскольку российское законодательство практически не содержит специальных норм, рассчитанных на эту часть цифровой среды.

В августе 2025 г. депутаты фракции «Новые люди» предложили внести в Гражданский кодекс РФ понятие «цифровое наследство» и закрепить право граждан завещать доступ к своим аккаунтам, криптовалютам и доменам. Этот законопроект, с одной стороны, актуализирует давно назревшую проблему, а с другой — сам нуждается в серьёзном дополнении.

Цель настоящей статьи — определить ключевые правовые проблемы в регулировании наследования интернет-аккаунтов и предложить пути их устранения. Для этого последовательно рассматриваются: коллизия между нормами Гражданского кодекса и пользовательскими соглашениями; доктринальные подходы к определению правовой природы аккаунта; содержание и недостатки законодательной инициативы 2025 г.; возможные направления совершенствования законодательства.

Формально российское наследственное право создаёт определённые предпосылки для перехода цифровых активов по наследству. Ст. 1112 Гражданского кодекса РФ включает в состав наследства «иное имущество», в том числе имущественные права¹. Кроме того, с 2019 г. ст. 141.1 ГК РФ прямо относит к объектам гражданских прав цифровые права, которые могут свободно отчуждаться и переходить по наследству, если иное не предусмотрено законом².

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. №146-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

²Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Однако эта норма носит преимущественно отсылочный характер и касается прежде всего утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов, оставляя за скобками аккаунты, домены и иные подобные объекты [4, с. 106].

Реальную преграду для наследников создают не законы, а пользовательские соглашения. Платформы, как правило, либо прямо запрещают передачу аккаунта третьим лицам, либо вовсе умалчивают о возможности наследственного правопреемства. Социальная сеть «ВКонтакте», например, исходит из того, что профиль принадлежит исключительно одному владельцу и после его смерти может быть лишь удалён или снабжён мемориальным статусом; право доступа к переписке и иному содержимому родственникам не предоставляется [3, с. 167; 2, с. 100]. Схожую позицию занимают «Одноклассники», «Яндекс» и многие зарубежные сервисы. Исключения, подобные сервису «Цифровое наследие» (Digital Legacy) компании Apple или инструменту «На всякий случай» от Google, не меняют общей картины и к тому же действуют в рамках частных политик, не создавая полноценного наследственного правопреемства [4, с. 335].

Юридическим основанием такого положения служит принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ): платформа и пользователь вправе сами определить судьбу соглашения на случай смерти. Таким образом, императивные нормы наследственного права блокируются диспозитивными условиями договора, с которыми пользователь как правило соглашается даже без предварительного прочтения. Именно эта коллизия составляет первый и наиболее существенный правовой пробел. Отсутствие единого законодательного регулирования усугубляется разногласиями в научной литературе. Можно выделить два основных подхода к пониманию правовой природы аккаунта.

Сторонники первого подхода рассматривают аккаунт как «иное имущество», акцентируя внимание на его экономической ценности. Особенно отчётливо это проявляется в отношении бизнес-аккаунтов, используемых для получения дохода от рекламы или реализации товаров. В литературе предлагается квалифицировать успешный коммерческий аккаунт в качестве базы данных — объекта смежных прав (ст. 1334 ГК РФ) или сложного объекта интеллектуальной собственности, что открывает возможность включения его в наследственную массу [5, с. 386; 2, с. 101].

Второй подход, напротив, делает упор на личную, неимущественную природу аккаунта. Аккаунт неразрывно связан с лично-

стью пользователя, содержит его персональные данные, личную переписку и иные конфиденциальные сведения. В такой трактовке он не может быть признан полноценным объектом гражданского оборота и, следовательно, не подлежит наследованию [2, с. 101; 3, с. 166].

Обе эти точки зрения имеют под собой убедительные основания, и именно эта двойственность порождает правовую неопределённость. Законодатель, вводя в ГК РФ понятие цифровых прав, не дал ответа на вопрос о том, как разграничить имущественную и личную составляющие интернет-аккаунта и каким образом обеспечить баланс интересов наследников и владельцев платформ.

Законодательная инициатива депутатов фракции «Новые люди» августа 2025 о закреплении в ГК РФ понятия «цифрового наследства» и возможности завещать доступ к аккаунтам через портал «Госуслуги» выступает первой в России попыткой законодательного решения данной проблемы. Инициатива правильно идентифицирует сам пробел: отсутствие легального определения и механизма передачи цифровых активов наследникам.

Однако, критически проанализировав текст этого предложения, становится ясно, что законопроект в его нынешнем виде не решит ключевых вопросов. Во-первых, он не устраняет главный конфликт — противоречие новой нормы с действующими пользовательскими соглашениями. Если платформа, ссылаясь на пункты пользовательского соглашения, откажет наследнику в доступе, будет ли норма ГК РФ обладать приоритетом? Без прямого указания в законе существует риск, что суды продолжат применять принцип свободы договора, сводя на нет всё регулирование. Во-вторых, оставлена без внимания проблема тайны переписки. Предоставление наследникам полного доступа к аккаунту неизбежно приведёт к нарушению конституционных прав третьих лиц, чья переписка с наследодателем может быть раскрыта помимо их воли. Никаких механизмов, позволяющих отделить «имущественную» часть аккаунта от личной переписки, законопроект не содержит. Сами платформы сегодня последовательно отказывают в предоставлении доступа, ссылаясь как на собственные политики конфиденциальности, так и на законодательно охраняемую тайну связи [1, с. 109]. В-третьих, отсутствуют процедурные нормы: как нотариус должен идентифицировать цифровой актив, как оценивать его для расчёта государственной пошлины, каким образом обеспечить сохранность паролей и ключей

доступа до завершения наследственного дела. Таким образом, инициатива, будучи важным политическим сигналом, нуждается в серьёзной юридической доработке, иначе она рискует остаться.

С учётом выявленных проблем и имеющихся научных разработок представляется целесообразным предпринять следующие шаги:

1. Закрепление понятия цифровых активов в ГК РФ. Ст. 128 ГК РФ следует дополнить прямым указанием на то, что к объектам гражданских прав относятся «цифровые активы, включая аккаунты в социальных сетях, доменные имена и иные объекты, существующие в цифровой форме и обладающие имущественной ценностью» [1, с. 112]. Это устранил сомнения в возможности их включения в наследственную массу и приведёт норму в соответствие с реалиями цифровой экономики.

2. Преодоление коллизии с пользовательскими соглашениями. В законодательстве необходимо прямо установить приоритет норм о наследовании над пользовательскими соглашениями в части перехода прав к наследникам.

3. Целесообразна разработка института цифрового завещания. Предлагается ввести в Основы законодательства о нотариате новое нотариальное действие — «удостоверение цифрового завещания». В рамках такой процедуры наследодатель сможет указать перечень принадлежащих ему цифровых активов, определить наследников и установить ограничения по использованию контента [4, с. 338–339].

4. Перспективным видится подход, при котором наследники получают доступ к «имущественной» части аккаунта (контент, монетизация, настройки таргетинга), а личная переписка остаётся под защитой тайны переписки. Технически это могло бы реализовываться путём создания особого типа учётной записи с ограниченными правами, что позволило бы соблюсти баланс интересов наследников и правом третьих лиц, чья переписка фигурирует в базе данных аккаунта наследодателя.

Проведённый анализ подтверждает, что на сегодняшний день российское законодательство не гарантирует эффективного перехода прав на интернет-аккаунты в порядке наследования. Основными причинами являются коллизия между нормами ГК РФ и пользовательскими соглашениями, недостаточная законодательная определённости правовой природы аккаунта и отсутствие процедурных механизмов. Законодательная инициатива 2025 г., правильно опре-

деляя вектор развития, нуждается в комплексной доработке: необходимо не просто ввести новый термин, но и создать работоспособный правовой институт. Предложенные изменения в Гражданский кодекс и Основы законодательства о нотариате могли бы стать основой для такого института и обеспечить баланс интересов наследников, цифровых платформ и общества в целом.

Литература

1. Бордюговская А. А. Проблемы наследования цифрового имущества // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 3. С. 107–113.

2. Закиров Р. Ю., Хаярова Э. А. Перспектива включения аккаунта в социальной сети в наследственную массу // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 46, № 2(66). С. 99–104.

3. Манько О. В., Ураева Е. Ю. Цифровое наследование в Российской Федерации: плюсы и минусы // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 4. С. 165–168.

4. Непомнящий П. А. Цифровое завещание как форма осуществления права наследования цифровых прав // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 333–339.

5. Степанова Д. Н., Сутягин П. К., Авдеев Н. В. Наследование цифровых активов: особенности и проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12(228). С. 384–388.

INHERITANCE OF INTERNET ACCOUNTS: LEGAL GAPS AND WAYS TO ELIMINATE THEM

Chernega Andrey Alekseevich

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude,

andreychernega2006@gmail.com

Perevalov Maksim Alekseevich

2nd year student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude,

dartss2806@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna
Senior Lecturer,
Dorzh Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
marina.naletova.68@yandex.ru

The article examines the problem of inheritance of Internet accounts in Russian civil law. It reveals a fundamental collision between the general norms of the Civil Code of the Russian Federation (Articles 1112 and 141.1), which create prerequisites for including digital assets in the hereditary mass, and user agreements of digital platforms that practically exclude the transfer of rights to accounts to heirs. Based on an analysis of doctrinal approaches, the necessity of legislative intervention is substantiated. Special attention is paid to a critical review of the 2025 legislative initiative on introducing the concept of «digital inheritance». Proposals are formulated, including supplementing Article 128 of the Civil Code, establishing the priority of inheritance norms over user agreements, creating the institute of a digital will, and developing a differentiated mechanism for heirs' access to the content of an account.

Keywords: inheritance, Internet account, digital inheritance, digital rights, user agreement, collision of norms, hereditary mass, notariat, secrecy of correspondence, digital platforms, protection of rights, digital assets.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА УЧАСТНИКОВ И ЦЕЛИ СДЕЛКИ ПРИ ВЗЫСКАНИИ НАЛОГОВЫХ И ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

© Шодонова Мария Эдуардовна

кандидат юридических наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
shodonova@mail.ru

© Маслова Дарья Артемовна

студентка 5-го курса,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления,
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
daryyya_maslovaa@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы применения норм налогового и таможенного законодательства при заключении гражданско-правовых сделок с неоднозначно определенным статусом субъектов сделок. В частности, исследуется вопрос о влиянии характера сделки (потребительская или предпринимательская) и цели приобретения объектов сделки (для личных нужд или для использования в предпринимательской деятельности) на квалификацию отношений в целях применения указанных норм. В результате анализа постановлений Верховного суда РФ сделаны выводы о складывающейся практике правоприменения: к дарению объекта коммерческого назначения между близкими родственниками, имеющими статус индивидуальных предпринимателей, применима льгота ст. 217 НК РФ; при ввозе на территорию РФ товаров для личных нужд и для целей предпринимательской деятельности применяются разные правила определения таможенной стоимости.

Ключевые слова: статус участников сделки, дарение объектов коммерческого назначения, льготы при налогообложении, таможенные платежи, цели приобретения товаров.

Баланс публичных и частных интересов при регулировании гражданского оборота и связанных с ним отношений можно отнести к основополагающим задачам нормотворчества. Свобода эко-

номической деятельности, как принцип, закреплённый в ст. 8 Конституции РФ гарантирует в том числе и свободу предпринимательской деятельности, и свободу договора. Вместе с тем экономическое содержание гражданских правоотношений с неизбежностью ведет субъектов этих отношений в сферу публичных правоотношений, в частности налоговых, а иногда и таможенных. И в этих отношениях, в условиях юридического неравенства сторон, стороны гражданского правоотношения не могут так же легко, как в гражданских, определять содержание возникших отношений. Уполномоченный государственный орган, сквозь призму поставленных перед ним задач, видит в гражданско-правовом договоре не частный интерес, а публичный. Столкновение этих интересов способно породить юридический конфликт. Разберем некоторые из споров, недавно получившие рассмотрение в Верховном суде РФ.

Одним из интересных кейсов, рассмотренных Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ стало дело по заявлению индивидуального предпринимателя Хабиевой Елены Викторовны о признании недействительным решения Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 20 по Пермскому краю от 2 июня 2023 г. № 2 [1]. Заявитель получила в дар от своей матери одиннадцать объектов коммерческой недвижимости. Декларацию о доходе подавать не стала, считая, что к дарению между близкими родственниками применимы положения ст. 217 НК РФ, п. 18.1 — освобождение от НДФЛ. Но налоговый орган с такой оценкой ситуации не согласился и доначислил налог на доходы физических лиц (далее — НДФЛ) в сумме 2 434 536 рублей, взыскал штраф, предусмотренный п. 1 ст. 122 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ, Кодекс), в размере 30 431 рублей 69 копеек. Суды, при обжаловании решения налогового органа, по-разному разрешали возникший спор. Принципиальным моментом было тот факт, что в качестве дара передавалось имущество коммерческого назначения, используемое в предпринимательской деятельности, а не для личных нужд одаряемого. Получил оценку и статус сторон в договоре дарения — индивидуальные предприниматели.

В своем определении Судебная коллегия дает ответ на вопрос о том, что является определяющим для применения налоговой льготы — статут субъектов или экономическое назначение дара: «облагаемым налогом доходом физического лица в случае дарения по существу выступает вменяемая гражданину выгода в виде экономии на рас-

ходах по созданию (приобретению) соответствующего имущества. Такого рода экономическая выгода облагается НДФЛ, поскольку по общему правилу гражданин должен был понести расходы при возмездном приобретении имущества у иных участников оборота, но вследствие получения имущества в дар освобождается от необходимости нести данные расходы. Вместе с тем отношения по дарению между членами семьи и (или) близкими родственниками по своей природе не предполагают и не могут предполагать экономического (предпринимательского) характера сделки между дарителем и одаряемым, поскольку имущество меняет своего собственника, но остается внутри круга лиц, связанных между собой близким родством». Таким образом, статус близкого родственника назван определяющим при толковании и применении нормы абз. 2 п. 18¹ ст. 217 НК РФ.

В последние годы судебная практика по спорам, связанным с корректировкой таможенной стоимости и взысканием таможенных платежей, претерпела существенные изменения. Во многом это обусловлено геополитической ситуацией, введением механизма параллельного импорта в 2022 г., а также активной позицией Верховного суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, которые сформулировали ряд принципиальных правовых позиций, ставших ориентирами для нижестоящих судов и участников внешнеэкономической деятельности.

Показательной является серия дел АО «Фруктовая лавка». В рамках таможенной проверки было установлено, что декларант заявил таможенную стоимость ввозимых фруктов по цене 5,2 долларов США за килограмм. При этом таможенный орган располагал ценовой информацией, согласно которой аналогичный товар ввозился иными участниками ВЭД по цене 7 долларов США за килограмм. Кроме того, декларант самостоятельно указал в декларации, что продавец и покупатель являются взаимосвязанными лицами — доля продавца в уставном капитале покупателя составляла 100%.

Таможенный орган принял решение о корректировке таможенной стоимости, посчитав заявленную цену заниженной. Декларант обратился в суд. Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили требования общества, указав, что само по себе расхождение между заявленной стоимостью и ценовой информацией таможенни не является основанием для корректировки без выяснения причин такого расхождения.

Однако Верховный суд РФ отменил принятые судебные акты и отказал в удовлетворении иска (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 25 декабря 2025 г. № 305-ЭС25-11417 [2], № 305-ЭС25-11156 [3], № 305-ЭС25-11921 [4]). Судебная коллегия указала, что при выявлении взаимосвязи сторон сделки и существенного отклонения заявленной цены от рыночных аналогов бремя доказывания отсутствия влияния взаимосвязи на цену сделки переходит на декларанта. Общество должно было раскрыть механизм ценообразования, применявшийся при ввозе товаров. Представление экспортных деклараций и прайс-листов поставщика само по себе недостаточно для освобождения декларанта от обязанности доказать, что взаимосвязь сторон не повлияла на цену.

Эта правовая позиция имеет принципиальное значение. Она устанавливает, что в определённых обстоятельствах именно импортер, а не таможенный орган, обязан активно доказывать достоверность заявленной таможенной стоимости. При этом Верховный суд не отменил общего правила о том, что бремя доказывания законности корректировки лежит на таможене, но уточнил, что после того, как таможня представила доказательства взаимосвязи сторон и отклонения цены, декларант не может ограничиваться формальным представлением стандартного пакета документов [5].

Противоположный подход был применён Верховным судом РФ в делах № А51-16929/2023 и № А51-4600/2024 по искам граждан. Граждане приобрели в Республике Корея автомобили для личного пользования (BMW X6 57 780 долларов США и Hyundai Staria за 21 700 долларов США). Таможенный орган, проведя проверку, обнаружил на иностранном аукционном сайте [plc.auction](#) сведения о продаже аналогичных автомобилей по значительно большей стоимости (150 000 долларов США за BMW X6 и 40 201 долларов США за Hyundai Staria). На основании этих данных таможня доначислила таможенные платежи. Гражданине обратились в суд. Суды первой и апелляционной инстанций поддержали таможенный орган, посчитав, что информация с интернет-аукциона является допустимым доказательством. Однако Верховный суд РФ в определениях от 13 ноября 2025 г. № 303-ЭС25-8507 [6] и от 26 февраля 2026 г. № 303-ЭС25-12284 [7] встал на сторону граждан.

Судебная коллегия разъяснила, что в случае несогласия со сведениями, представленными декларантом, бремя доказывания того,

что заявленная величина таможенной стоимости не может быть использована, возлагается на таможенный орган. При этом сведения с иностранных интернет-сайтов, включая торговые площадки и ценовые агрегаторы, не могут рассматриваться ни как достаточное, ни как самостоятельное доказательство занижения стоимости товара.

Верховный суд провёл чёткое разграничение между товарами, ввозимыми для личного пользования, и коммерческими грузами. Для товаров для личного пользования действует упрощённый порядок определения таможенной стоимости (глава 37 Таможенного кодекса ЕАЭС), и использование интернет-источников в определённых пределах допустимо. Однако для коммерческих грузов (глава 5 Таможенного кодекса ЕАЭС) такая практика неправомерна. Ошибка таможни заключалась в том, что она механически применила источники информации, допустимые для одной категории товаров, к товару, ввозимому для личного пользования, без надлежащего обоснования.

Литература

1. Определение СК по экономическим спорам ВС РФ № 309-ЭС24-21782 от 17.04.2026. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413989781/> (дата обращения: 08.05.2026).

2. Определение СК по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 305-ЭС25-11417 по делу № А40-179142/2024. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413277662/> (дата обращения: 08.05.2026).

3. Определение СК по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 305-ЭС25-11156 по делу № А40-135848/2024. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413277656/> (дата обращения: 08.05.2026).

4. Определение СК по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 305-ЭС25-11921 по делу № А40-173573/2024. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413277650/> (дата обращения: 08.05.2026).

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 25.12.2025 № 305-ЭС25-11417 по делу № А40-179142/2024. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413277662/> (дата обращения: 25.04.2026).

6. Определение СК по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 13 ноября 2025 г. № 303-ЭС25-8507 по

делу № А51-16929/2023. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412953793/> (дата обращения: 08.05.2026).

7. Определение СК по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 303-ЭС25-12284 по делу № А51-4600/2024. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413678024/> (дата обращения: 08.05.2026).

PROBLEMS OF DETERMINING THE STATUS OF PARTICIPANTS
AND THE PURPOSE OF THE TRANSACTION WHEN COLLECTING
TAX AND CUSTOMS PAYMENTS

Shodonova Maria Eduardovna

Candidate of Law, Associate Professor,
East Siberian State University of Technology and Management
Russian Federation, Ulan-Ude
shodonova@mail.ru

Maslova Darya Artemovna

5th year student,
East Siberian State University of Technology and Management
Russian Federation, Ulan-Ude
daryyya_maslovaa@mail.ru

The article discusses the problems of applying the norms of tax and customs legislation when concluding civil law transactions with an ambiguously defined status of the subjects of transactions. In particular, the issue of the influence of the nature of the transaction (consumer or entrepreneurial) and the purpose of acquiring the objects of the transaction (for personal needs or for use in entrepreneurial activities) on the qualification of relations in order to apply these norms is being investigated. As a result of the analysis of the rulings of the Supreme Court of the Russian Federation, conclusions were drawn about the emerging practice of law enforcement: the privilege of Article 217 of the Tax Code of the Russian Federation applies to the donation of a commercial object between close relatives with the status of individual entrepreneurs; when goods are imported into the territory of the Russian Federation for personal needs and for business purposes, different rules for determining customs value are applied.

Keywords: the status of the participants in the transaction, the donation of commercial objects, tax benefits, customs payments, and the purpose of purchasing goods.

ТРУДОВОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ СПОРОВ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

© Бальжинимаева Арюна Саяновна

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

balzhinimaeva0303@mail.ru

Научный руководитель

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы судебного обжалования дисциплинарных взысканий, применяемых к сотрудникам органов внутренних дел. Анализируется правовая природа дисциплинарной ответственности в системе МВД России, выделяются особенности служебного правоприменения. Исследуется порядок обращения в суд, распределение бремени доказывания, специфика оценки законности и обоснованности наложения взыскания. Отдельное внимание уделяется практике судов общей юрисдикции по делам об оспаривании выговоров, строгих выговоров, предупреждений о неполном служебном соответствии и увольнений со службы. Выявляются типичные нарушения процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности, допускаемые руководителями территориальных органов. Формулируются предложения по совершенствованию судебной защиты прав сотрудников ОВД. Выполняется вывод о необходимости унификации подходов судов к оценке тяжести проступка, соразмерности взыскания и соблюдения сроков привлечения к различным видам ответственности.

Ключевые слова: дисциплинарный спор, сотрудник органов внутренних дел, судебный порядок, дисциплинарное взыскание, обжалование,

служебная проверка, увольнение, восстановление на службе, судебная практика, защита прав.

Дисциплинарные споры сотрудников органов внутренних дел (ОВД) занимают важную роль в системе служебного права. Это связано как со спецификой их правового статуса, так и особым порядком привлечения к дисциплинарной ответственности, предусмотренным Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. До недавнего времени значительная часть споров рассматривалась в административном порядке, однако в последние годы наблюдается устойчивый рост обращений в суды общей юрисдикции. Это требует подробного анализа особенностей судебного рассмотрения дел подобного характера.

Правовую основу дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД помимо Закона о службе составляют Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный Указом Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377, а также ведомственные приказы МВД России. Сотрудник вправе обжаловать дисциплинарное взыскание вышестоящему руководителю либо в суд [2]. При этом судебный порядок рассматривается как более эффективный механизм восстановления нарушенных прав, поскольку суд независим от ведомственной системы. Выделим основные особенности:

1. Первой особенностью хотелось бы выделить подведомственности. В соответствии со ст. 22 гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и разъяснениями пленума Верховного суда РФ, дела по искам сотрудников ОВД об оспаривании дисциплинарных взысканий, включая увольнение, подлежат рассмотрению в районных судах. Подсудность определяется по месту нахождения ответчика — территориального органа МВД. Срок обращения в суд составляет три месяца со дня, когда сотрудник узнал о нарушении своего права. Это рассматривается ст. 219 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Практика показывает, что пропуск этого срока без уважительных причин является наиболее частым основанием для отказа в удовлетворении иска.

2. Распределение бремени доказывания является второй особенностью. По делам об оспаривании дисциплинарных взысканий обязанность доказать законность и обоснованность применения взыска-

кания возлагается на представителя органа внутренних дел. Суд может проверить имел ли место дисциплинарный проступок, соблюдена ли процедура служебной проверки, учтены ли тяжесть проступка, обстоятельства его совершения, предшествующее поведение сотрудника или соблюдены ли сроки привлечения к ответственности. Для примера можем рассмотреть следующий случай. В Апелляционном определении Московского городского суда от 15.05.2023 по делу № 33-1890/2023 суд отменил выговор сотруднику, поскольку в ходе служебной проверки не были затребованы объяснения от свидетелей, а сам сотрудник не был ознакомлен с приказом о наказании в установленный срок [3].

3. Специфика оценки соразмерности взыскания. Суды не вправе подменять руководителя органа внутренних дел в выборе вида взыскания, но они могут проверить, выполняется ли принцип справедливости и соразмерности. Очень важно контролировать данный процесс, так как данный вопрос остро встает при оспаривании увольнения. В п. 49 постановления пленума Верховного суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» в редакции от 24 декабря 2020 г. указано, что при увольнении за грубое нарушение служебной дисциплины необходимо учитывать определенные условия. В сложившейся ситуации решением Санкт-Петербургского городского суда от 12.07.2022 сотрудник был восстановлен в должности, так как опоздание на работу на 15 минут впервые за 10 лет службы было признано недостаточным основанием для увольнения, а взыскание в виде выговора — адекватным.

4. Следующей особенностью отметим процедурные нарушения как основание для отмены взыскания. Суды регулярно находят следующие виды нарушения:

- непроведение служебной проверки;
- отсутствие письменного объяснения от сотрудника;
- нарушение сроков наложения взыскания;
- неиздание приказа либо отсутствие подписи сотрудника об ознакомлении.

Наглядным примером является решение Советского районного суда г. Рязани от 20.01.2024, в котором строгий выговор признан незаконным и служебная проверка была проведена неуполномоченным лицом, не имеющим должностных прав налагать дисциплинарные взыскания [4].

5. Заключительной особенностью отметим исполнение судебных решений. При удовлетворении иска работник может попасть в ситуацию с фактическими затруднениями: выплата денежных средств за время вынужденного прогула производится часто только после повторного обращения в суд с заявлением о разъяснении порядка исполнения [5; 6].

Руководствуясь ч. 4 ст. 7 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» время которое отводится на доказывание законности дисциплинарного взыскания лежит на руководителе. Суды часто придерживаются данного порядка. Рассматривая примеры из практик судами дел о дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел за 2023 г., утвержденного Верховным судом РФ 15 февраля 2024 г. следует, что порядка 40% исков сотрудников ОВД о признании дисциплинарного взыскания незаконным удовлетворяется либо частично удовлетворяется [7].

В добавок следует отметить, что суды обращают внимание на соблюдение принципа презумпции невиновности при проведении служебной проверки. Нельзя возлагать на работника обязанность доказывать свою невиновность. Наоборот проведенная проверка должна объективно установить все обстоятельства в определенной ситуации. В случае неустраимых сомнений они трактуются в пользу сотрудника.

Поскольку дела данной категории рассматриваются по правилам КАС РФ указанные в главе 22, истец должен указать, какие именно права были нарушены в отношении его, но не обязан доказывать незаконность оспариваемого акта — это прерогатива ответчика. На практике бывает так, что сотрудникам рекомендуется представлять доказательства, которые опровергающие факт проступка. Суды также могут произвести проверку, была ли соблюдена ли процедура истребования объяснений. То есть отказ сотрудника дать объяснение не освобождает руководителя от оформления соответствующего акта.

Хотелось бы отменить возможность использования электронного правосудия. Которое с 2022 г. позволяет во многих регионах реализовать подачу исковых заявлений через ГАС «Правосудие» и портал «Электронное правосудие». Это облегчает доступ сотрудников ОВД к судебной защите, особенно при обжаловании дисциплинарных взысканий, связанных с увольнением.

При рассмотрении дисциплинарных споров сотрудников органов внутренних дел в судебном порядке можно выделить ряд особенностей. Такие как:

- специальная подведомственность;
- сокращенные сроки обжалования;
- смещенное бремя доказывания;
- детальная проверка процедурных аспектов;
- требований соразмерности.

Судебная практика последних лет показывает об увеличении уровня защищенности работников от произвольных дисциплинарных решений. Вместе с тем сохраняется ряд проблем, которые связаны с длительностью процессов и последующим исполнением судебных актов. Целесообразным является дополнительно унифицировать способы судов к оценке тяжести проступка, а также расширить практику компенсации морального вреда при незаконном применении дисциплинарных взысканий к работникам.

Литература

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

2. Об утверждении Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 43. Ст. 5808.

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 15.05.2023 по делу № 33-1890/2023 // Архив Московского городского суда. 2023. 10 с.

4. Решение Советского районного суда г. Рязани от 20.01.2024 по делу № 2-45/2024 // Архив Советского районного суда г. Рязани. 2024. 5 с.

5. Кардашова И. Б. Судебная защита прав сотрудников полиции от неправомерных дисциплинарных взысканий // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 44-48.

6. Петров В. А. Дисциплинарная ответственность сотрудников ОВД: проблемы теории и практики. Москва: Юрлитинформ, 2023. 210 с.

7. Обзор практики рассмотрения судами дел о дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел за 2023 г.: утв. Верховным судом РФ 15.02.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

PECULIARITIES OF JUDICIAL REVIEW OF DISCIPLINARY DISPUTES OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

BalzhinimaevaAryuna Sayanovna

1st year Master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude,
balzhinimaeva0303@mail.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

The article discusses the current problems of judicial appeal of disciplinary penalties applied to employees of the internal affairs bodies. The article analyzes the legal nature of disciplinary responsibility in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, highlights the features of official law enforcement. The article examines the procedure for applying to the court, the distribution of the burden of proof, and the specifics of assessing the legality and validity of the imposition of penalties. Special attention is paid to the practice of courts of general jurisdiction in cases of challenging reprimands, severe reprimands, warnings of incomplete official compliance and dismissals from service. Typical violations of the disciplinary procedure committed by the heads of territorial bodies are identified. Proposals are being formulated to improve judicial protection of the rights of police officers. It is concluded that it is necessary to unify the approaches of courts to assessing the severity of misconduct, the proportionality of penalties and compliance with the deadlines for bringing various types of liability.

Keywords: disciplinary dispute, law enforcement officer, judicial procedure, disciplinary action, appeal, internal audit, dismissal, reinstatement, judicial practice, protection of rights.

ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ПРИОБРЕТАТЕЛЬ В ДОГОВОРЕ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

© Бастуева Юлия Чимитовна

магистрант 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

dolgor-b@ya.ru

Научный руководитель

Балдаева Римма Александровна

кандидат биологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

brimma72@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам защиты прав добросовестного приобретателя в договоре купли-продажи земельного участка. Анализируются различные критерии добросовестности приобретателя, выработанные судебной практикой. Автор отмечает, что значение имеет не только сам факт обращения к единому государственному реестру недвижимости, но и вся совокупность действий приобретателя, свидетельствующих о разумной осторожности и добросовестном участии в гражданском обороте. В статье представлены меры по совершенствованию положений Гражданского кодекса РФ, регулирующих основания признания сделок недействительными, а также защиты прав добросовестного приобретателя.

Ключевые слова: договор купли-продажи земельного участка, обременения земельного участка, добросовестный приобретатель, защита прав добросовестного приобретателя, государственный кадастровый учет, единый государственный реестр недвижимости.

В современной цивилистике добросовестность приобретателя все чаще раскрывается через категорию объективного стандарта осмотрительности. При ее оценке учитываются обстоятельства совершения сделки, объем информации, доступной приобретателю, характер и степень очевидности возможных рисков, а также меры проверки, которые могли быть разумно предприняты в аналогичной ситуации. Такой подход позволяет не возлагать на приобретателя

чрезмерные обязанности, но одновременно исключает защиту лица, которое проигнорировало очевидные признаки неправомотности отчуждателя [3, с. 502].

Институт добросовестного приобретения непосредственно связан с положениями ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГК РФ) и правилами государственной регистрации прав на недвижимость. Добросовестным может быть признано лицо, которое на момент приобретения имущества не знало и, исходя из обстоятельств дела, не могло знать об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться соответствующим объектом. Однако на практике основная сложность заключается в определении содержания формулы «не могло знать», поскольку именно она задает пределы необходимой осмотрительности приобретателя.

Судебная оценка добросовестности предполагает анализ двух взаимосвязанных компонентов. Первый из них имеет субъективный характер и выражается в фактическом незнании приобретателя о неправомотности отчуждателя. Второй является объективным и связан с вопросом о том, могло ли лицо выявить соответствующий дефект при обычных условиях гражданского оборота. Следовательно, решающее значение приобретает не только отсутствие информации о нарушении, но и то, предпринимались ли приобретателем разумные действия по проверке правового статуса имущества и полномочий лица, его отчуждающего.

В литературе обращается внимание на то, что прежняя правоприменительная практика нередко исходила из чрезмерно широкого понимания обязанности приобретателя по проверке объекта. От него фактически ожидалось исследование всей истории перехода права, анализ оснований возникновения прав у предшествующих владельцев и выявление возможных пороков в цепочке сделок. Такой подход обоснованно критиковался, поскольку он возлагал на обычного участника оборота функции, близкие к профессиональной правовой экспертизе, и переносил на него риски недостатков регистрационной системы [5, с. 5].

Особое значение имеет характер приобретения имущества. Защита добросовестного приобретателя, как правило, ориентирована

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

на случаи возмездного приобретения, поскольку именно в такой ситуации лицо несет имущественные затраты и имеет оправданный интерес в сохранении результата сделки. Если же земельный участок был получен безвозмездно, приоритетная защита приобретателя перед собственником обычно исключается. Это объясняется тем, что безвозмездный приобретатель не несет сопоставимых экономических потерь и потому не нуждается в равной степени в защите устойчивости приобретенного права.

При разрешении споров об истребовании земельных участков существенное значение имеет также способ выбытия имущества из владения собственника. Если участок выбыл помимо его воли, например вследствие противоправных действий третьих лиц, вопрос о добросовестности последующего приобретателя становится одним из центральных для оценки допустимости виндикации. Иная ситуация складывается тогда, когда имущество первоначально выбыло по воле самого собственника, например, было передано по доверенности, подарено либо отчуждено в рамках иного волевого распоряжения. В подобных случаях возможность виндикационной защиты ограничивается, поскольку гражданский оборот исходит из правовых последствий действий самого собственника.

До внесения изменений в гражданское законодательство в 2019 г. добросовестность приобретателя, как правило, подлежала доказыванию самим покупателем. Именно он должен был подтверждать, что при заключении сделки действовал разумно, осмотрительно и не располагал сведениями о возможных дефектах права отчуждателя. Такой подход возлагал на приобретателя значительную доказательственную нагрузку и фактически ограничивал защитное значение института добросовестного приобретения.

Существенный пересмотр данной модели был связан с принятием Федерального закона от 16 декабря 2019 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Указанным актом п. 6 ст. 8.1 ГК РФ был дополнен положением о презумпции добросовестности лица, которое при приобретении имущества полагалось на сведения Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН) и заключило

¹ Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52. Ст. 9373.

сделку с лицом, указанным в реестре в качестве собственника. Следовательно, приобретатель, ориентировавшийся на данные ЕГРН, считается добросовестным до тех пор, пока заинтересованным лицом не будет доказано обратное.

Закрепление данной презумпции изменило распределение бремени доказывания в спорах о правах на недвижимое имущество. Если ранее покупатель был вынужден самостоятельно обосновывать правомерность своего поведения, то после законодательных изменений обязанность опровергнуть его добросовестность в значительной степени перешла к истцу. В качестве такого истца обычно выступает первоначальный собственник либо иное лицо, заявляющее требование об истребовании имущества или о признании сделки недействительной. Тем самым правовое положение приобретателя было усилено, однако судебная практика показывает, что сама по себе ссылка на сведения ЕГРН не всегда обеспечивает достаточный уровень защиты.

Анализ решений Верховного суда РФ позволяет выделить несколько устойчивых критериев оценки поведения приобретателя. Первым и наиболее значимым из них является обращение к данным ЕГРН до заключения сделки. Получение выписки из государственного реестра рассматривается как базовая мера осмотрительности, поскольку ЕГРН предназначен для публичного подтверждения сведений о правах на недвижимость, ограничениях и обременениях. В Определении Верховного суда РФ от 25.10.2022 № 305-ЭС22-12747¹ был сформулирован подход, согласно которому покупатель, запросивший выписку из ЕГРН и не обнаруживший сведений о спорах или обременениях, может рассматриваться как действующий добросовестно. Доверие к официальному реестру в данном случае признается разумным и юридически оправданным.

Данный подход поддерживается и в научной литературе. Отмечается, что обычный участник гражданского оборота не должен нести обязанность по проведению углубленного исследования всей правовой истории объекта. Так, М. Е. Жаглина указывает на недопустимость возложения на покупателя необходимости проверять архивные регистрационные записи, скрытые корпоративные кон-

¹ Определение Верховного суда Российской Федерации от 25.10.2022 по делу № 305-ЭС22-12747. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405475791> (дата обращения: 05.05.2026).

фликты и иные обстоятельства, которые не отражены в ЕГРН и не могут быть выявлены посредством стандартных проверочных действий [2, с. 60]. Такой вывод соответствует принципу публичной достоверности реестра и препятствует переносу недостатков регистрационной системы на добросовестного приобретателя.

Вместе с тем презумпция добросовестности не освобождает покупателя от обязанности реагировать на очевидные признаки риска. Если в ЕГРН содержатся сведения о споре, аресте, ипотеке или ином обременении, стандарт поведения приобретателя становится более строгим. В такой ситуации недостаточно формально получить выписку; необходимо выяснить правовое значение соответствующих записей, их актуальность и возможное влияние на сделку. В Определении Верховного суда РФ от 12.03.2021 № 305-ЭС20-22112¹ указано, что игнорирование подобных обстоятельств может свидетельствовать о недобросовестности приобретателя, поскольку разумное поведение предполагает дополнительную проверку при наличии предупреждающих признаков.

Важное значение для правоприменительной практики сохраняет постановление пленума Верховного суда РФ и пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 29.04.2010 № 10/22². В нем закреплён подход, согласно которому именно истец должен доказать обстоятельства, указывающие на недобросовестность приобретателя. К таким обстоятельствам могут относиться умышленное поведение покупателя, отказ от очевидных мер проверки, осведомленность о спорности имущества, а также приобретение объекта по цене, существенно отличающейся от рыночной. В частности, значительное занижение стоимости, например более чем на 30%, может рассматриваться судом как обстоятельство, требующее дополнительной оценки.

Следовательно, добросовестность приобретателя не может определяться по одному формальному признаку. Она устанавлива-

¹ Определение Верховного суда Российской Федерации от 12.03.2021 по делу № 305-ЭС20-22112. URL: <https://legalacts.ru/sud> (дата обращения: 05.05.2026).

² Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации и пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 5.

ется на основе совокупности обстоятельств, характеризующих поведение покупателя до и вовремя заключения сделки. В пользу добросовестности могут свидетельствовать получение актуальной выписки из ЕГРН, отсутствие в ней сведений об ограничениях и спорах, нотариальное удостоверение договора, указание полной стоимости земельного участка, соответствие цены рыночному уровню, а также использование надежных способов расчетов. К таким способам относятся эскроу-счет, банковская ячейка или иные формы передачи денежных средств, позволяющие подтвердить реальность оплаты и исключить фиктивность сделки.

Однако даже признание покупателя добросовестным не всегда приводит к полноценной защите его имущественных интересов. В судебной практике возможны ситуации, когда сделка признается недействительной, земельный участок возвращается первоначальному собственнику, а приобретатель вынужден отдельно добиваться возврата уплаченной суммы и возмещения причиненных убытков. Подобная практика создает значительные риски для добросовестных участников оборота недвижимости. Она снижает уровень доверия к данным государственного реестра, усиливает правовую неопределенность и вступает в противоречие с принципами справедливости, разумности и стабильности гражданского оборота [6, с. 79].

В судебной практике значительную сложность вызывают споры, в которых добросовестный приобретатель земельного участка первоначально не имеет оснований сомневаться в законности сделки, однако впоследствии сталкивается с требованиями третьих лиц. Как правило, такие требования основаны на утверждении о том, что на спорной территории уже существует ранее сформированный земельный участок, принадлежащий истцу на праве собственности.

Подобные ситуации в земельно-правовой сфере связаны с проблемой наложения границ земельных участков. Формально возникновение такого конфликта может показаться маловероятным, поскольку сведения о правах на участок содержатся в Едином государственном реестре недвижимости, а зарегистрированный собственник обладает правом распоряжения объектом. Однако на практике указанная проблема сохраняет актуальность, что обусловлено особенностями кадастрового учета земельных участков, права на которые возникли до формирования современной системы регистрации.

Наиболее часто подобные споры возникают в отношении ранее учтенных земельных участков. Значительная часть таких объектов была предоставлена или приобретена гражданами в 1990-е годы. В последующем сведения о них были внесены в ЕГРН, однако межевание собственниками не проводилось, вследствие чего в реестре отсутствуют координаты характерных точек границ. В результате право собственности на участок юридически зарегистрировано, но его точное местоположение на местности остается неопределенным.

Отсутствие координатного описания границ создает предпосылки для формирования новых земельных участков на той же территории. Особенно высок риск возникновения таких ситуаций в случаях, когда ранее учтенный участок не имеет внешних признаков использования: отсутствуют ограждения, постройки, межевые знаки или иные элементы, позволяющие визуальнo определить принадлежность территории конкретному лицу. При таких обстоятельствах участок может восприниматься как свободный, что в дальнейшем приводит к постановке на кадастровый учет нового объекта и внесению сведений о нем в ЕГРН.

После государственной регистрации вновь образованного участка его собственник получает возможность распоряжаться им, включая заключение договора купли-продажи. Покупатель, проверив сведения ЕГРН, правоустанавливающие документы и фактическое состояние территории, может объективно не обнаружить препятствий для приобретения. С внешней стороны такая сделка соответствует стандарту разумной осмотрительности: право продавца зарегистрировано, участок имеет кадастровый номер, сведения о нем публичны, а признаки принадлежности территории иному лицу отсутствуют.

Однако впоследствии приобретатель может быть привлечен к участию в судебном разбирательстве по иску собственника ранее учтенного участка, границы которого не были установлены. В таких делах предметом спора становится не только законность образования нового земельного участка, но и действительность последующей сделки, а также допустимость сохранения сведений о спорном объекте в ЕГРН. Ответчиками, как правило, выступают как продавец, так и покупатель вновь образованного участка.

Для установления фактических обстоятельств суды обычно назначают землеустроительную экспертизу. Ее целью является определение взаимного расположения спорных объектов и выявление

ние возможного пересечения их границ. Нередко экспертное заключение подтверждает наложение вновь образованного участка на территорию ранее учтенного объекта. На первый взгляд такой вывод должен влечь признание договора купли-продажи недействительным и исключение сведений о новом участке из ЕГРН либо перевод соответствующей записи в архивный статус, поскольку образование объекта произошло с нарушением требований земельного законодательства.

Вместе с тем наличие экспертного заключения о наложении границ не всегда имеет предопределяющее значение для исхода дела. Судебная оценка подобных споров не ограничивается техническим установлением пересечения участков. Значение приобретают иные обстоятельства: поведение сторон, длительность владения спорной территорией, наличие признаков фактического использования ранее учтенного участка, добросовестность приобретателя, публичность и достоверность регистрационных данных, а также соразмерность избранного истцом способа защиты нарушенного права.

Показательным в этом отношении является решение Дмитровского городского суда Московской области от 29.08.2023 по делу № 2-41/2023¹, которым в удовлетворении исковых требований было отказано. Впоследствии указанное решение было оставлено без изменения апелляционным определением Московского областного суда от 14.02.2024 по делу № 33-6362/2024². Данный пример показывает, что даже при наличии землеустроительной экспертизы, подтверждающей пересечение границ, суд может отказать в признании сделки недействительной, если совокупность обстоятельств свидетельствует о добросовестности приобретателя и необоснованности заявленного способа защиты.

В анализируемом судебном деле центральным обстоятельством стала добросовестность приобретателя земельного участка. Суд исходил из того, что покупатель до заключения договора купли-

¹ Решение Дмитровского городского суда Московской области от 29.08.2023 по делу № 2-41/2023. URL: <https://dmitrov--mo.sudrf.ru> (дата обращения: 05.05.2026).

² Апелляционное определение Московского областного суда от 14.02.2024 по делу № 33-6362/2024. URL: <https://oblsud--mo.sudrf.ru> (дата обращения: 05.05.2026).

продажи земельного участка совершил необходимые проверочные действия: изучил правоустанавливающие и регистрационные документы, убедился в наличии зарегистрированного права продавца и исполнил обязанность по оплате приобретенного имущества. Совокупность указанных обстоятельств позволила рассматривать его поведение как разумное и осмотрительное.

Особое значение данный вывод приобретает применительно к спорам о наложении границ земельных участков. Такое наложение, как правило, не всегда может быть выявлено путем стандартной проверки документов, поскольку сведения о фактическом пересечении границ зачастую не отражаются в общедоступных источниках и государственных информационных системах. При регистрации перехода права уполномоченный орган ориентируется, прежде всего, на данные ЕГРН и может не располагать сведениями о том, что вновь образованный участок частично или полностью совпадает с территорией ранее учтенного объекта, границы которого не были установлены в координатах. Следовательно, приобретатель в подобных условиях объективно ограничен в возможности обнаружить скрытый кадастровый дефект.

Вместе с тем оценка добросовестности приобретателя не может осуществляться изолированно от правил виндикационной защиты. В п. 13 Обзора судебной практики Верховного суда РФ от 26.04.2023¹ обращено внимание на то, что при применении ч. 1 ст. 302 ГК РФ добросовестность конечного приобретателя не имеет определяющего значения, если имущество выбыло из владения собственника помимо его воли. Такой подход основан на приоритете защиты собственника в случаях, когда он не совершал действий по отчуждению имущества и не выражал согласия на его выбытие из владения.

В рассматриваемом деле собственник ранее учтенного земельного участка, границы которого не были установлены в предусмотренном законом порядке, согласия на изъятие спорной территории не давал и от права собственности добровольно не отказывался. С формальной точки зрения это обстоятельство должно было иметь

¹ Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного суда РФ 26.04.2023) (ред. от 25.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445702 (дата обращения: 05.05.2026).

существенное значение для разрешения спора, поскольку отсутствие воли собственника традиционно усиливает его позицию при заявлении требований о восстановлении нарушенного права [1, с. 112].

Особое значение имеет закрепление приоритета защиты приобретателя в тех случаях, когда он действовал без признаков злоупотребления, ориентировался на сведения ЕГРН и объективно не мог выявить скрытые дефекты в праве отчуждателя.

Развитие института добросовестного приобретения в значительной степени осуществляется под влиянием судебного толкования и научной доктрины. Формула о том, что приобретатель «не знал и не мог знать» о неправомотности отчуждателя, оказалась недостаточной для разрешения сложных земельно-правовых конфликтов. Поэтому в правоприменительной практике центральное значение приобрел критерий разумной осмотрительности, позволяющий оценивать не только внутреннее отношение покупателя к сделке, но и его фактическое поведение до ее заключения.

К числу обстоятельств, подтверждающих добросовестность приобретателя, относятся проверка сведений ЕГРН, отсутствие данных об арестах, обременениях и судебных спорах, соответствие договорной цены рыночной стоимости земельного участка, реальность расчетов между сторонами, а также отсутствие иных признаков, которые могли бы вызвать у покупателя обоснованные сомнения в законности сделки. При этом значение имеет не только сам факт обращения к государственному реестру, но и вся совокупность действий приобретателя, свидетельствующих о разумной осторожности и добросовестном участии в гражданском обороте.

Следовательно, оценка добросовестности не должна сводиться к формальному установлению наличия или отсутствия выписки из ЕГРН. Одновременно недопустимо возлагать на приобретателя чрезмерную обязанность по исследованию всей предшествующей истории объекта, включая скрытые дефекты, которые невозможно выявить обычными средствами проверки. Более обоснованным является подход, при котором покупатель обязан совершить доступные и разумные действия по проверке объекта, но не несет негативных последствий за недостатки, не распознаваемые при нормальных условиях гражданского оборота.

Дальнейшее совершенствование рассматриваемого института должно быть связано с унификацией судебных подходов к опреде-

лению разумной осмотрительности. Закрепление единых критериев, позволяющих установить добросовестность либо недобросовестность приобретателя, будет способствовать укреплению доверия к рынку недвижимости, снижению количества противоречивых судебных решений и более справедливому распределению рисков между собственником и покупателем. Именно такая модель позволяет обеспечить баланс между охраной права собственности и необходимостью сохранения устойчивости гражданских правоотношений [4, с. 150].

Литература

1. Березкин А. С. Защита прав добросовестного приобретателя земельного участка // Право и управление. 2024. № 4. С. 110–114.
2. Жаглина М. Е. Защита прав добросовестного приобретателя при регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Вестник Юридического факультета Южного уральского университета. 2020. № 7. С. 58–63.
3. Кежаева В. С. Добросовестный приобретатель в гражданском праве: критерии добросовестности и защита владения // Вестник науки. 2026. Т. 3, № 1(94). С. 502–511.
4. Осадченко Э. О., Карпенко А. А. Современные проблемы защиты права владения добросовестного приобретателя в российском гражданском праве // Экономика, право, аналитика: синергия устойчивого развития: сборник статей по итогам научно-практической конференции с международным участием. Курск: Университетская книга, 2026. С. 148–151.
5. Пушкина А. В. Тенденции судебной практики по оспариванию прав добросовестных приобретателей недвижимого имущества // Вестник арбитражной практики. 2021. № 4 (95). С. 3–10.
6. Романова К. В., Филиппова Т. В. Понятие «добросовестный приобретатель» в гражданском судопроизводстве: защита прав при оспаривании сделок // Правовой альманах. 2025. № 9(49). С. 74–81.

A BONA FIDE ACQUIRER IN A LAND PURCHASE
AND SALE AGREEMENT

Bastueva Yulia Chimitovna

2nd year Master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
dolgor-b@ya.ru

Baldaeva Rimma Aleksandrovna

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
brimma72@mail.ru

The article is devoted to topical issues of protecting the rights of a bona fide buyer in a land purchase and sale agreement. The various criteria of the acquirer's good faith, developed by judicial practice, are analyzed. The author notes that it is important not only the very fact of accessing the unified state register of real estate, but also the whole set of actions of the acquirer, indicating reasonable caution and conscientious participation in civil turnover. The article presents measures to improve the provisions of the Civil Code of the Russian Federation governing the grounds for invalidating transactions, as well as protecting the rights of a bona fide acquirer.

Keywords: land purchase and sale agreement, encumbrances of a land plot, bona fide acquirer, protection of the rights of a bona fide acquirer, state cadastral registration, unified state register of real estate.

РОЛЬ МЕДИАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ В СФЕРЕ ТРУДА

© Батомункуев Саян Максимович

магистрант 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

caian@bk.ru

Научный руководитель

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные вопросы правового регулирования медиации как способа урегулирования индивидуальных трудовых споров. Автор анализирует положения Трудового кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об альтернативной процедуре рассмотрения споров (процедуре медиации)» в части правового регулирования института медиации. Выделяются недостатки и преимущества медиации по сравнению с судебным порядком разрешения трудовых споров. Рассматривается опыт регулирования медиации в сфере трудовых отношений в Китайской Народной Республике, Бразилии, Индии. Отмечается, что в Китае и Индии медиация применяются значительно активнее, что объясняется историческими и культурными традициями данных государств, ориентированными на согласительное разрешение споров. По итогам исследования сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования института медиации в сфере трудовых правоотношений.

Ключевые слова: трудовые отношения, защита трудовых прав, медиация, медиатор, медиативное соглашение, примирительные процедуры, индивидуальные трудовые споры, суд, комиссия по трудовым спорам, медиативная оговорка.

Медиация представляет собой альтернативный способ разрешения споров, основанный на добровольном участии сторон и содействии нейтрального посредника. Правовые основания для ее приме-

нения закреплены как в Трудовом кодексе Российской Федерации¹ (далее — ТК РФ), так и в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре рассмотрения споров (процедуре медиации)»². Нормативные положения допускают применение медиации в целях досудебного урегулирования трудовых разногласий. Тем не менее, практическое распространение данного механизма остается ограниченным. Основными причинами такой ситуации выступают недостаточная осведомленность участников трудовых отношений о возможностях и преимуществах медиации, а также сравнительно низкий уровень доверия к данному способу разрешения споров. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего изучения медиативных процедур и их потенциала в сфере защиты трудовых прав [2, с. 23].

Следует отметить, что использование медиации возможно на различных этапах развития спора. Данная процедура может применяться как до обращения сторон в суд или комиссию по трудовым спорам, так и в процессе рассмотрения спора указанными органами. Однако в практике ее применения выявляется ряд факторов, ограничивающих распространение данного механизма. Одним из существенных препятствий является платный характер медиации. Участие профессионального медиатора связано с финансовыми затратами, что может снижать заинтересованность сторон в использовании данного способа урегулирования спора.

Особенно заметным данное обстоятельство становится при сравнении медиации с судебным порядком разрешения трудовых споров. Работники, обращающиеся в суд с требованиями, вытекающими из трудовых правоотношений, освобождаются от уплаты государственной пошлины. Даже в условиях увеличения размеров судебных пошлин по иным категориям дел указанная льгота сохраняется. В результате судебная защита трудовых прав для работников зачастую оказывается более доступной, чем обращение к медиации [3, с. 20].

Медиация обладает рядом значительных преимуществ, которые позволяют рассматривать ее как перспективный механизм разреше-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 3.

² Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре рассмотрения споров (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

ния трудовых споров. Одним из наиболее важных достоинств данной процедуры является ее конфиденциальный характер. Сохранение конфиденциальности выгодно обеим сторонам трудового спора.

В связи с этим представляется целесообразным установления дополнительных требований к медиаторам, специализирующимся на трудовых спорах. В частности, можно предусмотреть обязательную подготовку в сфере трудового права, а также владение основами психологии и конфликтологии, что позволит повысить эффективность медиативного процесса [4, с. 57].

Еще одним значимым преимуществом медиации является ее оперативность и сравнительно низкая степень формализации. Процедура характеризуется гибкостью и возможностью адаптации к конкретной ситуации, что позволяет сторонам быстрее прийти к соглашению. В условиях современного рынка труда, отличающегося высокой динамичностью и необходимостью оперативного реагирования на возникающие противоречия, такие особенности медиативного механизма приобретают особую ценность.

Показательным в данном контексте является опыт регулирования медиации в сфере трудовых отношений в Китайской Народной Республике. Китайская система урегулирования трудовых споров формировалась как сочетание современных правовых механизмов и традиционных подходов к согласительному разрешению споров. Соответствующие положения закреплены в специальном нормативном акте, регулирующем медиацию и арбитраж трудовых споров¹ (ст. 14). В данном законе, помимо общих правил применения посредничества, установлен перечень организаций, компетентных осуществлять медиацию. К числу таких структур относятся комитеты предприятий по урегулированию трудовых споров, базовые медиативные организации, а также органы волостного уровня, наделенные полномочиями по разрешению трудовых споров.

Существенным отличием китайской модели от российской является более детальная регламентация категорий трудовых споров, которые могут разрешаться посредством медиации. Кроме того, китайское законодательство предусматривает обязательное прохождение стадий переговоров и медиативного урегулирования до обращения в судебные органы. При этом проведение медиации не тре-

¹ Закон КНР от 29.12.2007 «О медиации и арбитраже трудовых споров». URL: https://chinalawinfo.ru/social_law (дата обращения: 04.03.2026).

бует отдельного соглашения сторон, что подчеркивает приоритет согласительных механизмов в системе разрешения трудовых споров.

Отличается и институциональный статус медиативных структур. В КНР медиация рассматривается как деятельность специально уполномоченных органов, а сама процедура предполагает участие профессиональных медиаторов¹. Требования к кандидатам на данную должность закреплены на законодательном уровне, что направлено на повышение качества и эффективности медиативной практики.

В Бразилии законодательство достаточно широко подходит к определению круга лиц, которые могут выполнять функции медиатора². В роли посредника может выступать любое нейтральное третье лицо, обладающее гражданской правоспособностью и не наделенное правом принимать решения за участников спора. При этом законодатель не требует обязательного членства медиатора в профессиональных объединениях, ассоциациях или иных специализированных организациях. Вместе с тем гражданско-процессуальное законодательство Бразилии предусматривает определенные организационные условия функционирования медиативных процедур: медиаторы и частные центры медиации должны пройти официальную регистрацию в судебных органах соответствующего штата и быть включены в федеральный реестр [8, с. 199].

Иная модель альтернативного урегулирования трудовых споров сформировалась в Индии. Закон о промышленных спорах 1947 г.³ изначально закреплял лишь рекомендательный характер использования примирительных процедур при разрешении трудовых разногласий. Впоследствии нормативная база была дополнена положениями Гражданско-процессуального кодекса Индии⁴, которые придали альтернативным формам разрешения споров более четкий правовой статус. В соответствии со ст. 89 указанного кодекса суд мо-

¹ Закон КНР от 28.08.2010 «О народной медиации». URL: <https://cnlegal.ru> (дата обращения: 04.03.2026).

² *Leis do Trabalho* (CLT/1943). URL: <https://modeloinicial.com.br/lei/9/x/@> (дата обращения: 04.03.2026).

³ The Industrial Disputes Act (11th March, 1947). URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/20352/1/the_industrial_disputes_act.pdf (дата обращения: 04.03.2026).

⁴ The Code of Civil Procedure (Act no. 5 of 1908). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22982> (дата обращения: 04.03.2026).

жет направить спор на рассмотрение в рамках одной из примирительных процедур, если в процессе судебного разбирательства установлена возможность достижения сторонами взаимного соглашения. Применение медиации в индийской правовой системе может осуществляться по инициативе суда при наличии предпосылок для мирного урегулирования спора.

Сравнительное рассмотрение национальных моделей показывает, что уровень распространенности медиации в сфере трудовых отношений существенно различается. В России и Бразилии данный институт закреплен на законодательном уровне и рассматривается как один из возможных способов досудебного урегулирования трудовых споров. Однако на практике его использование пока остается ограниченным. В отличие от этого в Китае и Индии примирительные процедуры применяются значительно активнее, что во многом объясняется историческими и культурными традициями данных государств, ориентированными на согласительное разрешение споров и поддержание социальной стабильности.

В целом медиация может рассматриваться как перспективное направление развития системы досудебного урегулирования трудовых споров. Ее гибкость, ориентация на достижение компромисса и возможность сохранения конструктивных отношений между сторонами позволяют рассматривать данный механизм как эффективный инструмент разрешения споров в условиях современной экономической среды [8, с. 203].

Ситуацию усугубляет и недостаточный уровень профессиональной подготовки специалистов, занимающихся посредничеством именно в сфере трудовых споров. Отсутствие у медиаторов специализированных знаний в области трудового законодательства, а также недостаточное понимание специфики трудовых правоотношений могут снижать результативность процедуры и, соответственно, уровень доверия к ней со стороны сторон спора.

Определенные трудности возникают и вследствие несогласованности отдельных нормативных положений. Так, нормы трудового законодательства, регулирующие порядок урегулирования коллективных трудовых споров, допускают участие посредника в процессе их разрешения. Вместе с тем федеральный закон, регулирующий медиацию, содержит положение, исключающее возможность применения медиации именно к коллективным трудовым спорам. Подобная коллизия между нормативными актами создает неопреде-

ленность в правоприменительной практике и может препятствовать более активному развитию медиативных механизмов в сфере трудовых отношений.

Дополнительная правовая неопределенность прослеживается и в регулировании индивидуальных трудовых споров. В соответствии с действующими нормами ТК РФ такие споры могут рассматриваться либо в судебном порядке, либо комиссией по трудовым спорам. При этом законодатель прямо не предусматривает возможность участия медиатора в разрешении подобных споров. В то же время федеральное законодательство, регулирующее альтернативные способы разрешения споров, прямо допускает использование медиации при урегулировании трудовых споров. Подобное несоответствие нормативных актов порождает вопрос о допустимости и порядке применения медиации в данной сфере [1, с. 21].

Представляется, что медиация способна эффективно использоваться при урегулировании индивидуальных трудовых споров, однако для этого требуется совершенствование действующего законодательства. В частности, целесообразно закрепить в ТК РФ возможность обращения сторон к медиатору наряду с уже существующими механизмами защиты трудовых прав, такими как рассмотрение спора комиссией по трудовым спорам или обращение в суд. В научной литературе также высказывается позиция о значительном потенциале медиации в сфере трудовых отношений. Вместе с тем их эффективность может быть обеспечена лишь при условии более четкого нормативного регулирования. Отдельные исследователи отмечают, что существенный эффект могло бы дать закрепление медиации в качестве обязательной стадии разрешения индивидуальных трудовых споров [7, с. 100].

Следует отметить, что принятие федерального закона, регулирующего альтернативные процедуры разрешения споров, стало важным этапом институционального развития медиации. Однако соответствующие изменения в трудовом законодательстве до настоящего времени в полной мере не реализованы. В частности, положения ТК РФ, регулирующие способы защиты трудовых прав и свобод, не содержат прямого указания на медиацию как самостоятельный механизм урегулирования трудовых споров. Отсутствие соответствующих изменений свидетельствует о наличии нормативного пробела, который сдерживает полноценное внедрение медиации в практику разрешения трудовых споров.

Совершенствование применения медиации в сфере трудовых правоотношений требует их более тесной интеграции в действующую систему социального партнерства, закрепленную гл. 4 ТК РФ. Представляется целесообразным предусмотреть в коллективных договорах и соглашениях специальные положения, регулирующие порядок использования медиации. Такие нормы могли бы определять условия обращения к медиатору, сроки проведения процедуры, требования к его профессиональной компетенции, а также порядок фиксации достигнутых договоренностей.

Одним из возможных направлений развития правового регулирования является закрепление медиации в качестве обязательной досудебной стадии разрешения индивидуальных трудовых споров наряду с деятельностью комиссий по трудовым спорам. В таком случае процедура урегулирования спора могла бы включать несколько последовательных этапов. На первоначальной стадии стороны предпринимают попытку урегулирования разногласий путем прямых переговоров между работником и работодателем. При отсутствии результата спор может быть передан в комиссию по трудовым спорам, урегулирован посредством медиации либо рассмотрен соответствующими государственными органами, включая Федеральную инспекцию труда РФ или органы Прокуратуры РФ. Заключительным этапом при невозможности достижения соглашения становится судебное разбирательство.

Реализация подобной многоуровневой модели разрешения трудовых споров способна способствовать снижению нагрузки на судебную систему, а также формированию более гибкого и эффективного механизма урегулирования трудовых споров, ориентированного на достижение взаимоприемлемого результата для всех участников трудовых правоотношений.

Развитие института медиации в сфере трудовых правоотношений требует дальнейшего совершенствования нормативного регулирования, направленного на расширение практики применения примирительных процедур. Одним из возможных направлений законодательных изменений может стать установление обязанности работодателя предлагать работнику использование медиации в случаях прекращения трудового договора по основаниям, вызывающим спор между сторонами. Введение такой нормы способствовало бы усилению гарантий защиты трудовых прав работников, уменьшению количества судебных разбирательств и укреплению социаль-

ной стабильности в условиях трансформации современного рынка труда [9, с. 296].

Важное значение имеет также более четкое закрепление медиации непосредственно в трудовом законодательстве. Представляется целесообразным дополнить нормы, регулирующие способы защиты трудовых прав и порядок разрешения трудовых споров, указанием на медиацию как на самостоятельный способ защиты трудовых прав и свобод [5, с. 49]. Институционализация медиации в рамках трудового права позволила бы повысить ее значение в системе правовых средств разрешения разногласий между работниками и работодателями.

Наряду с этим требует совершенствования и законодательство, регулирующее альтернативные способы разрешения споров. В частности, представляется необходимым предусмотреть в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре рассмотрения споров (процедуре медиации)» механизмы, обеспечивающие реальное исполнение соглашений, достигнутых сторонами по результатам медиативной процедуры при урегулировании трудовых споров. Наличие четко закрепленных гарантий исполнения таких соглашений способствовало бы укреплению доверия участников трудовых отношений к медиации и стимулировало бы более активное использование данного механизма.

Дополнительным фактором распространения медиации может стать включение в трудовые договоры специальных положений о возможности обращения к процедуре медиации при возникновении разногласий между работником и работодателем. Наличие медиативной оговорки не возлагает на стороны обязательства использовать данный механизм, однако информирует их о существовании альтернативного способа разрешения спора и создает условия для его добровольного применения.

Важную роль в формировании устойчивой практики применения медиации способны сыграть профессиональные объединения работников и работодателей. Участие профсоюзов и объединений работодателей в разработке и продвижении механизмов медиативного урегулирования трудовых споров может способствовать повышению осведомленности участников трудовых отношений о преимуществах данной процедуры и расширению ее использования на практике [6, с. 440]. Перспективным направлением развития института медиации также является изучение и заимствование зарубеж-

ного опыта. Обмен практиками применения примирительных процедур с государствами, где медиация получила более широкое распространение, позволит выявить наиболее эффективные модели ее использования и адаптировать их к российской правовой системе. Это, в свою очередь, может способствовать формированию более последовательного и результативного подхода к применению медиативных процедур в сфере трудовых правоотношений.

Литература

1. Алдушина О. С. Разрешение трудовых споров посредством процедуры медиации: проблемный аспект // Актуальные вопросы теории и практики правовой охраны и защиты субъективных прав, свобод и интересов: материалы III Международной научно-практической конференции. Донецк: Изд-во Донбасского гос. ун-та юстиции, 2025. С. 20–22.

2. Белякова С. В., Чибрякова А. А. Развитие медиативных процедур в трудовых правоотношениях // Наука и Образование. 2025. Т. 8, № 3. С. 23–26.

3. Бондаренко В. Е. Место арбитража и медиации в системе разрешения гражданско-правовых споров: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2020. 23 с.

4. Исаенкова О. В. О современных трендах защиты трудовых прав // Школа права: сборник научных статей. Великий Новгород: Изд-во Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2025. С. 52–58.

5. Мурзина Е. А. Медиация как способ защиты трудовых прав // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1(84). С. 47–52.

6. Перекрест М. Г. Процедура медиации при урегулировании индивидуальных трудовых споров // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Барнаул: Изд-во Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2025. С. 438–440.

7. Сапфинова А. А. Медиация как альтернативный способ урегулирования индивидуальных трудовых споров: проблемы и перспективы развития // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. С. 99–101.

8. Соловьева Е. Д., Измайлова П. Р. Применение института медиации в трудовых спорах (конфликтах) в Российской Федерации и странах БРИКС // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 2(83). С. 197–205.

9. Шатурина Н. А. Медиация при увольнениях: минимизация рисков дискриминации и нарушений Трудового кодекса Российской Федерации // Медиация в современном обществе: новые векторы взаимодействия в правовой сфере: материалы международной научно-практической конференции. Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 293–297.

MEDIATION AS A WAY TO RESOLVING INDIVIDUAL LABOR DISPUTES

Batomunkuev Sayan Maksimovich

2nd year Master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
caian@bk.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

This article examines specific issues in the legal regulation of mediation as a method for resolving individual labor disputes. The author analyzes the provisions of the Labor Code of the Russian Federation and the Federal Law «On Alternative Dispute Resolution Procedures (Mediation Procedures)» as they relate to the legal regulation of mediation. She also highlights the advantages and disadvantages of mediation compared to judicial resolution of labor disputes. The study examines the regulatory experience of mediation in labor relations in the People's Republic of China, Brazil, and India. It is noted that mediation is used significantly more actively in China and India, owing to the historical and cultural traditions of these countries, which emphasize the conciliatory resolution of disputes. The study's findings provide proposals for improving the legal regulation of mediation in labor relations.

Keywords: labor relations, protection of labor rights, mediation, mediator, mediation agreement, conciliation procedures, individual labor disputes, court, labor dispute commission, mediation clause.

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕНОВАЦИИ
ЖИЛИЩНОГО ФОНДА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ
И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ**

© Бисалиев Арлан Берикович

студент 3-го курса,

Российский государственный университет правосудия

имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Москва

bolyde.new@gmail.com

© Морозова Анна Дмитриевна

студентка 3-го курса,

Российский государственный университет правосудия

имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Москва,

Morozova.anna.0705@icloud.com

Научный руководитель

Ульянова Марина Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент,

Российский государственный университет правосудия

имени В. М. Лебедева

Российская Федерация, г. Москва,

maryulianova14@gmail.com

В статье проводится комплексный анализ правового регулирования реновации жилищного фонда в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях. Исследуется эволюция законодательства от московской модели, закреплённой Федеральным законом № 141-ФЗ 2017 г., до внедрения механизма комплексного развития территорий (Федеральный закон № 494-ФЗ 2020 г.), распространённого на все субъекты Российской Федерации. Особое внимание уделяется сравнительному анализу гарантий жилищных прав граждан, различиям между принципами равнозначного жилья и равноценного возмещения, а также проблемам защиты права собственности и обеспечению баланса частных и публичных интересов. Рассматриваются региональные особенности реализации законодательства и выявляются существующие правовые коллизии и пробелы. Делается вы-

вод о фрагментарности правового регулирования и необходимости его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: реновация жилищного фонда, комплексное развитие территорий, КРТ, Федеральный закон № 494-ФЗ, Федеральный закон № 141-ФЗ, право собственности, жилищные права, равнозначное жильё, равноценное возмещение, московская модель.

Проблема обновления устаревающего жилищного фонда является одной из ключевых задач современной государственной политики. Значительная часть жилищного фонда России представлена домами массовой застройки середины XX века, что обуславливает необходимость их комплексного обновления [1, с. 68]. Актуальность исследования основывается на поиске эффективных правовых механизмов обновления жилищного фонда, который становится одной из приоритетных задач публичного управления как на федеральном, так и на региональном уровнях, так как неконтролируемое нарастание объёма аварийного и ветхого жилья несёт серьёзные социальные, экономические и правовые риски для государства и общества.

На федеральном уровне термин «реновация» не имеет легально закреплённого, что приводит к подмене его понятием комплексного развития территорий (далее — КРТ) [3, с. 70]. Таким образом, комплексное развитие территорий — это совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования поселений, городских округов (п. 34 ст. 1 ГрК РФ).

Правовое регулирование реновации сформировалось поэтапно: от локальной московской модели к универсальному федеральному механизму. В 1990–2000-е годы попытки законодательного урегулирования обновления жилищного фонда носили несистемный и фрагментарный характер.

Федеральный закон от 01.07.2017 № 141-ФЗ закрепит особенности реновации в городе Москве, введя специальные нормы в Закон РФ «О статусе столицы Российской Федерации». Ключевым элементом московской модели стало предоставление собственникам равнозначного жилья, то есть жилого помещения, равного по числу комнат, площади и расположенного в том же или соседнем районе [4, с. 95]. Принципиально важным является то, что понятие «равно-

значность» было введено именно для данной программы как особый стандарт, отличный как от «равноценности» (денежной компенсации по рыночной стоимости), так и от простого предоставления жилья по социальным нормам.

Жилищный кодекс РФ (ст. 32) ранее предусматривал механизм изъятия жилых помещений при сносе, однако он был ориентирован на аварийный фонд и не учитывал масштабных программ обновления [2, с. 135]. Московская модель фактически стала экспериментальной площадкой формирования нового правового института.

Дополнительные гарантии закреплены Законом города Москвы от 17.05.2017 № 14, который предусматривает возможность выбора между жильём и денежной компенсацией, а также улучшение жилищных условий для отдельных категорий граждан [7, с. 110].

Принятие Федерального закона от 30.12.2020 № 494-ФЗ ознаменовало переход к общенациональному механизму комплексного развития территорий. Данный механизм закреплён в Градостроительном кодексе РФ и распространяется на все субъекты Российской Федерации.

В отличие от московской модели, федеральное регулирование основывается на принципе равноценного возмещения. Это означает, что собственнику предоставляется либо денежная компенсация по рыночной стоимости, либо жилое помещение аналогичной стоимости [3, с. 72]. Такой подход не гарантирует сохранения прежних условий проживания.

Практическая реализация программы опирается на Постановление Правительства Москвы от 01.08.2017 № 497-ПП «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве», которое определило перечень подлежащих обновлению домов и установило срок действия программы до 2032 г. Финансирование осуществляется за счёт бюджета Москвы и привлекаемых средств инвесторов — специализированной некоммерческой организации «Московский фонд реновации жилой застройки», создание которой также предусмотрено законом № 141-ФЗ.

Существенной особенностью КРТ является его инвестиционная природа. Реализация проектов во многом зависит от привлечения частных инвесторов, что ограничивает применение механизма в регионах с низкой экономической привлекательностью [2, с. 140].

Главное отличие федерального подхода от первоначальной московской модели заключается в децентрализации ответственности.

Федеральное законодательство предоставляет субъектам РФ право устанавливать дополнительные гарантии, однако их реализация зависит от финансовых возможностей региона, что приводит к дифференциации прав граждан [1, с. 72].

Сравнение московской модели и федерального механизма КРТ позволяет выделить ключевые различия. Во-первых, московская модель предусматривает предоставление равнозначного жилья, тогда как федеральная — равноценное возмещение [4, с. 98]. Во-вторых, различается степень участия граждан: в Москве требуется согласие большинства собственников, в КРТ решения принимаются публичной властью с ограниченным учётом мнения граждан. В-третьих, различаются источники финансирования: московская программа финансируется преимущественно из бюджета, тогда как КРТ зависит от инвесторов [2, с. 142].

По критерию дополнительных гарантий для льготных категорий московское законодательство предусматривает внеочередное предоставление жилья по норме 18 кв. м на человека для состоящих на жилищном учёте (ст. 6 Закона Москвы № 14), что является существенным социальным бонусом, не предусмотренным федеральным КРТ.

Существенной проблемой является отсутствие надлежащего регулирования прав собственников нежилых помещений, которые не получают компенсации сопутствующих убытков [5, с. 115]. Ни московский, ни федеральный законодатель не разработали механизмов защиты малого бизнеса, расположенного в таких помещениях: предприниматели лишь вправе претендовать на денежное возмещение рыночной стоимости помещения, но не на компенсацию убытков от вынужденного прекращения деятельности.

Дополнительные сложности возникают при расселении коммунальных квартир, где отсутствует чёткое регулирование прав отдельных собственников [6, с. 112]. Правоприменительная практика выявила острую неурегулированность ситуаций, когда собственниками отдельных комнат в коммунальной квартире являются лица, не состоящие в семейных отношениях. Необходимо закрепить в законе обязанность предоставления каждому собственнику отдельной квартиры, исключив практику предоставления долей в праве общей долевой собственности с чужими семьями [5, с. 108].

В регионах реализация КРТ осложняется экономическими факторами, в том числе отсутствием инвестиционной привлекательности проектов [1, с. 74]. Механизм КРТ рентабелен для частного ин-

вестора лишь при условии высокой маржинальности нового строительства, что характерно лишь для крупных городов с развитым рынком недвижимости. Это ведёт к тому, что реновация жилищного фонда в регионах с депрессивной экономикой либо не реализуется вообще, либо сводится к сносу аварийного жилья в рамках действующей государственной программы переселения.

Анализ законодательства позволяет выделить системные проблемы:

- 1) недостаточная защита несогласных собственников;
- 2) отсутствие гарантий для владельцев нежилых помещений;
- 3) неурегулированность отдельных категорий жилья;
- 4) разрыв в уровне гарантий между регионами;
- 5) фрагментарность правового регулирования.

Решение данных проблем возможно посредством установления единых федеральных стандартов и принятия специального закона о реновации [3, с. 75]. Правовое регулирование реновации жилищного фонда в Российской Федерации находится на стадии формирования и характеризуется значительной дифференциацией. Унификация законодательства и закрепление минимальных гарантий прав граждан являются необходимыми условиями дальнейшего развития данного института.

Литература

1. Бобрышева К. А. Проблемы расселения коммунальных квартир // Вестник Права. 2023. С. 108–120.
2. Даури Т. М. Правовой опыт регулирования реновации жилищного фонда // Вестник юридических наук. 2022. № 3. С. 68–77.
3. Ермишина А. В. Эволюция публичного регулирования локальных общественных благ в жилищной сфере // Вопросы регулирования экономики. 2020. Т. 11. № 2. С. 65–77.
4. Короткова М. В. Правовые аспекты реновации в Москве // Вестник МУ МВД России. 2020. № 2. С. 107–115.
5. Пожидаев Е. Г. История принятия закона о реновации // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 89–102.
6. Рязанова Н. Ю., Лукьянова И. Е. Оценка проблем развития реновации жилищного фонда // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 131–146.

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF HOUSING STOCK RENOVATION AT THE FEDERAL AND REGIONAL LEVELS

Bisaliyev Arlan Berikovich,

3rd year student,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Moscow

bolyde.new@gmail.com

Morozova Anna Dmitrievna

3rd year student,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Moscow

Morozova.anna.0705@icloud.com

Ulyanova Marina Vyacheslavovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Moscow

maryulianova14@gmail.com

This article provides a comprehensive analysis of the legal regulation of housing stock renovation in the Russian Federation at both federal and regional levels. It examines the evolution of legislation from the Moscow pilot model established by Federal Law No. 141-FZ of 2017 to the introduction of the integrated territorial development mechanism under Federal Law No. 494-FZ of 2020, which has been extended to all regions of Russia. Particular attention is paid to the comparative analysis of guarantees of citizens' housing rights, including the distinction between equivalent housing and monetary compensation, as well as issues of property rights protection and balancing public and private interests. The study also addresses regional implementation specifics and identifies existing legal conflicts and gaps, concluding that the current regulation remains fragmented and requires further improvement.

Keywords: Housing stock renovation, integrated territorial development, KRT, Federal Law No. 494-FZ, Federal Law No. 141-FZ, property rights, housing rights, equivalent housing, equivalent compensation, moscow model.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

© Гуржапова Султана Юрьевна

магистрант 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

gurzarovas@gmail.com

Научный руководитель

Балдаева Римма Александровна

кандидат биологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

brimma72@mail.ru

В статье исследуются особенности правового регулирования возникновения права частной собственности в Республике Бурятия. На основе анализа федерального и регионального законодательства, а также судебной практики выявляются специфические механизмы приобретения права собственности на земельные участки, объекты недвижимости и иное имущество в условиях Байкальской природной территории и особого статуса коренных малочисленных народов. Особое внимание уделяется региональным аспектам приватизации, разграничения государственной собственности и бесплатного предоставления земельных участков отдельным категориям граждан.

Ключевые слова: право частной собственности, Республика Бурятия, земельные участки, приватизация, Байкальская природная территория, коренные малочисленные народы, бесплатное предоставление земель, судебная практика.

Право частной собственности является одним из фундаментальных институтов современного правового порядка. Конституция Российской Федерации в ст. 35 устанавливает, что право частной собственности охраняется законом, каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. При этом никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, а

принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Ст. 36 Конституции РФ конкретизирует эти положения применительно к земельным отношениям, закрепляя, что граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю, а условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона¹.

Федеральное законодательство устанавливает общие подходы к приватизации государственного и муниципального имущества. Конституция РФ (ст. 72) относит к совместному ведению РФ и ее субъектов вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами (подпункт «в» ч. 1 ст. 72), а также целиком земельное законодательство (подп. «к» ч. 1 ст. 72).

Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»² регулирует отношения, возникающие при возмездном отчуждении имущества из федеральной, региональной и муниципальной собственности в собственность физических и юридических лиц. Приватизация осуществляется способами, предусмотренными настоящим Федеральным законом, и основывается на признании равенства покупателей и открытости деятельности органов государственной власти.

Вместе с тем, как справедливо отмечает М. Магомедова, нельзя говорить, что процесс приватизации закончился в 1990-е годы: «Он продолжается» [14, с. 6]. При этом региональное законодательство субъектов Российской Федерации может устанавливать особенности возникновения права частной собственности, учитывающие местные условия.

Цель настоящей статьи — выявить и проанализировать специфику правового регулирования возникновения права частной собственности в Республике Бурятия, включая земельные отношения,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.05.2026).

² Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.03.2026). URL: <https://sudact.ru/law/> (дата обращения: 04.05.2026).

приватизацию, особенности предоставления земель коренным малочисленным народам и правовой режим Байкальской природной территории.

Региональным нормативным правовым актом в сфере земельных отношений является Закон Республики Бурятия от 30.12.2003 № 601-III «О земле»¹. Целью настоящего Закона является реализация полномочий Республики Бурятия как субъекта Российской Федерации в области земельных отношений, установленных Конституцией Российской Федерации, Земельным кодексом Российской Федерации и иными федеральными законами. К полномочиям органов государственной власти Республики Бурятия в области регулирования земельных отношений относятся, в частности, установление порядка отнесения земель к республиканской, муниципальной и частной собственности, и определение территорий с особым правовым режимом использования земель по согласованию с органами местного самоуправления.

В 2021 г. были приняты поправки в Закон Республики Бурятия «О земле», которые, по мнению Министерства имущественных и земельных отношений Республики Бурятия, позволят уменьшить число самовольно возведенных домов, обеспечат равные возможности в реализации прав на жилье и создадут условия для увеличения числа законных владельцев. Данная мера направлена на легализацию ранее возникших прав на земельные участки и объекты недвижимости, что способствует стабилизации гражданского оборота и защите прав добросовестных приобретателей.

Эффективное оформление права частной собственности невозможно без отлаженной системы учета и регистрации недвижимости. Министерство имущественных и земельных отношений Республики Бурятия осуществляет актуализацию кадастровой стоимости земельных участков, что является важным условием для определения выкупной цены при приватизации. Порядок предоставления муниципальной услуги по бесплатному предоставлению в собственность земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, утвержден постановлением от 25 апреля 2025 г.,

¹ Закон Республики Бурятия от 30.12.2003 № 601-III «О земле» (принят Народным Хуралом Республики Бурятия 25 декабря 2003 г.) (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

что унифицирует процедуру и делает ее более прозрачной для граждан.

Из наиболее острых и специфических проблем возникновения права частной собственности в Республике Бурятия является правовой режим Байкальской природной территории. Озеро Байкал является объектом всемирного природного наследия ЮНЕСКО, что накладывает серьезные ограничения на возможность приватизации земельных участков в его водоохранной зоне [14, с. 16].

Федеральным законодательством прямо запрещена передача земельных участков, расположенных в границах центральной экологической зоны Байкальской природной территории, в частную собственность. Несмотря на это, органы местного самоуправления нередко превышают свои полномочия, пытаются распорядиться такими участками. Природоохранной прокуратурой ведется систематическая работа по возвращению государству земель, занятых лесами и природными объектами, в том числе участков озера Байкал как объекта всемирного природного наследия.

Жители прибрежной зоны Байкала сталкиваются с существенными ограничениями: они не могут оформить земельные участки в собственность. Как отмечается в публикациях, ссылаясь на ст. 27 Земельного кодекса, граждане сегодня не вправе оформлять свои права на земельные участки, допустим в собственность, что создает серьезную социальную напряженность, так как 78,5 тыс. жителей из 75 поселений Северобайкальского, Баргузинского и других районов не могут приобретать земельные участки в собственность, пахать, пасти скот, расширять кладбища, прокладывать дороги, ловить рыбу, утилизировать отходы [10].

В 2020 г. был зафиксирован случай незаконного формирования и постановки на учет 19 гектаров земли на Байкале. Незаконное распоряжение землями создало условия для противоправного освоения ценных природных территорий, противоречило интересам общества и государства в сфере сохранения уникальной байкальской природы. В последствии суд кассационной инстанции согласился с доводами природоохранного прокурора о недопустимости приватизации земель на побережье Байкала.

В 2025 г. был принят ряд новых законов, ужесточающих правила передачи земельных участков. Под запрет попали лесные участки, входящие в состав земель лесного фонда, а также территории, расположенные в границах особо охраняемых природных зон феде-

рального значения, за исключением отдельных, строго оговорённых случаев. Закон Республики Бурятия от 05.07.2025 № 1045-VII «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О территориях Республики Бурятия, в границах которых земельные участки не могут быть предоставлены в безвозмездное пользование”» уточняет перечень территорий с особым правовым режимом [7].

В Бурятии проживает чуть более 7 тыс. представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в частности сойотов и эвенков. Для них законодательством предусмотрены особые условия доступа к земельным и лесным ресурсам в рамках ведения традиционного образа жизни и оленеводства.

Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» устанавливает правовые основы образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов¹. Практическое применение этих норм находит свое отражение в работе органов прокуратуры. Так, прокуратура Баунтовского района провела встречу с представителями общественной организации «Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Бурятия», где обсуждались вопросы предоставления и оформления земельных и лесных участков, необходимых для ведения традиционного образа жизни.

Роль в формировании этноконтактной зоны играют русские, буряты и эвенки. На территории Баргузинского и Северо-Байкальского районов исторически проживают три основных эвенкийских рода: Киндигиры, Шамагиры и Чильчагиры, передававшиеся из поколения в поколение. Члены семейно-родовых общин («Новый Родник» Омакта Юктэ) осуществляют традиционные виды природопользования, включая охоту, отлов и отстрел диких животных. В 2025 г. Вячеслав Дамдинцурунов отметил, что для сойотов и эвенков рыболовство является неотъемлемой частью традиционного уклада жизни и основным источником пропитания.

¹ Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16847> (дата обращения: 04.05.2026).

Федеральное законодательство о приватизации начало свое развитие с 1991 г., и пик приватизации пришелся на 90-е годы. В Бурятии 24 октября 1991 г. Законом Бурятской Советской Социалистической Республики № 125-ХП «О внесении изменений и дополнений в закон Бурятской ССР “О Совете Министров Бурятской ССР”» был образован Государственный комитет Бурятской ССР по управлению государственным имуществом. Именно на этот орган были возложены задачи по разграничению государственного имущества на федеральное, республиканское и муниципальное, а также по организации и проведению приватизации государственного имущества.

В 2010 г. М. Магомедова, возглавлявшая Министерство государственных и земельных отношений Бурятии, подчеркивала: «Мы не продаем имущество за бесценок». За период с 2009 по 2013 г. от приватизации имущества, находящегося в государственной собственности Республики Бурятия, в республиканский бюджет обеспечено поступление денежных средств в размере 157,4 млн рублей.

В Республике Бурятия установлен специальный порядок разграничения имущества, находящегося в муниципальной собственности. Эта процедура необходима для того, чтобы четко определить, какой уровень публичной власти (федеральный, региональный или местный) является собственником конкретного объекта, что напрямую влияет на возможность его приватизации.

Разграничение государственной собственности на землю также является важным аспектом. Закон Республики Бурятия от 22.11.2025 № 1270-VII «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О территориях Республики Бурятия, в границах которых земельные участки не могут быть предоставлены в безвозмездное пользование” в соответствии с Федеральным законом “Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на которых расположены жилые дома, построенные или строящиеся с привлечением кредитных средств”» уточняет перечень изъятий из оборота и ограничений оборотоспособности земельных участков¹.

¹ Закон Республики Бурятия от 05.07.2025 № 1045-VII «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О территориях Республики Бурятия, в границах которых земельные участки не могут быть предоставлены в безвозмездное пользование”». Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

Особую озабоченность вызывает судьба земель сельскохозяйственного назначения. Как отмечают исследователи, приватизированные в 1990-е годы сельскохозяйственные угодья большей частью (более 850 тыс. га) не используются. Это свидетельствует о низкой эффективности использования сельскохозяйственных земель, что является общей проблемой для многих регионов России.

Судебная практика по земельным спорам в Республике Бурятия весьма многообразна. Значительную долю составляют дела, связанные с самовольными постройками, определением границ земельных участков и признанием прав на недвижимость. Иволгинский районный суд Республики Бурятия рассматривает категории дел, связанные с самовольной постройкой, что актуально для быстрорастущих пригородов.

Установление судом границ земельного участка позволяет провести его окончательную индивидуализацию и поставить на соответствующий государственный учет, создает определенность в отношениях по использованию заинтересованными лицами смежных земельных участков. В решении по делу № 2-371/2024 было отмечено, что нарушенное право на земельный участок подлежит восстановлению в случае самовольного занятия земельного участка, особенно если фактические границы участка не соответствуют местоположению границ по кадастру. [12]

Споры о приватизации земельных участков и предоставлении их в аренду без проведения торгов также часто становятся предметом судебного разбирательства. В ряде публикаций рассматриваются проблемы правового регулирования при рассмотрении вопроса о праве на внеочередное приобретение земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в аренду без торгов с учетом специфики регионального законодательства. Как правило, суды требуют четкого обоснования наличия исключительного права на получение участка без торгов.

Земельные споры затрагивают интересы и крупных организаций. В 2012 г. широкий резонанс вызвала отмена скандальной приватизации имущества МУП «Городские электросети» и других городских объектов, которая могла бы резко снизить долговую нагрузку. В 2019 г. сообщалось о том, что в Бурятии тысячи участков находятся в судах на приватизацию. [11]. Два госучреждения: БГСХА и БурНИИСх не могли оформить участки, и единственным выходом из ситуации был суд. Тысячи людей пока без приватизированных участков.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы об особенностях возникновения права частной собственности в Республике Бурятия.

Во многом правовой режим определяется сочетанием федеральных норм и региональной специфики. С одной стороны, действуют общие принципы приватизации, установленные Федеральным законом № 178-ФЗ¹. С другой стороны, Закон Республики Бурятия «О земле» и республиканские законы о бесплатном предоставлении участков задают уникальные правила игры.

Главной отличительной чертой республики является юридический режим Байкальской природной территории. Здесь налицо коллизия публичных и частных интересов: необходимость защиты уникальной экосистемы Байкала вступает в противоречие с правом граждан на приватизацию земли и ведение хозяйственной деятельности. Жесткие ограничения, вплоть до полного запрета на передачу земли в собственность, являются платой за сохранение природного наследия.

Существенным фактором является и многонациональный состав населения. Предоставление земель коренным малочисленным народам (сойотам, эвенкам) для ведения традиционного природопользования формирует особый, не «рыночный» сегмент права частной собственности, который, тем не менее, является гарантией сохранения их идентичности.

Судебная практика свидетельствует, что процесс становления института частной собственности в Бурятии далек от завершения. Количество споров о границах участков, самовольных постройках и законности приватизации остается высоким.

Перспективы развития института частной собственности в Бурятии связаны с поиском баланса между экологическими ограничениями, правами граждан на землю и необходимостью экономического развития. Планируется дальнейшее совершенствование регионального законодательства, уточнение механизмов бесплатного предоставления земли и процедур оформления прав на объекты недвижимости в цифровом формате.

¹ Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.03.2026). URL: <https://sudact.ru/law/> (дата обращения: 04.05.2026).

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.05.2026).

2. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.03.2026). URL: <https://sudact.ru/law/> (дата обращения: 04.05.2026).

3. Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16847> (дата обращения: 04.05.2026).

4. Закон Республики Бурятия от 30.12.2003 № 601-III «О земле» (принят Народным Хуралом Республики Бурятия 25 декабря 2003 г.) (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

5. Закон Республики Бурятия от 12.07.2012 № 2827-IV «О бесплатном предоставлении в собственность земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности». URL: <https://egov-buryatia.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

6. Закон Республики Бурятия от 05.07.2025 № 1042-VII «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О бесплатном предоставлении в собственность земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности”» (принят Народным Хуралом Республики Бурятия 24 июня 2025 г.) // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

7. Закон Республики Бурятия от 05.07.2025 № 1045-VII «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О территориях Республики Бурятия, в границах которых земельные участки не могут быть предоставлены в безвозмездное пользование”». Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

8. Закон Республики Бурятия от 22.11.2025 № 1270-VII «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О территориях Республики Бурятия, в границах которых земельные участки не могут быть предоставлены в безвозмездное пользование” в соответствии с Федеральным законом “Об особенностях предоставления гражда-

нам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности”». Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

9. Постановление от 25.04.2025 г. «Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги “Бесплатное предоставление в собственность земельных участков, находящихся в муниципальной собственности”». URL: <https://kurbinskoe-81.gosweb.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

10. Земельные ресурсы Республики Бурятия: современное состояние, использование и тенденции развития. // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

11. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 22 января 2024 г. по делу № А10-5169/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

12. Решение Иволгинского районного суда Республики Бурятия от 8 июля 2025 г. по делу № 2-371/2024. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2018 г. «По делу о проверке конституционности ст. 35 Конституции Российской Федерации». URL: <https://dokipedia.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

14. От 90-х до современности: история приватизации в Бурятии. // Информ Полис. 2021. 22 окт. URL: <https://www.infpol.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

15. Реализация Программы социально-экономического развития Республики Бурятия (итоги приватизации за 2009–2013 гг.). URL: <https://govrb.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

FEATURES OF THE EMERGENCE OF PRIVATE PROPERTY RIGHTS IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Gurzhapova Sultana Yurievna

2nd year master's student,

Dorzhii Banzarov Buryat State University

Russian Federation, Ulan-Ude

gurzapovas@gmail.com

Baldaeva Rimma Aleksandrovna

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
brimma72@mail.ru

The article examines the features of legal regulation of the emergence of private property rights in the Republic of Buryatia. Based on the analysis of federal and regional legislation, as well as judicial practice, specific mechanisms for acquiring ownership of land plots, real estate, and other property in the Baikal Natural Territory and the special status of indigenous peoples are identified. Special attention is paid to the regional aspects of privatization, the delineation of state property, and the free provision of land plots to certain categories of citizens.

Keywords: private property rights, Republic of Buryatia, land plots, privatization, Baikal Natural Territory, indigenous peoples, free provision of land, and judicial practice.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ

© **Дашиянжибон Эльвира Олеговна**

магистрант 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

maydarieva@inbox.ru

Научный руководитель

Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам судебной защиты трудовых прав работников, внимание уделяется проблемам, с которыми сталкиваются работники в процессе судебной защиты своих трудовых прав. Рассматриваются различные юридические аспекты осуществления права на судебную защиту трудовых прав работников. Автор отмечает, что современное состояние судебной защиты трудовых прав работников свидетельствует о наличии ряда нерешенных проблем организационного, процессуального и правоприменительного характера. Повышение эффективности судебной защиты трудовых прав работников возможно путем совершенствования законодательства, специализации рассмотрения трудовых споров, расширения примирительных процедур, укрепления гарантий исполнения судебных актов и повышения уровня правовой информированности работников. В статье представлены меры по совершенствованию законодательства, а также механизмы судебной защиты трудовых прав работников.

Ключевые слова: защита трудовых прав, судебная защита трудовых прав, суд, работник, работодатель, трудовые права, трудовой спор, права работников, процессуальные проблемы, специализированные суды.

Проблема защиты трудовых прав работников занимает важное место в современной науке трудового права, поскольку затрагивает как теоретические основы правового регулирования, так и практику разрешения споров между сторонами трудового договора. Особенность данных правоотношений состоит в том, что они возникают между работником и работодателем, которым может быть как орга-

низация, так и физическое лицо. Несмотря на формальное закрепление взаимных прав и обязанностей, фактическое положение участников трудового договора не является равным. Работодатель, как правило, обладает организационными, экономическими и управленческими возможностями, тогда как работник зависит от условий труда, порядка оплаты и режима занятости. В связи с этим трудовое законодательство ориентировано не только на регулирование договорных отношений, но и на обеспечение баланса интересов сторон с учётом необходимости повышенной защиты работника [12, с. 241].

В системе юридических гарантий особое значение имеет судебная защита трудовых прав работников. Она выступает наиболее универсальной формой разрешения индивидуальных трудовых споров и одновременно представляет собой завершающий механизм восстановления нарушенных прав [1, с. 34]. Такая роль суда обусловлена публично-властным характером судебной деятельности: спор рассматривается от имени государства, а принятое решение приобретает обязательную силу для сторон. Кроме того, судебный акт может быть исполнен в принудительном порядке, что отличает судебную защиту от досудебных способов урегулирования, эффективность которых во многом зависит от добровольного поведения участников конфликта. Общеобязательность судебного решения обеспечивается возможностью его исполнения на всей территории Российской Федерации, в том числе посредством деятельности органов принудительного исполнения [2, с. 363].

Трудовые споры, передаваемые на рассмотрение суда, разрешаются в рамках гражданского судопроизводства. Как правило, такие дела рассматриваются судами общей юрисдикции по правилам искового производства. Соответственно, к ним применяются базовые начала гражданского процесса, включая состязательность, равноправие сторон и обязанность доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела. Вместе с тем специфика трудовых правоотношений обуславливает необходимость определённой корректировки традиционных процессуальных подходов, поскольку формальное равенство сторон в процессе не всегда соответствует их реальному положению.

Согласно ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГПК РФ), каждая сторона должна под-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ч. 1. Ст. 4532.

твердить те обстоятельства, на которые она ссылается в обоснование заявленных требований или возражений. Данное положение отражает общую модель распределения бремени доказывания в гражданском процессе. Однако в трудовых делах применение этого правила требует учёта фактического дисбаланса между работником и работодателем. Работник далеко не всегда располагает документами, необходимыми для подтверждения своей позиции, тогда как работодатель обычно контролирует кадровую, расчётную и иную служебную документацию.

По этой причине в судебной практике по отдельным категориям трудовых споров обязанность доказывания правомерности совершённых действий фактически возлагается на работодателя. Подобный подход объясняется тем, что именно работодатель оформляет приказы, ведёт табели учёта рабочего времени, производит начисление заработной платы и хранит документы, имеющие доказательственное значение. Следовательно, он обладает более широкими возможностями для подтверждения законности своих действий либо решений. В трудовых отношениях работодатель занимает управленчески доминирующее положение, что делает оправданным усиление его процессуальной ответственности при рассмотрении спора.

Отдельного внимания требует соотношение указанного подхода с положениями ст. 2 Трудового кодекса РФ¹ (далее — ТК РФ), закрепляющей принцип равенства прав и возможностей работников. Данный принцип направлен, прежде всего, на недопущение дискриминации в сфере труда и обеспечение равного доступа работников к реализации трудовых прав. Вместе с тем он не означает фактического равенства работника и работодателя как сторон трудового конфликта. Напротив, специфика трудового права заключается в признании объективного неравенства данных субъектов и необходимости его компенсации правовыми средствами.

Особенности трудовых правоотношений свидетельствуют о том, что применение к ним исключительно общих правил гражданского судопроизводства не всегда позволяет обеспечить надлежащий уровень защиты нарушенных прав. Трудовой спор отличается от классического гражданско-правового спора тем, что его участники изначально находятся в неодинаковом фактическом положении. Ра-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 3.

ботник, как правило, зависит от работодателя организационно и экономически. Поэтому процессуальная форма рассмотрения таких споров должна учитывать не только формальное равенство сторон, но и реальное соотношение их возможностей.

В научной литературе справедливо отмечается, что ГПК РФ не в полной мере приспособлен к регулированию порядка разрешения трудовых споров [5, с. 191]. Причина заключается в том, что гражданский процесс исходит преимущественно из модели юридически равных участников, самостоятельно реализующих свои процессуальные права. Однако в сфере труда такое равенство имеет во многом формальный характер, поскольку работник находится в подчинённом положении по отношению к работодателю и зачастую ограничен в доступе к доказательствам, необходимым для защиты своих интересов [8, с. 82].

Указанное обстоятельство обуславливает актуальность вопроса о формировании специального процессуального регулирования трудовых споров. В доктрине высказывается позиция о необходимости разработки самостоятельного трудового процессуального кодекса, который мог бы устранить существующие противоречия между нормами материального и процессуального права [3, с. 133]. Такой нормативный акт позволил бы более последовательно закрепить особенности рассмотрения трудовых дел, включая правила распределения бремени доказывания, сокращённые сроки защиты нарушенных прав, порядок исполнения судебных актов и дополнительные гарантии для работника как более уязвимой стороны трудового правоотношения.

Наличие процессуальных коллизий особенно отчётливо проявляется при анализе института немедленного исполнения судебных решений. В соответствии со ст. 211 ГПК РФ немедленному исполнению подлежат решения о восстановлении работника на работе. Однако иные требования, связанные с признанием увольнения незаконным, в частности изменение формулировки основания увольнения или даты увольнения, прямо в указанной норме не названы. В результате возникает несогласованность между содержанием трудового спора и процессуальными последствиями его разрешения.

С материально-правовой точки зрения восстановление на работе, изменение формулировки основания увольнения и изменение даты увольнения выступают способами защиты, направленными на устранение последствий незаконного увольнения. Их объединяет

общая правовая цель — восстановление нарушенного положения работника и нейтрализация неправомерных действий работодателя. Различие между ними состоит не в природе нарушенного права, а в избранном работником способе его защиты.

Однако действующее процессуальное регулирование фактически ставит работников в различное положение в зависимости от выбранного требования. Лицо, заявившее требование о восстановлении на работе, получает возможность немедленного исполнения судебного решения. Работник же, требующий изменения формулировки или даты увольнения, вынужден ожидать вступления судебного акта в законную силу, хотя его требование также связано с незаконностью увольнения и необходимостью устранения его последствий.

Такая ситуация снижает эффективность судебной защиты трудовых прав. Работодатель получает возможность отложить исполнение решения на период до его вступления в законную силу, что в обычном порядке может занимать до одного месяца. В течение этого времени сохраняются неблагоприятные последствия незаконного увольнения, включая ограничения при трудоустройстве, искажение сведений о трудовой деятельности и нарушение деловой репутации работника.

Следовательно, положения ст. 211 ГПК РФ нуждаются в уточнении с учётом особенностей трудовых споров. Представляется целесообразным распространить режим немедленного исполнения не только на решения о восстановлении на работе, но и на судебные акты, которыми изменяются формулировка основания увольнения либо дата увольнения. Такой подход позволил бы обеспечить равную эффективность различных способов защиты трудовых прав и устранить необоснованное различие в процессуальном положении работников, оспаривающих незаконное увольнение.

Совершенствование судебной защиты трудовых прав работников предполагает формирование процессуального механизма, учитывающего специфику трудовых отношений. В данном случае важно обеспечить согласование гражданско-процессуальных норм с природой трудового права, поскольку работник в большинстве случаев выступает менее защищённой стороной спора и нуждается в дополнительных гарантиях эффективной защиты.

Одним из приоритетных направлений такого совершенствования является изменение ст. 211 ГПК РФ, закрепляющей перечень

судебных актов, подлежащих немедленному исполнению. В действующей редакции указанная статья предусматривает возможность немедленного исполнения решения о восстановлении работника на работе. Однако она не охватывает ситуации, когда суд признаёт увольнение незаконным и одновременно изменяет формулировку основания увольнения либо дату прекращения трудового договора. Между тем данные требования имеют сходную правовую направленность, поскольку связаны с устранением последствий незаконного увольнения и восстановлением нарушенного положения работника.

В этой связи представляется обоснованным расширить содержание ст. 211 ГПК РФ, включив в неё судебные акты, которыми признаётся незаконность увольнения, а также изменяются формулировка и (или) дата увольнения. Возможная редакция соответствующего положения может быть изложена следующим образом: «Немедленному исполнению подлежат судебные акты или их части о взыскании алиментов; выплате работнику заработной платы в пределах трёх месяцев; признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, а также об изменении формулировки и (или) даты увольнения».

Такое дополнение позволило бы устранить существующий процессуальный пробел и обеспечить равную эффективность различных способов защиты трудовых прав. Кроме того, предлагаемое изменение способствовало бы усилению гарантий судебной защиты работников и повышению результативности правосудия при рассмотрении трудовых споров [9, с. 500].

Вместе с тем вопрос немедленного исполнения судебных актов является лишь одним из элементов более широкой проблемы. Судебная практика показывает, что даже при наличии достаточно развитого нормативного регулирования защита трудовых прав работников сталкивается с рядом устойчивых затруднений. Одним из наиболее существенных является доказывание фактического наличия трудовых отношений в случаях, когда взаимодействие сторон формально оформлено гражданско-правовым договором, например договором подряда или возмездного оказания услуг.

Подобная конструкция нередко используется для маскировки трудовых отношений. Лицо фактически выполняет определённую трудовую функцию, действует под контролем работодателя, соблюдает установленный режим работы и получает регулярное вознагра-

граждение, однако юридически не признаётся работником. В такой ситуации защита нарушенных прав существенно осложняется, поскольку у лица обычно отсутствуют документы, традиционно подтверждающие трудовой характер отношений: трудовой договор, приказ о приёме на работу, запись в трудовой книжке, кадровые распоряжения и иные официальные материалы.

При разрешении подобных споров особое значение приобретают доказательства, позволяющие установить не формальное наименование договора, а реальное содержание отношений между сторонами. К таким доказательствам могут относиться деловая переписка, свидетельские показания, графики работы, документы о регулярных выплатах, сведения о допуске к рабочему месту, подтверждение выполнения постоянных поручений, а также иные данные, свидетельствующие о подчинении работника внутреннему трудовому распорядку. Именно совокупная оценка таких обстоятельств позволяет суду выявить действительную правовую природу спорных отношений.

Отдельной проблемой остаётся определение размера компенсации морального вреда по трудовым делам. Действующее законодательство не содержит детализированной методики расчёта такой компенсации, что приводит к значительной неоднородности судебной практики. По делам со сходными фактическими обстоятельствами размер присуждаемых сумм может существенно различаться: от минимальных компенсаций, имеющих скорее символический характер, до значительно более высоких выплат. В результате возникает правовая неопределённость как для работников, оценивающих перспективы обращения в суд, так и для работодателей, вынужденных прогнозировать возможные судебные риски [13, с. 22].

В то же время полная формализация расчёта компенсации морального вреда не представляется оправданной, поскольку характер нравственных и физических страданий всегда требует индивидуальной оценки. Более целесообразным видится формирование общих ориентиров, которые могли бы применяться судами с учётом конкретных обстоятельств дела. Такие подходы могут быть выработаны Верховным судом Российской Федерации в рамках обобщения судебной практики. Это позволило бы сохранить индивидуализированный характер компенсации, но одновременно повысить предсказуемость судебных решений.

Препятствием для эффективной защиты трудовых прав является и проблема реального исполнения судебных актов, вынесенных в

пользу работников. На практике положительное решение суда не всегда означает фактическое восстановление нарушенного права. Особенно остро данная проблема проявляется в отношении работодателей, находящихся в предбанкротном состоянии, а также организаций, сознательно уклоняющихся от исполнения судебных решений. В подобных случаях судебная защита может приобрести формальный характер: работник получает подтверждение правомерности своих требований, но не имеет реальной возможности своевременно получить присуждённые денежные средства.

Дополнительным фактором, снижающим эффективность судебной защиты, выступает высокая нагрузка на суды общей юрисдикции. Увеличение количества рассматриваемых дел способно приводить к затягиванию процесса, что особенно неблагоприятно для трудовых споров, где своевременность восстановления нарушенного права имеет принципиальное значение. Для работника задержка рассмотрения дела или исполнения решения может повлечь не только материальные потери, но и ухудшение его социального положения.

В этой связи перспективным направлением развития судебной защиты трудовых прав является усиление специализации судей, рассматривающих трудовые споры. Возможным решением также может стать создание специализированных трудовых коллегий в рамках существующей судебной системы. Такая организационная мера способствовала бы более глубокому пониманию специфики трудового законодательства, повышению качества судебных актов и формированию более устойчивой и единообразной практики [7, с. 519].

Эффективность судебной защиты трудовых прав во многом зависит не только от наличия нормативно закреплённых гарантий, но и от реальной возможности их своевременной реализации. В этой связи одной из наиболее значимых проблем выступает несоблюдение процессуальных сроков при рассмотрении индивидуальных трудовых споров. Законодатель, учитывая социальную значимость трудовых правоотношений, устанавливает сокращённые сроки разрешения отдельных категорий дел, в том числе споров, связанных с восстановлением работника на работе. Однако на практике предусмотренные временные пределы далеко не всегда обеспечиваются в полном объёме. Причиной подобной ситуации являются как высокая нагрузка на суды, так и сложность установления юридически значимых обстоятельств по отдельным категориям дел [4, с. 340].

Особенно остро данная проблема проявляется при рассмотрении споров, связанных с дискриминацией в сфере труда, неправомерным психологическим воздействием, давлением со стороны работодателя, а также иными формами нарушения личных и трудовых прав работника. Специфика таких дел заключается в том, что соответствующие нарушения нередко совершаются неявно, не фиксируются документально и не сопровождаются прямыми доказательствами. В результате работник оказывается в затруднительном положении, поскольку именно на него фактически возлагается необходимость подтвердить обстоятельства, которые зачастую имеют скрытый характер. Недостаточная разработанность процессуальных средств доказывания подобных нарушений снижает практическую доступность судебной защиты и может побуждать работников отказываться от обращения в суд [11, с. 106].

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования судебного механизма защиты трудовых прав. Такое совершенствование должно носить комплексный характер и включать как организационные, так и процессуально-правовые меры.

Одним из возможных направлений является развитие специализации при рассмотрении трудовых споров. Создание специализированных трудовых судов позволило бы повысить качество правоприменения. Судьи, постоянно рассматривающие трудовые споры, обладают большей возможностью учитывать специфику трудовых отношений, особенности положения работника как экономически более слабой стороны, а также социальную значимость своевременного восстановления нарушенных прав. Международный опыт подтверждает, что специализация в данной сфере способствует не только повышению качества судебных решений, но и сокращению сроков рассмотрения дел. Вместе с тем реализация подобной модели в Российской Федерации предполагает необходимость внесения изменений в федеральное законодательство, включая определение статуса, компетенции и процессуального порядка деятельности таких судебных органов.

Не менее важным направлением является расширение сферы применения примирительных процедур. Досудебные способы урегулирования трудовых конфликтов способны выполнять двойную функцию: с одной стороны, они позволяют снизить нагрузку на суды, а с другой — обеспечивают более оперативное разрешение спо-

ра между работником и работодателем. При этом такие процедуры могут быть особенно эффективны в ситуациях, когда между сторонами сохраняется возможность продолжения трудовых отношений. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о введении обязательного досудебного порядка по отдельным категориям трудовых споров с учетом характера нарушенного права, степени конфликтности отношений и необходимости оперативного восстановления прав работника. Подобный подход уже получил развитие в иных видах судопроизводства и может быть адаптирован к специфике трудовых отношений.

Отдельного внимания требует проблема исполнения судебных решений по трудовым спорам. Судебная защита не может считаться завершенной исключительно в момент вынесения решения, поскольку действительное восстановление нарушенного права, возможно, лишь при его фактическом исполнении. На практике работодатели не всегда добровольно исполняют судебные акты, что снижает эффективность всего механизма защиты. В связи с этим представляется обоснованным усиление гарантий исполнения решений по трудовым делам. К числу таких мер могут быть отнесены упрощенные процедуры взыскания денежных средств с работодателя, расширение возможностей оперативного принудительного исполнения, а также повышение ответственности за уклонение от исполнения судебных актов [6, с. 434].

Таким образом, современное состояние судебной защиты трудовых прав работников свидетельствует о наличии ряда нерешенных проблем организационного, процессуального и правоприменительного характера. Их возникновение связано как с объективными трудностями функционирования судебной системы, так и с недобросовестным поведением отдельных работодателей, препятствующих своевременному восстановлению нарушенных прав. Повышение эффективности рассматриваемого механизма возможно при условии одновременного развития нескольких направлений: совершенствования законодательства, специализации рассмотрения трудовых споров, расширения примирительных процедур, укрепления гарантий исполнения судебных актов и повышения уровня правовой информированности работников. В совокупности данные меры способны обеспечить более высокий уровень защиты трудовых прав и усилить практическую значимость судебной формы их охраны [10, с. 199].

Литература

1. Алиев Ш. И., Абакарова Б. Г., Таилова А. Г. Трудовое право: учебное пособие. Москва: Проспект, 2025. 255 с.
2. Анохин С. А., Жужин Д. Е. Судебная защита прав работников в трудовых спорах // Вестник Академии управления и производства. 2026. № 1. С. 362–367.
3. Буянова М. О. Защита прав и законных интересов работников как задача трудового законодательства // Российский юридический журнал. 2023. № 6. С. 124–134.
4. Головина С. Ю. Аксиологические начала трудового права в основополагающих принципах отрасли (на примере Беларуси и России) // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Право. 2023. Т. 14. № 2. С. 337–355.
5. Гук Л. И. Судебная защита прав работников // Современные тенденции развития управления и производства в условиях цифровизации: материалы V Международной научно-практической студенческой конференции. Москва: Изд-во Академии управления и производства, 2025. С. 189–192.
6. Игнашова А. Л. Судебная защита трудовых прав работников: современные проблемы и пути их решения // Вестник Академии управления и производства. 2026. № 1. С. 431–435.
7. Климова Ю. Н. О внедрении антикоррупционной оговорки в трудовой договор // Вопросы трудового права. 2024. № 9. С. 516–521.
8. Михайлова Е. В. Судебная и несудебная защита трудовых прав в России // Пролог: журнал о праве. 2025. № 1. С. 82–90.
9. Осадчая М. И. Судебная защита трудовых прав работника: понятие, процессуальные особенности и перспективы развития // Вестник Академии управления и производства. 2026. № 1. С. 493–501.
10. Рыбина А. В. К вопросу о судебной защите трудовых прав работников // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции перспективных разработок. Курск: Университетская книга, 2025. С. 196–199.
11. Савин В. Т. Меры защиты и меры ответственности в контексте проблемы понятия материальной ответственности работодателя // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 6. С. 102–108.
12. Селина Е. В. Защита прав работника в сфере трудовых отношений // Государственное управление и развитие России: вызовы и перспективы: сборник статей IX Всероссийской научно-

практической конференции. Пенза: Изд-во Пензенского гос. аграрн. ун-та, 2025. С. 241–244.

13. Трудовое право: учебник для бакалавриата / под редакцией В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2025. 376 с.

CURRENT ISSUES OF JUDICIAL PROTECTION OF EMPLOYEES' LABOR RIGHTS

Dashiyanzhibon Elvira Olegovna

2st year master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
maydarieva@inbox.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

This article addresses current issues in judicial protection of workers' labor rights, focusing on the challenges workers face when seeking judicial protection of their labor rights. Various legal aspects of exercising the right to judicial protection are examined. The author notes that the current state of judicial protection of workers' labor rights reveals a number of unresolved organizational, procedural, and enforcement issues. Improving the effectiveness of judicial protection of workers' labor rights is possible through improving legislation, specializing the handling of labor disputes, expanding conciliation procedures, strengthening guarantees for the enforcement of judicial decisions, and raising workers' legal awareness. This article presents measures to improve legislation and mechanisms for judicial protection of workers' labor rights.

Keywords: protection of labor rights, judicial protection of labor rights, court, employee, employer, labor rights, labor dispute, workers' rights, procedural issues, specialized courts.

**ПРИЗНАКИ ВЫНУЖДЕННОГО УВОЛЬНЕНИЯ:
ОБЗОР ПОДХОДОВ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
И ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ**

© Доможилова Диана Сергеевна

студентка 3-го курса,
Центральный филиал, Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
digreenkka@gmail.com

© Рыкунова Юлия Юрьевна

студентка 3-го курса,
Центральный филиал, Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
rukynovajul.17@gmail.com

Научный руководитель

Филипцова Наталья Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
Центральный филиал, Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
natachir@mail.ru

В статье исследуются признаки вынужденного увольнения, маскируемого под увольнение по инициативе работника. Цель работы состоит в систематизации подходов Верховного суда Российской Федерации и выработке практических ориентиров для доказывания отсутствия свободного волеизъявления работника. На материале постановлений пленума Верховного суда РФ, Обзора судебной практики Верховного суда РФ № 2 за 2023 г., ряда определений Верховного суда РФ 2020–2025 гг., данных судебной статистики за 2024 г. выявлены сходные устоявшиеся критерии оценки таких споров. Установлено, что Верховный суд РФ ориентирует нижестоящие суды на исследование обстоятельств, предшествовавших увольнению, поведения работника сразу после него, содержания заявления, наличия конфликта, давления, введения в заблуждение, использования готовых

бланков и иных косвенных доказательств. Сделан вывод о необходимости перехода от формального распределения бремени доказывания к модели, при которой работник подтверждает первичные признаки понуждения, а работодатель опровергает их документами и объясняет законность процедуры.

Ключевые слова: увольнение по собственному желанию, вынужденное увольнение, понуждение к увольнению, Верховный суд РФ, доказывание, трудовой спор, восстановление на работе, волеизъявление работника, психологическое давление, бремя доказывания, судебная практика, работодатель.

Увольнение по инициативе работника по смыслу ст. 80 Трудового кодекса Российской Федерации предполагает свободное, осознанное и добровольное волеизъявление работника [12]. Процессуальная форма рассмотрения спора, напротив, подчиняется общим правилам гражданского судопроизводства, включая положения ст. 56 ГПК РФ о распределении обязанности доказывания [1]. На практике именно здесь возникает наибольшее напряжение. Формально заявление написано и приказ издан. Фактически же прекращение трудовых отношений нередко происходит в условиях психологического, организационного либо репутационного давления, когда работник соглашается на увольнение из опасения потерять доход, столкнуться с ухудшением условий труда, дисциплинарным преследованием либо публичной дискредитацией. Поэтому спор смещается с вопроса об авторстве заявления на вопрос о реальности намерения прекратить трудовые отношения. П. 22 постановления пленума Верховного суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 прямо исходит из того, что расторжение трудового договора по инициативе работника допустимо лишь при добровольной подаче заявления, а при утверждении работника о понуждении данное обстоятельство подлежит проверке судом [4].

В отечественной литературе проблема вынужденного увольнения рассматривается прежде всего через категорию дефекта волеизъявления. М. М. Харитонов связывает вынужденный характер увольнения с таким воздействием работодателя, которое лишает решение работника признаков свободы и самостоятельности [14, с. 129–131]. Е. М. Офман, анализируя механизм увольнения по инициативе работника, показывает, что формальная свобода выбора действий в рамках ст. 80 ТК РФ на практике нередко соседствует с фактическим неравенством сторон, когда право на увольнение ис-

пользуется работодателем как инструмент управленческого давления [11, с. 114–116]. Такой подход позволяет отделить подлинное волеизъявление от внешне корректно оформленного, но материально несвободного решения.

Процессуальный вопрос раскрыт в работах о доказывании по индивидуальным трудовым спорам. М. А. Драчук подчеркивает, что традиционное применение ст. 56 ГПК РФ без учета слабой процессуальной позиции работника не всегда позволяет обеспечить реальную судебную защиту [2, с. 127–130]. А. Ю. Усов и В. С. Белохребтов обращают внимание на возрастающее значение электронных и поведенческих доказательств — аудиозаписей, переписки, документов кадрового оборота, данных о вызовах, медицинских документов, жалоб в инспекцию труда, которые по отдельности могут выглядеть нейтрально, но в совокупности формируют убедительную картину понуждения [13, с. 40–43].

Анализ правовых позиций Верховного суда РФ позволяет выделить набор признаков вынужденного увольнения. Прежде всего значение имеет предшествующая увольнению конфликтная ситуация. В определении от 29 июня 2020 г. № 16-КГ20-6 Верховный суд РФ указал на необходимость проверки доводов работника о психологическом давлении со стороны руководителя, обещании формально уволить и затем принять обратно на худших условиях, а также на его опасения потерять источник дохода при наличии на иждивении детей [9]. Для квалификации ситуации как спорной суду оказался важен контекст появления заявления. Сходная логика отражена в определении от 5 апреля 2021 г. № 5-КГПР20-165-К2, где критике подвергся отказ нижестоящих судов исследовать аудио- и видеозаписи, медицинские документы, сведения о конфликте в день написания заявления и другие факты, предшествовавшие увольнению [6]. Отсюда следует вывод, что спор выигрывается реконструкцией конкретной последовательности событий по дням, а иногда и по часам.

В определении от 1 февраля 2021 г. № 14-КГ20-14-К1 Верховный суд РФ подчеркнул, что даже при согласовании более ранней даты увольнения работник не утрачивает право на отзыв заявления до окончания соответствующего календарного дня [5]. Соответственно, попытка отзыва заявления, несогласие с прекращением трудовых отношений, последующие обращения к работодателю, в инспекцию труда или в суд должны оцениваться как индикатор от-

сутствия намерения увольняться. Эта линия получила развитие в определении от 14 ноября 2022 г. № 35-КГ22-7-К2. Суд указал, что вызов работника из отпуска, подписание готового бланка, направление заявления об отзыве сразу после увольнения, запрос документов о трудовой деятельности и ссылки на психологическое давление образуют совокупность обстоятельств, подлежащих оценке для установления добровольности либо недобровольности волеизъявления [7]. Практически это означает, что поведение работника после оформления увольнения имеет высокую доказательственную ценность.

В определении от 16 августа 2021 г. № 56-КГПР21-11-К9 Верховный суд РФ признал значимыми указания работника на ухудшение здоровья, необходимость лечения, психологическое давление, насмешки, препятствия в труде и отказ знакомиться с распоряжением об увольнении [8]. В 2026 г. аналогичный подход проявил Шестой кассационный суд общей юрисдикции: когда работник прямо указал в заявлении, что не может продолжать работу из-за психологического давления и угроз увольнением, суды сочли, что такое заявление само по себе не подтверждает добровольный уход, а, напротив, требует критической проверки позиции работодателя [10]. Следовательно, чем больше текст заявления содержит указаний на конфликт, угрозы, давление, ухудшение состояния здоровья или иные внешние факторы, тем меньше оснований рассматривать его как стандартное выражение свободной инициативы работника.

Верховный суд РФ в ряде актов повторяет, что для установления законности увольнения недостаточно сослаться на собственноручность подписи. Суд должен выяснить, разъяснялись ли работнику последствия подачи заявления, имелось ли у него время на обдумывание решения, кто подготовил текст документа, присутствовали ли представители работодателя, почему увольнение оформлено в тот же день, существовала ли практика понуждения работников определенной категории к уходу и не сопровождалось ли оформление увольнения отказом принять отзыв заявления. Поэтому кадровый документ, внешне отвечающий требованиям формы, не исключает возможности признания увольнения вынужденным, если порядок его подготовки и подписания свидетельствует о доминирующем влиянии работодателя на волю работника.

Из этих позиций складывается, что для работника сильнейшими доказательствами являются: переписка с руководителем и кадровой

службой; аудио- и видеозаписи общения; медицинские документы, выданные в день конфликта или сразу после него; обращения в инспекцию труда, прокуратуру, полицию или профсоюз; сведения о попытке отзыва заявления; документы, подтверждающие отсутствие намерения уволиться, например запросы о выдаче кадровых документов, несогласие с приказом, продолжение выполнения обязанностей; показания свидетелей о готовых бланках, угрозах, унижении, навязывании увольнения. Для работодателя, напротив, весомы доказательства информирования работника о последствиях увольнения, его самостоятельной инициативы, отсутствия конфликта, соблюдения срока предупреждения, документы, подтверждающие, что отзыв заявления был объективно невозможен по причинам, предусмотренным законом.

Главная проблема доказывания в таких спорах состоит в том, что по п. 22 постановления пленума Верховного суда РФ именно работник должен доказать факт понуждения к увольнению [4]. На практике это сложно, потому что большая часть нужных доказательств находится у работодателя: переписка, кадровые документы, записи камер и иные внутренние материалы. Поэтому справедливым выглядит такой подход: сначала работник показывает совокупность косвенных признаков давления — конфликт перед увольнением, странный текст заявления, попытку его отозвать, быстрое обращение с жалобой, медицинские документы о стрессе. После этого работодатель уже должен объяснить, почему увольнение действительно было добровольным.

С практической точки зрения такой спор лучше строить на конкретных обстоятельствах. Необходимо показать, когда начался конфликт, кто подготовил заявление, как работник вел себя сразу после увольнения, почему уход с работы был ему невыгоден и какие документы или электронные следы подтверждают давление со стороны работодателя.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Верховный суд РФ исходит из того, что при оценке увольнения по собственному желанию необходимо смотреть на само заявление и на то, действительно ли работник хотел уволиться свободно и по своей воле. Судебная практика показывает ряд признаков, по которым можно заподозрить принуждение: конфликт с работодателем перед увольнением, давление на работника, слишком быстрое оформление документов, использование заранее подготовленного

бланка, попытка сразу отозвать заявление, содержание заявления, не похожее на обычное добровольное увольнение, последующие действия работника, которые показывают его несогласие с увольнением. Разумным выглядит такой подход, при котором работник сначала показывает основные признаки давления, а работодатель потом должен документально доказать, что увольнение было действительно добровольным и оформлено, по существу, законно. Суд должен оценивать всю ситуацию в целом, с учетом всех обстоятельств и поведения сторон.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. Драчук М. А. Особенности индивидуальных трудовых споров, рассматриваемых судами, и распределение в них обязанности по доказыванию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 127–134.

3. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2023): утв. Президиумом Верховного суда РФ 19.07.2023 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2023. № 11.

4. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление пленума Верховного суда РФ от 17.03.2004 № 2 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2004. № 6.

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 01.02.2021 № 14-КГ20-14-K1. Доступ из справ.-правовой системы «LegalActs». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01022021-n-14-kg20-14-k1/> (дата обращения: 23.04.2026).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 05.04.2021 № 5-КГПР20-165-K2. Доступ из справ.-правовой системы «LegalActs». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05042021-n-5-kgpr20-165-k2/> (дата обращения: 23.04.2026).

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 14.11.2022 № 35-КГ22-7-K2.

Доступ из справ.-правовой системы «LegalActs». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14112022-n-35-kg22-7-k2/> (дата обращения: 23.04.2026).

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 16.08.2021 № 56-КГПР21-11-К9. Доступ из справ.-правовой системы «LegalActs». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16082021-n-56-kgpr21-11-k9/> (дата обращения: 23.04.2026).

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 29.06.2020 № 16-КГ20-6. Доступ из справ.-правовой системы «LegalActs». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29062020-n-16-kg20-6/> (дата обращения: 23.04.2026).

10. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.01.2026 № 88-1153/2026. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ006&n=206143&req=doc> (дата обращения: 23.04.2026).

11. Офман Е. М. Парадоксы механизма расторжения трудового договора по инициативе работника // За права трудящихся! Приоритетные направления развития законодательства о труде и социальном обеспечении: материалы VII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2021. С. 114–118.

12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

13. Усов А. Ю., Белохребтов В. С. О средствах доказывания в индивидуальных трудовых спорах // Искусство правоведения. 2023. № 2(6). С. 40–44.

14. Харитонов М. М. Понятие и критерии вынужденного увольнения // Правоведение. 2018. Т. 62, № 1. С. 128–148.

SIGNS OF FORCED RESIGNATION: REVIEW OF THE APPROACHES
OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND PROBLEMS OF PROOF

Domozhilova Diana Sergeevna

3rd year student,

Central branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Voronezh

digreenkka@gmail.com

Rykunova Yulia Yurievna

3rd year student,

Central branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Voronezh

rukynovajul.17@gmail.com

Filptsova Natalia Aleksandrovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Central Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Voronezh

natachir@mail.ru

The article examines the signs of forced resignation disguised as termination at the employee's own request. The purpose of the study is to systematize the approaches of the Supreme Court of the Russian Federation and to formulate practical guidelines for proving the absence of an employee's free expression of will. Based on the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 for 2023, several rulings of the Supreme Court of the Russian Federation adopted in 2020–2025, and judicial statistics for 2024, the article identifies stable criteria used in such disputes. The study shows that courts should assess the circumstances preceding dismissal, the employee's conduct immediately after it, the wording of the resignation letter, the presence of conflict, pressure, deception, ready-made forms and other indirect evidence. The authors conclude that proof should move from a purely formal model to an approach in which the employee confirms primary indicators of coercion and the employer rebuts them with documents and a lawful explanation of the procedure.

Keywords: resignation at the employee's request, forced resignation, coercion to resign, Supreme Court of the Russian Federation, proof, labor dispute, reinstatement at work, employee's expression of will, psychological pressure, burden of proof, judicial practice, employer.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОГЛАСИЯ СУПРУГА НА РАСПОРЯЖЕНИЕ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ

© Мошкина Виктория Владимировна

студентка 3-го курса,
Центральный филиал, Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
vika_moshkina_05@vk.com

© Шаповалова Дарья Андреевна

студентка 3-го курса,
Центральный филиал, Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
dasha.shapovalova.05@list.ru

Научный руководитель

Усачева Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
Центральный филиал, Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Воронеж
usacheva_e@inbox.ru

В статье исследуются проблемы правового регулирования согласия супруга на распоряжение общим имуществом в Российской Федерации. Анализируются положения Семейного кодекса РФ и судебная практика, выявляющие процессуальную асимметрию при оспаривании сделок, совершенных без нотариально удостоверенного согласия второго супруга. Авторами обосновывается необходимость перераспределения бремени доказывания с добросовестного супруга на супруга-распорядителя. Отдельное внимание уделяется проблеме соблюдения нотариальной формы в условиях отсутствия доступа к нотариусам. На основе правовой позиции Конституционного суда РФ предлагается расширить перечень сделок, для которых допустима альтернативная форма удостоверения согласия.

Ключевые слова: семейное право, общее имущество супругов, согласие супруга, нотариальное удостоверение, распоряжение имуществом, не-

действительность сделки, бремя доказывания, процессуальная асимметрия, альтернативная форма согласия, военнослужащие, правовая позиция Конституционного Суда, защита имущественных прав.

Одним из вопросов, не теряющих актуальности в рамках гражданского права РФ, является исследование имущественного права, которое применительно к тем или иным правовым отношениям может видоизменяться или подвергаться специализированному правовому регулированию. В данной работе нам хотелось бы подробнее остановиться на исследовании имущественных отношений супругов, являющихся одной из ключевых тем для научного анализа в области семейного права. Нормы в рамках последнего устанавливают законный и договорной режим совместной собственности супругов, а также специфику реализации правомочий в его отношении. Как показывает практика, удостоверенный факт волеизъявления супруга при решении имущественных вопросов нередко становится «камнем преткновения» внутри брачных отношений, порождая гражданские споры и массы заявлений в суд с требованием признать совершенную сделку недействительной.

Действующим семейным законодательством устанавливается, что «Сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки» [5, ст. 16]. Приведенная законодательная формулировка является легальным механизмом защиты семейных имущественных отношений и превентивной формулой обоюдного волеизъявления супругов для совершения юридически значимых сделок для семьи. Вместе с тем, легальное требование об обязательном наличии нотариально удостоверенного согласия супруга для совершения ряда сделок порождает благоприятную почву для возникновения многочисленных споров по фактам, которые помимо кратного увеличения нагрузки судов общей юрисдикции создают дисбаланс процессуальных прав супругов и иных лиц, участвующих в деле, нарушая один из важнейших межотраслевых принципов права — состязательности сторон.

Порядок оспаривания сделок, совершенных без согласия второго супруга, представляет собой весьма сложную законодательную

конструкцию, сопряженную с широкой вариативностью поведения каждого из них, что, в свою очередь, порождает существенную неоднородность судебной практики, а также усложнение и без того длительного процесса раздела совместного имущества супругов при разводе. В соответствии с действующим гражданским процессуальным законодательством РФ, при оспаривании сделок по распоряжению имуществом, совершенных без согласия второго супруга, применяется такой принцип распределения бремени доказывания, в соответствии с которым истцу необходимо доказать в суде, что он не давал согласия и не был в курсе совершающейся сделки [2, ст. 4532]. В данном случае, как следует из источников современной научной литературы, подобное распределение бремени доказывания ставит добросовестного супруга в невыгодное положение [3, с. 149]. Более того, отмечается, что «...супруг ущемлен в своих как имущественных правах и интересах, так и поставлен в невыгодное положение непосредственно в судебном процессе» [1, с. 326]. Таким образом, мы можем констатировать законодательно установленный процессуальный дисбаланс в распределении процессуальных ролей между супругами, который, по нашему мнению, нуждается в устранении посредством перераспределения бремени доказывания факта совершения сделки на законных основаниях супругом, совершившим соответствующую сделку в отношении совместного имущества.

Еще одним проблемным аспектом, выявленным нами в ходе исследования конструкции нотариального удостоверения согласия супруга при совершении ряда сделок по распоряжению совместным имуществом, являются сложности соблюдения требуемой формы в условиях построения внутренней и внешней политики государства последних лет. Граждане, находящиеся в браке и служащие по контракту в отдаленных местностях совершения военных действий, не имеют возможности обращения к нотариусу для удостоверения факта волеизъявления при необходимости совершения сделки вторым супругом, в связи с чем Конституционным Судом в конце 2025 г. была разработана правовая позиция, в соответствии с которой для отдельных категорий гражданских сделок (как указано в постановлении [4] — сделок, связанных с участием в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих) предусматривается возможность удостоверения согласия супруга командирами (начальниками) воинских частей и иных военных подразделений, в пунктах дислокации которых, находящихся в

труднодоступной или отдаленной местности, нет нотариусов и фактически не ведется периодический прием граждан нотариусами. Формирование указанной правовой позиции высшей судебной инстанции РФ выявило проблему формальной определенности п. 2 ст. 35 СК РФ, не учитывающей особые жизненные ситуации граждан, в особенности в современных условиях. В связи с этим, мы предлагаем инициативу расширения перечня гражданско-правовых сделок, на которые будет распространяться рассмотренная нами форма удостоверения согласия супруга, приравняваемого к нотариальному, включив в нее иные сделки по распоряжению совместно нажитым имуществом супругов, такие как: заключение договора купли-продажи, договора дарения, договора аренды жилого помещения и т.п.

Таким образом, анализ правоприменительной практики позволяет заключить, что механизм защиты имущественных прав супругов при совершении сделок с общим имуществом нуждается в корректировке. Выявленная нами процессуальная асимметрия, выражающаяся в необходимости для добросовестного супруга доказывать обстоятельства, относящиеся к сфере осведомленности второго супруга по сделке, создает предпосылки для злоупотреблений. Дополнительным фактором правовой неопределенности выступает фрагментарность порядка удостоверения согласия, ограниченного узким перечнем сделок и категорий граждан. Резюмируя вышеизложенное, в качестве направлений совершенствования автором предлагается перераспределение бремени доказывания на супруга-распорядителя и унификация правового подхода к альтернативной форме удостоверения согласия супруга в условиях отсутствия доступа к нотариальным услугам при необходимости распоряжения совместным имуществом.

Литература

1. Аблятипова Н. А., Григорчук Н. В. Особенности согласия супругов на совершение сделок по распоряжению имуществом // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 11. С. 323–329.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Некоторые аспекты признания сделки, совершенной одним из супругов по распоряжению общим имуществом, недействительной /

Л. Н. Меняйло, Д. В. Меняйло, Р. А. Лубский, Ю. В. Болтенкова // Аграрное и земельное право. 2023. № 11. С. 148–151.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2025 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности п. 3 ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Лустача Олега Игоревича». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрании законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SPOUSE CONSENT TO THE DISPOSAL OF COMMON PROPERTY

Moshkina Victoria Vladimirovna

3rd year student,

Central Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Voronezh

vika_moshkina_05@vk.com

Shapovalova Daria Andreevna

3rd year student,

Central Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Voronezh

dasha.shapovalova.05@list.ru

Usacheva Elena Aleksandrovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Central Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Russian Federation, Voronezh

usacheva_e@inbox.ru

This article examines the legal regulation of spousal consent to dispose of joint property in the Russian Federation. It analyzes provisions of the Family Code of the Russian Federation and judicial practice that reveal procedural asymmetries in challenging transactions concluded without the notarized consent of the other spouse. The authors substantiate the need to shift the burden of proof from the bona fide spouse to the spouse acting as the administrator. Particular attention is given to the issue of maintaining notarial formalities in the absence of access to notaries. Based on the legal position of the Constitutional Court of the Russian

Federation, it is proposed to expand the list of transactions for which an alternative form of consent certification is permissible.

Keywords: Family law, joint property of spouses, spousal consent, notarial certification, disposal of property, invalidity of a transaction, burden of proof, procedural asymmetry, alternative form of consent, military personnel, legal position of the Constitutional Court, protection of property rights.

РАЗМЕЩЕНИЕ МАЙНИНГ-ФЕРМЫ В ЖИЛОМ ПОМЕЩЕНИИ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА КАК НАРУШЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО ПРАВА

© Самойлов Андрей Александрович

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

andrej21071987@gmail.com

Научный руководитель

Налетова Марина Михайловна

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается необходимость принятия закона об ограничении деятельности физических лиц на «добычу» криптовалюты в жилых помещениях многоквартирных домов, а также раскрываются причины для чего и почему это было сделано. Проанализировано правовое регулирование в сфере майнинга: дано понятие, на каких условиях и кто может осуществлять данную деятельность. Раскрывается понятие и сущность майнинг-ферм, а также приводится ряд проблем, которые возникают в ходе незаконного майнинга в многоквартирном доме. В ходе работы были выявлены три ключевых нарушения: нецелевое использование жилого помещения, незаконная предпринимательская деятельность и угроза пожарной безопасности. Всё это было выявлено в результате применения таких методов исследования, как формально-юридический, системный и логико-правовой. Материал полезен как студентам-юристам, так и практикующим специалистам по жилищному праву.

Ключевые слова: майнинг, майнинг в квартире, нецелевое использование жилого помещения, коммерческая деятельность, пожарная и электробезопасность, административная ответственность, жилое помещение, энергопотребление, криптовалюта, физические лица.

До осени 2024 г. в России еще не была законодательно урегулирована деятельность майнеров в жилом помещении, чем активно пользовались заинтересованные лица. Это породило ряд серьёзных

проблем: во-первых, существенный ущерб энергосистеме, поскольку функционирование большого числа майнинг-ферм вызывало перегрузку сетей и аварии в электроснабжении целых районов; во-вторых, рост социальной напряженности. Государству нужно было предпринимать какие-то меры по урегулированию ситуации в стране. С 1 ноября 2024 г. в силу вступил Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, который внес поправки в регулирование цифровых валют. Ключевые изменения в ст. 14.2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, Федеральный закон № 259-ФЗ)².

Вслед за федеральным законом было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2024 г. № 1869 «Об установлении запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации и на отдельных территориях субъектов Российской Федерации»³, которое ввело полный запрет майнинга в отдельных районах или даже регионах. Сделано это было для того, чтобы предотвратить дефицит электроэнергии.

Майнингом цифровой валюты признается деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск

¹ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/409492967/>

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/74451466/>

³ Постановление правительства Российской Федерации от 23 декабря 2024 г. № 1869 «Об установлении запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации и на отдельных территориях субъектов Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/411186649/>

цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе (п. 3.1 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ).

Данная деятельность может осуществляться российскими юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, а также физическими лицами — гражданами Российской Федерации при соблюдении установленных требований. В российской правовой доктрине майнинг рассматривается, прежде всего, как вид предпринимательской деятельности, что подтверждается требованиями к регистрации и лицензированию данной деятельности [1, с. 247].

Чтобы легально заниматься майнингом без регистрации в реестре, физическим лицам необходимо не превышать месячный лимит энергопотребления, составляющий 6000 кВт·ч, что указано в ст. 1 постановления правительства РФ от 1 ноября 2024 г. № 1469 «Об установлении лимита энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты (в том числе участия в майнинг-пуле) без включения в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, физическими лицами — гражданами Российской Федерации, не являющимися индивидуальными предпринимателями, и о внесении изменений в постановление правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178»¹.

На сленге IT-специалистов под майнингом (mining) обычно понимается процесс создания новых цифровых монет — криптовалюты. Учитывая, что в переводе с английского mining — это добыча полезных ископаемых, иногда говорят, что майнинг — это «добыча» цифровой валюты с помощью специального оборудования. Для того, чтобы начать майнинг криптовалюты, требуется исправный компьютер и соответствующее программное обеспечение [2, с. 39].

Федеральным законом № 259-ФЗ в ст. 14.2 было запрещено использование майнинг-ферм в жилых помещениях. Использование

¹ Постановление правительства Российской Федерации от 1 ноября 2024 г. № 1469 «Об установлении лимита энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты (в том числе участия в майнинг-пуле) без включения в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, физическими лицами - гражданами Российской Федерации, не являющимися индивидуальными предпринимателями, и о внесении изменений в постановление правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178». URL: <https://base.garant.ru/410654384/>

жилого помещения для производства криптовалюты возможно только после проведения процедуры изменения функционального назначения объекта недвижимости, которая регулируется Жилищным кодексом Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 02.05.2026) (ст. 23 Жилищного кодекса Российской Федерации, далее по тексту — Жилищный кодекс Российской Федерации, Жилищный кодекс РФ)¹, а именно, перевод помещения из жилого в нежилое, указанного в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) (ст. 288 Гражданского кодекса Российской Федерации части первой)². Суть в том, что жилое помещение предназначено для проживания граждан (ст. 17 Жилищного кодекса Российской Федерации), а размещение в нем промышленного оборудования неизбежно меняет его целевое назначение. Это явно свидетельствует о нарушении жилищного законодательства.

Виды жилых помещений указаны в Жилищном кодексе Российской Федерации, к ним относятся: 1) жилой дом, часть жилого дома, 2) квартира, часть квартиры, 3) комната (ст. 16 Жилищного кодекса РФ).

Майнинг-ферма представляет собой систему, которая состоит из множества мощных видеокарт, процессоров и многих других деталей, которые могут издавать сильный шум, что может мешать другим соседям, проживающим в смежных квартирах. В соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ст. 24, 27 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ)³ и постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 3 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 “Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, поч-

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 02.05.2026). URL: <https://base.garant.ru/12138291/>

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). URL: <https://base.garant.ru/10164072/>

³ Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» URL: <https://base.garant.ru/12115118/>

вам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий»¹, которые устанавливают предельный шум днем и ночью, с учётом продолжительности шума: В дневное время с 07:00-23:00 постоянный шум до 40 дБА и непостоянный до 55 дБА, а в ночное время с 23:00-07:00 постоянный шум до 30 дБА и непостоянный до 45 дБА. Важно отметить, что такой источник шума как громкий звук от вентиляторов (кулеров) майнинг-фермы является некомфортным шумом, то есть считается более неблагоприятным для человека и поэтому допустимый шум снижается на 5дБА.

Также кулеры от майнинг-ферм создают вибрацию, которая может передаваться от квартиры майнера к другим соседним квартирам, тем самым нарушая покой жильцов.

Конструкция фермы выделяет большое количество тепла, которое нагревает стены, тем самым проникая в квартиры соседей, что может нарушить работу каких-либо устройств, находящихся в непосредственной близости к стене, вызывая их перегревание.

При общедомовом счетчике майнер получает необоснованную выгоду за счёт других жильцов. Фактически он один использует электроэнергию почти как весь дом. Например, один ASIC-майнер потребляет около 3,5 кВт/ч, то есть больше 2500 кВт·ч в месяц, что почти в 10 раз выше среднего квартирного потребления, а таких установок может быть значительно больше, что приведет к увеличению потребления энергии во много раз. Таким образом можно прийти к выводу, что майнинг в квартире — это получение выгоды одним лицом за счет причинения ущерба другим лицам.

Ресурсоемкий в части энергопотребления характер майнинга создает проблемы в контексте устойчивого развития. Электроэнергия, используемая большинством майнеров, генерируется из невозобновляемых источников энергии, таких как нефть и нефтепродукты,

¹ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 3 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 “Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий”». URL: <https://base.garant.ru/400289764/>

уголь, ядерная энергия. Негативным фактором, наносящим вред окружающей среде, служит парниковый эффект от майнинговых ферм. По оценкам Digiconomist, криптоактивы при их текущей рыночной стоимости приводят к выбросу в атмосферу до 120 миллионов тонн CO₂ в год [3, с. 89].

Немаловажной проблемой остается пожарная и электробезопасность. Мощность электросетей в квартире не рассчитана на перегрузки, а майнинг-ферма, как сложное устройство потребляет гораздо больше электроэнергии, чем обычная бытовая техника, такая как чайник, холодильник, микроволновая печь и так далее. Постоянная высокая нагрузка может повлиять на старые провода или неисправную проводку, что может привести не только к выходу из строя оборудования, подключенного соседями к сети, но и к пожару всего дома. Исходя из вышеизложенного, можно выделить три главных правовых нарушения:

1) Нецелевое использование жилого помещения: Ст. 17 Жилищного кодекса Российской Федерации прямо устанавливает правило, при котором жилое помещение предназначено только для проживания граждан, а размещение промышленного оборудования при несоблюдении санитарно-гигиенических, экологических и иных требований запрещается.

2) Коммерческая деятельность с нарушением регистрационного режима: Закон говорит о том, что майнинг признается предпринимательской деятельностью, доходы которого подлежат налогообложению. Отсутствие статуса самозанятого или индивидуального предпринимателя является налоговым правонарушением, так как с 1 ноября 2024 г. майнеров обязали предоставлять свои данные в реестр федеральной налоговой службы.

3) Нарушение требований пожарной безопасности: Перегрузка сети образует состав административного правонарушения, закрепленного в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026) (ст. 20.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ)¹.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026). URL: <https://base.garant.ru/12125267/>

Таким образом, с ноября 2024 г. сфера майнинга взята под жесткий контроль государства, в связи с чем приняты необходимые законы, которыми урегулированы вновь возникшие правоотношения в указанной сфере, защищены жилищные права граждан. Названные в статье законы являются действенным механизмом в решении перечисленных проблем и привлечении к ответственности лиц, осуществляющих незаконную предпринимательскую деятельность (майнеров).

Литература

1. Васильева А. В., Межебурская С. А. Уголовная ответственность за майнинг криптовалют в Российской Федерации: правовой анализ и практические аспекты // Вопросы российской юстиции. Вып. 38. Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика. С. 245–257.

2. Ефимова Л. Г. Цифровое банковское право. Теоретические проблемы цифрового банковского права. Цифровые банковские расчеты и счета: учебник / ответственный редактор Л. Г. Ефимова. Москва: Проспект, 2025. 672 с.

3. Коржова И. В. Концепция правового регулирования майнинга // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1(217). С. 88–95.

PLACING A MINING FARM IN A RESIDENTIAL UNIT OF AN APARTMENT BUILDING AS A BREACH OF HOUSING LAW

Samoylov Andrey Aleksandrovich
2nd year student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
andrej21071987@gmail.com

Naletova Marina Mikhailovna
senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude
marina.naletova.68@yandex.ru

This article examines the need to adopt a law restricting the activities of individuals engaged in cryptocurrency mining in residential premises of apartment buildings, and reveals the reasons for such a necessity. The legal regulation in the field of mining is analyzed: the concept, conditions, and persons authorized to carry out this activity are defined. The notion and essence of mining farms are disclosed, and a number of problems arising from illegal mining in apartment buildings are outlined. The study identified three key violations: misuse of residential premises, illegal entrepreneurial activity, and a threat to fire safety. These findings were obtained through such methods of cognition as formal-legal, systemic, and logical-legal analysis. The material is useful both for law students and for practicing specialists in housing law.

Keywords: mining, mining in an apartment, misuse of residential premises, commercial activity, fire and electrical safety, administrative liability, residential premises, energy consumption, cryptocurrency, individuals.

**ОСПАРИВАНИЕ РЕШЕНИЙ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
КОРПОРАЦИИ: ОСНОВАНИЯ, ПОРЯДОК
И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

© Соколовская Вероника Максимовна

студентка 2-го курса,
Северо-Кавказский филиал, Российский государственный
университет правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Краснодар
nikasokolovskaa719@gmail.com

Научный руководитель

Калашниковна Марина Григорьевна

старший преподаватель,
Северо-Кавказский филиал, Российский государственный
университет правосудия имени В. М. Лебедева
Российская Федерация, г. Краснодар
kalashnikowa.mg@yandex.ru

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с оспариванием решений общего собрания корпорации в российском гражданском праве. Актуальность данной темы обусловлена тем, что решения общего собрания напрямую затрагивают права и законные интересы участников корпорации, а также могут оказывать влияние на деятельность самой компании и третьих лиц, поскольку на общем собрании принимаются решения по основным вопросам деятельности хозяйственного общества. Гарантией прав и законных интересов участников корпорации является определение законодателем порядка проведения общего собрания и принятия на нем решений. Способом защиты нарушенных прав участников корпорации, не принимавших участия в общем собрании или голосовавших против принятия такого решения, является оспаривание в судебном порядке решений общего собрания в случаях существенного нарушения установленного законом порядка проведения собрания и ущемления прав участников (акционеров) на участие в управлении корпорацией. В работе анализируются основания, по которым решения общего собрания могут быть признаны недействительными с учетом позиций, выработанных судебной практикой.

Ключевые слова: корпорация, органы корпорации, решение собрания, оспаривание решений, недействительность решения, корпоративные споры, судебная защита, гражданское право, правовые последствия, судебная практика.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что корпоративные споры, связанные с оспариванием решений высшего органа корпорации, занимают значительное место в судебной практике арбитражных судов. При этом вопросы определения оснований недействительности решений, порядка их оспаривания и последствий признания недействительными остаются дискуссионными как в теории права, так и в правоприменительной деятельности.

Целью данной статьи является исследование правовой природы решений высшего органа корпорации, анализ оснований и порядка их оспаривания, а также выявление правовых последствий признания таких решений недействительными.

В соответствии со ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законодательством РФ, иными правовыми актами и учредительными документами. Органы юридического лица подлежат созданию в силу закона и всегда непосредственно участвуют в образовании его воли и (или) в ее внешнем выражении. [1; 7]

Общее собрание участников (акционеров) — высший орган корпорации, объединяющий всех ее участников, к компетенции которого относится определение основных направлений деятельности общества (утверждение устава, внесение в него изменений, принятие решения о реорганизации или ликвидации общества, утверждение годовых отчетов и годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности).

В юридической литературе существует дискуссия относительно правовой природы решений органов корпорации. Одни ученые рассматривают их как разновидность юридических актов ненормативного характера, поскольку они адресованы конкретному кругу лиц и влекут правовые последствия. Другие авторы отмечают сходство решений собраний со сделками, поскольку они выражают согласованную волю нескольких лиц.

Итог в данном споре подвел Верховный суд Российской Федерации в определении от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912, указав, что положения о таком специальном виде сделок, как решения собрания, должны применяться в системной взаимосвязи с общими положениями о сделках в части, не урегулированной правилами о решениях собраний и не противоречащей их существу [3].

Таким образом, при рассмотрении споров о признании недействительными решений общих собраний участников корпораций подлежат как применения специальных законов, регулирующих деятельность хозяйственных обществ корпорации, так и положений ГК РФ о сделках.

Общие положения о недействительности решений собраний содержатся в главе 9.1 ГК РФ. Нормы главы 9.1 ГК РФ к решениям общих собраний участников корпораций применяются в части, не урегулированной специальными законами, или в части, конкретизирующей их положения (п. 104 постановления пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

В ст. 181.5 ГК РФ определены основания ничтожности общих собраний, в частности, если решение принято по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания.

В определении от 31.03.2016 г. № 305-ЭС15-14197 Верховный суд РФ указал на необходимость исследования положений устава акционерного общества, в котором предусмотрено, что избрание генерального директора относится к компетенции совета директоров, и в связи с данным обстоятельством рассмотреть вопрос о наличии у внеочередного общего собрания акционеров полномочий избирать единоличный исполнительный орган общества [4].

Также основанием оспаривания выступает нарушение порядка голосования или подсчёта голосов. Например, если при подсчёте голосов были неправомерно учтены голоса лиц, не имеющих права голосовать, либо не были учтены голоса участников, это может привести к искажению результатов волеизъявления. В подобных случаях суд исследует, могло ли нарушение повлиять на принятие решения.

В постановлении от 01.02.2024 по делу № А83-23706/2021 Арбитражный суд Центрального округа, указав на неверный вывод суда апелляционной инстанции о том, что в отсутствие решения участников о распределении доли, принадлежащей обществу, имеющееся количество голосов участников общества не позволяло им принимать решения, пришел к выводу о том, что результат распределения голосов участников общества свидетельствует о принятии решений по принципу большинства голосов и в этом случае кворум для принятия решений [5].

Существенным основанием оспаривания является нарушение прав и законных интересов участников корпорации. В соответствии со ст. 181.4 ГК РФ, участник вправе обратиться в суд, если он не участвовал в собрании или голосовал против принятия решения, поскольку это решение нарушает его права и законные интересы.

В п. 5 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утвержденного Президиумом Верховного суда РФ 25.12.2019, разъяснено, что существенное нарушение процедуры созыва общего собрания участников корпорации, которое воспрепятствовало участнику реализовать право на участие в принятии решений, связанных с управлением обществом, является основанием для признания принятого решения недействительным независимо от того, каким размером доли в уставном капитале (количеством акций) владеет истец [2].

Порядок оспаривания решений органов корпорации представляет собой установленную законом процедуру защиты нарушенных прав участников юридического лица и иных заинтересованных лиц. Данная процедура направлена на восстановление нарушенных прав, устранение незаконных решений из корпоративного управления и обеспечение стабильности гражданского оборота. Основные правила оспаривания закреплены в нормах гражданского законодательства, арбитражного процессуального законодательства, а также в специальных федеральных законах.

Важное значение имеет определение круга лиц, имеющих право на оспаривание решения органа корпорации. В соответствии со ст. 181.4 ГК РФ обратиться в Арбитражный суд с требованием о признании решения собрания хозяйственного общества недействительным вправе участник общества, который не принимал участия в собрании или голосовал против принятия оспариваемого решения. Обязательным условием является нарушение данным решением его прав и законных интересов.

В отдельных случаях право на оспаривание может принадлежать иным лицам. В частности, такое право предоставлено бенефициарным владельцам общества, не являющимся его участниками, но определяющим ключевые решения общества и имеющим законный интерес в сохранении и развитии общества. Бенефициарный владелец вправе оспорить решение общего собрания участников корпорации в целях восстановления его нарушенных прав и предотвращения негативных имущественных последствий для корпорации [4].

Согласно п. 6 ст. 181.4 ГК РФ Федерации лицо, оспаривающее решение собрания, обязано заблаговременно уведомить в письменной форме участников соответствующего сообщества о планах обратиться в суд, а также предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу. Лица, которые не присоединились к иску в установленном порядке, в дальнейшем, как правило, лишаются права обращаться в суд с аналогичными требованиями, если суд не признает причины такого обращения уважительными. Данное правило направлено на предотвращение множественности споров и обеспечение процессуальной экономии.

Признание решения органа корпорации недействительным влечёт наступление определённых правовых последствий как для самой корпорации, так и для её участников, а в некоторых случаях и для третьих лиц. Данные последствия направлены на восстановление нарушенных прав, исключение юридической силы незаконного решения и обеспечение стабильности гражданского оборота. Положения о последствиях недействительности решений собраний закреплены в главе 9.1 ГК РФ.

Прежде всего, признание решения недействительным означает, что оно не порождает тех правовых последствий, на которые было направлено. Если решение признано судом недействительным, оно считается не имеющим юридической силы с момента его принятия, если иное не вытекает из существа решения или не установлено судом. Иными словами, такое решение не может служить основанием для возникновения, изменения или прекращения корпоративных правоотношений.

Для участников корпорации признание решения недействительным означает восстановление их нарушенных корпоративных прав. Например, если решение нарушало право участника на участие в управлении обществом, распределение прибыли, признание такого решения недействительным устраняет данные нарушения. В ряде случаев участник также вправе требовать возмещения причинённых убытков.

Судебная практика играет важную роль в формировании единообразного подхода к разрешению корпоративных споров, связанных с оспариванием решений органов корпорации. Несмотря на наличие в законодательстве общих и специальных норм, многие вопросы, касающиеся оснований недействительности решений, порядка их оспаривания и правовых последствий, получают более детальное

толкование именно в судебных актах. Особое значение в данной сфере имеют разъяснения Верховного суда Российской Федерации и практика арбитражных судов.

Одним из ключевых актов, регулирующих вопросы рассмотрения корпоративных споров, является постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В данном постановлении разъясняются положения главы 9.1 ГК РФ, касающиеся решений собраний, оснований признания их недействительными, а также разграничения ничтожных и оспоримых решений. В частности, Верховный суд РФ указал, что не каждое нарушение процедуры проведения собрания является безусловным основанием для признания решения недействительным: суд должен установить, является ли нарушение существенным и повлияло ли оно на результаты голосования [6].

Институт оспаривания решений высшего органа корпорации занимает важное место в системе корпоративного права Российской Федерации и является одним из ключевых механизмов защиты прав участников хозяйственного общества. Решения общего собрания выступает самостоятельным юридическим фактом, с которым законодатель связывает возникновение, изменение и прекращение соответствующих отношений в корпорации, что обуславливает необходимость установления чётких правил их принятия и контроля за их законностью.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 25 марта 2026 г.). Ст. 65.1.

2. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного суда РФ 25.12.2019) (ред. от 25.04.2025).

3. Определение Верховного суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11062020-n-306-es19-24912-po-delu-n-a65-30532019/?ysclid=mozzmoxlek440873095>.

4. Определение Верховного суда РФ от 31.03.2016 по делу № 305-ЭС15-14197. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-31032016-po-delu-n-305-es15-14197-a40-1045952014/?ysclid=mozzo62dr4383163207>.

5. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 01.02.2024 по делу № А83-23706/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nENN44BZUWxQ/?ysclid=mozzouhr1n52041717>

6. Постановление пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 104–112).

7. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. Москва: Статут, 2014. С. 202.

CHALLENGING THE DECISIONS OF THE GENERAL ASSEMBLY OF THE CORPORATION: REASONS, PROCEDURE AND LEGAL CONSEQUENCES

Sokolovskaya Veronika Maksimovna

2nd year student,

North Caucasus branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice
Russian Federation, Krasnodar
nikasokolovskaa719@gmail.com

Kalashnikova Marina Grigorievna

Senior Lecturer,

North Caucasus branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice
Russian Federation, Krasnodar
kalashnikowa.mg@yandex.ru

This article discusses issues related to the challenge of decisions made by the general meeting of a corporation in Russian civil law. The relevance of this topic is due to the fact that the decisions of the general meeting directly affect the rights and legitimate interests of the corporation's participants, and can also have an impact on the activities of the company itself and third parties. Participants exercise their right to manage the corporation by participating in the general meeting, where decisions are made on strategic issues related to the company's operations. The legislator regulates in detail the procedure for holding general meetings and making decisions, taking into account the fact that it guarantees the participants (shareholders) protection of their right to manage

the company from the unscrupulous actions of individual members of the corporation and allows to resolve corporate conflicts in court. The method of protecting the violated rights of the members of the corporation is to challenge the validity of the decisions of the general meeting in court. The article analyzes the grounds on which the decisions of the general meeting may be declared invalid, taking into account the positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the arbitration courts of the districts.

Keywords: corporation, corporate bodies, decision of the meeting, contestation of decisions, invalidity of the decision, corporate disputes, judicial protection, civil law.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------	---

Гражданское и предпринимательское право, гражданский процесс, арбитражный процесс,

Абашеева Е. З. Организация розыска должников, их имущества и розыска детей в современной системе исполнительного производства Российской Федерации	5
Бабуева С. М., Морозова В. П. Проблемы правового регулирования обращения с твердыми коммунальными отходами: общероссийские тенденции и региональная практика (на примере Республики Бурятия)	15
Башарова А. С. Гражданско-правовые проблемы страхования рисков ответственности ОСАГО в РФ	22
Борхонова А. Е. Сравнительно-правовой анализ регулирования авторского права по Гражданскому кодексу РФ и Закону КНР «Об авторском праве»	29
Володина П. Е., Ведерникова Т. М. Отдать кровь и остаться защищенным: реальности донорства	37
Герасименко М. Н. Ответственность директора хозяйственного общества: пределы предпринимательского риска и стандарт добросовестности	44
Герасименко М. Н. Правовая охрана цифровых изображений и персональных данных в сети Интернет: гражданско-правовые способы защиты	53
Доможилова Д. С., Рыкунова Ю. Ю. Голосовая биометрия как средство аутентификации в гражданско-правовых сделках: правовые гарантии достоверности	66
Доржиев О. А. Ответственность туроператора в Российской Федерации	75
Дроздова Ю. А., Бянкина А. М. Наследование по закону в РФ и странах Европейского союза	90
Жалсабон А. А. Отдельные вопросы внесудебного банкротства граждан	99
Казанцева Д. С., Балдаева Р. А. Правовое положение государственных домов	109

Калашник Ф. А. Предварительное обеспечение иска как гарантия достижения правосудия в арбитражном процессе	115
Куницкий М. С. Противодействие групповым искам в гражданском процессе. Злоупотребление правом на защиту	123
Лопадчак А. А. Использование внешних ИИ-сервисов нотариусами: правовые риски разглашения нотариальной тайны и требования к конфиденциальности клиентских данных	133
Ляшевич О. С. Альтернативные способы разрешения корпоративных споров: современные подходы и роль медиации	141
Макаренко Д. В. Гражданско-правовые риски нарушения режима коммерческой тайны при использовании открытых ИИ-сервисов в предпринимательской деятельности	148
Матвеева А. И., Матвеева А. И. Реформа кассационного обжалования	158
Нечепай В. В. Компенсация морального вреда	166
Никулина Н. М. Животные как объект гражданского права: актуальные проблемы правового регулирования и пути их решения	173
Павлова В. А., Распопова В. О. Проблемы применения системы видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском судопроизводстве	183
Подольян Л. Р. Электронное согласование условий гражданско-правового договора через мессенджеры и платформы	189
Потёмкина К. Е. Социальные выплаты и защита прав граждан: роль судебных органов	198
Халтагарова О. А. Сравнительно-правовой анализ форм наследования в России и Китае	205
Цыбикжапова А. С. Гражданско-правовой статус искусственного интеллекта и его творений: вызовы и перспективы для современного права	210
Чернега А. А., Перевалов М. А. Наследование интернет-аккаунтов: правовые пробелы и пути их устранения	217
Шодонова М. Э., Маслова Д. А. Проблемы определения статуса участников и цели сделки при взыскании налоговых и таможенных платежей	224

**Трудовое право, семейное право, земельное право,
жилищное право, право социального обеспечения**

Бальжинимаева А. С. Особенности рассмотрения дисциплинарных споров сотрудников органов внутренних дел в судебном порядке	230
Бастуева Ю. Ч. Добросовестный приобретатель в договоре купли-продажи земельного участка	236
Батомункуев С. М. Роль медиации в урегулировании споров в сфере труда	248
Бисалиев А. Б., Морозова А. Д. Особенности правового регулирования реновации жилищного фонда на федеральном и региональном уровнях	258
Гуржапова С. Ю. Особенности возникновения права частной собственности в Республике Бурятия	264
Дашиянжибон Э. О. Актуальные вопросы судебной защиты трудовых прав работников	275
Доможилова Д. С., Рыкунова Ю. Ю. Признаки вынужденного увольнения: обзор подходов Верховного суда РФ и проблемы доказывания	287
Мошкина В. В., Шаповалова Д. А. Проблемы правового регулирования согласия супруга на распоряжение общим имуществом	295
Самойлов А. А. Размещение майнинг-фермы в жилом помещении многоквартирного дома как нарушение жилищного права	301
Соколовская В. М. Оспаривание решений общего собрания корпорации: основания, порядок и правовые последствия	309

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИКИ

Материалы всероссийской научно-практической конференции

(Улан-Удэ, 14 мая 2026 г.)

Редактор Р. А. Балдаева

Компьютерная верстка
Ж. В. Галсановой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 25.06.2026. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 16,02. Заказ 99.

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
rio@bsu.ru